

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. С. ПУШКИНА**

Юридический факультет

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

*Научно-теоретический и информационно-практический
межрегиональный журнал
Основан в 2004 году*

*Журнал включен ВАК Министерства образования и науки РФ в «Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»*

**№ 1 (43)
2016**

УДК 34
ББК 67

Ленинградский юридический журнал
№ 1 (43)

Редакционная коллегия:

*В. Н. Скворцов (гл. редактор),
О. В. Лунькова (зам. главного редактора), И. С. Кокорин (отв. секретарь),
Н. В. Бугель, М. Ю. Павлик, В. Г. Павлов, С. А. Роганов,
Е. В. Слепченко, О. Э. Старовойтова, А. В. Стремоухов,
Ю. М. Литвинова, Е. А. Нахова, Е. М. Оль, Е. В. Шеховцева*

Редакционный совет:

*Е. В. Вавилин, Н. А. Васильчикова, С. В. Кабышев, Г. Н. Комкова,
А. С. Подшибякин, И. Ф. Покровский, В. Ф. Попондопуло,
В. Б. Романовская, Д. А. Смирнов, Ю. Б. Шубников*

Журнал издается четыре раза в год.
Подписной индекс ЗАО «Агентство подписки и розницы»: 46786.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС 77-18800 от 25 октября 2004 г.

Адрес редакции:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10
тел. (812) 470-56-74; e-mail: lenjournal@yandex.ru
Сайт журнала: <http://lengu.ru/pages/izdaniya-lgu-im-aspushkina/leningradskiy-yuridicheskiy-jurnal.php>

Полнотекстовая версия номеров журнала,
а также аннотации статей и ключевые слова на рус. и англ. яз.
доступны на сайте www.elibrary.ru

© Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина, 2016
© «Ленинградский юридический журнал»

ISSN 1813-6230

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В. С. Бялт

К вопросу о понятии и содержании юридической ответственности:
теоретико-правовой аспект..... 9

Е. В. Воскресенская

Субъекты саморегулирования: теоретико-правовой аспект 17

Б. Н. Земцов

Судебник Ивана III: цели законодателя 24

К. В. Иванова, М. С. Меркулова, К. В. Мышевская

Судебная система России: историко-правовой обзор 32

А. А. Кабанов, С. В. Чижов

О правовом статусе конкурсных отношений 42

А. А. Карпов

Современный тоталитаризм и его разновидности 52

К. А. Науменко, Л. А. Виткова

К вопросам современной «правовой информации» 58

К. В. Петров

К вопросу о правовой природе Русской Правды 67

Е. А. Федоринова

Приоритетные направления правовой политики
современного Российского государства 78

Ю. Б. Шубников

К вопросу о предпосылках возникновения дихотомии права
(попытка институционального анализа) 85

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Л. Ю. Свистунова

Организационно-правовая форма деятельности законодательного
(представительного) органа государственной власти: понятие, правовое
закрепление и особенности в современных геополитических условиях 93

А. С. Сейтумеров

Понятие и содержание конституционного принципа
свободного перемещения финансов и капиталов 101

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

А. Я. Горковенко

Юридические противоречия между уставом общества
с ограниченной ответственностью и корпоративным договором 111

В. А. Максимов

Основания самозащиты гражданских прав собственниками 119

<i>К. С. Семенович</i>	
Технологическое присоединение к электрическим сетям: выбор заявителем категории надежности электроснабжения	128
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	
<i>И. Г. Гутиева</i>	
Взаимосвязь наркобизнеса и организованной преступности	135
<i>Б. Е. Младшев</i>	
Терроризм: понятие, причины и современные тенденции	139
<i>А. О. Чех</i>	
Криминологические аспекты преступности мигрантов в России в условиях глобализации	146
<i>Р. С. Ягодин, П. А. Волков, Н. В. Демченко</i>	
Проблемы противодействия рецидивной преступности.....	153
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
<i>И. И. Лодыженская, Г. П. Панфилов</i>	
Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления	159
<i>В. Ю. Низамов</i>	
К вопросу о понятии «раскрытие преступления» в криминалистике и уголовном процессе	170
<i>Е. В. Саюшкина</i>	
Особый порядок судебного разбирательства и назначение уголовного судопроизводства	180
<i>А. В. Стрелюхов, И. А. Иванов</i>	
Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути их решения	185
<i>М. А. Макаренко</i>	
Типология уголовно-процессуальных правоотношений с участием прокурора	193
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
<i>А. А. Дорская</i>	
Формирование правовых традиций государств – участников СНГ и ЕАЭС.....	201
<i>А. Ю. Курашвили</i>	
Международные договоры межведомственного характера: некоторые коллизии в российском законодательстве.....	210
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
<i>В. В. Бехер</i>	
Особенности федерального бюджета на 2016 год: перспективы экономического и правового роста.....	223

<i>Н. А. Васильчикова</i>	
Некоторые новеллы представительства в административном судопроизводстве	231
<i>Н. Н. Лайченкова</i>	
Медиация в налоговом праве: вопросы правильности и эффективности использования терминологии	241
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
<i>М. Ю. Порохов, А. Н. Порохова</i>	
Отдельные проблемы, возникающие при реализации права на судебную защиту	247
<i>Е. С. Федосеева</i>	
Проблемы имплементации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в российскую правовую систему в условиях активизма Европейского суда по правам человека	257
<i>Сведения об авторах</i>	266

**LENINGRADSKIY
JURIDICAL
JOURNAL**

Scientific-theoretical and informative-practical journal

**№ 1 (43)
2016**

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

V. S. Byalt

On the question of the concept and content of legal liability
theoretical and legal aspects..... 9

E. V. Voskresenskaya

Subjects of self-regulation: theoretical and legal aspects 17

B. N. Zemtsov

Sudebnik of Ivan III: aims of the legislator 24

K. V. Ivanova, M. S. Merkulova, K. V. Myshevskaya

The judicial system of Russia: historical and legal review..... 32

A. A. Kabanov, S. V. Chizhov

About legal status of the competitive relations..... 42

A. A. Karpov

Modern totalitarianism and its versions 52

K. A. Naumenko, L. A. Vitkova

To a questions of modern "legal information" 58

K. V. Petrov

To a question of the legal nature of "Russkaya Pravda" 67

E. A. Fedorinova

Priority directions of legal policy of modern Russian state..... 78

Yu. B. Shubnikov

To a question of prerequisites of the law emergence dichotomy
(attempt of the institutional analysis)..... 85

CONSTITUTIONAL LAW

L. Yu. Svistunova

Legal form of activity of legislative (representative) public authority:
concept, legal fixing and features in modern geopolitical conditions 93

<i>A. S. Seytumerov</i>	
Concept and content of the constitutional principle of free movement of finance and capitals	101
CIVIL LAW	
<i>A. Ya. Gorkovenko</i>	
Legal conflicts between the charter of limited liability companies and corporate contract	111
<i>V. A. Maksimov</i>	
The basis of self-defense of civil rights owners.....	119
<i>K. S. Semenovich</i>	
Technological connection to electric networks: choice of the category of power supply reliability by the applicant.....	128
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	
<i>I. G. Gutieva</i>	
The connections between drug industry and organized crime	135
<i>B. E. Mladshv</i>	
Terrorism: definition, causes and current trends	139
<i>A. O. Cech</i>	
Criminological aspects of migrants criminality in Russia in the context of globalization	146
<i>R. S. Yagodyn, P. A. Volkov, N. Demchenko</i>	
Problems of counteraction of recidivism.....	153
CRIMINAL PROCESS	
<i>I. I. Lodyzhenskaya, G. P. Panfilov</i>	
Pre-trial agreement on cooperation: enforcement problems and ways to overcome them	159
<i>V. Y. Nizamov</i>	
To a question about the concept of "disclosure of the crime" in criminology and criminal proceedings	170
<i>E. V. Sayushkina</i>	
Special order of the trial and the appointment of criminal justice	180
<i>A. V. Stremoukhov, I. A. Ivanov</i>	
Using the results of operatively-search activity in criminal proceedings: problems and solutions	185
<i>M. A. Makarenko</i>	
Typology of criminal procedure relations with the participation of the public prosecutor	193

INTERNATIONAL LAW

A. A. Dorskaya

Formation of the legal traditions
of states – participants of the CIS and EurAsEC 201

A. Yu. Kurashvili

International treaties of the interdepartmental character:
some conflicts in the Russian legislation 210

ADMINISTRATIVE LAW, FINANCIAL LAW

V. V. Bekher

Features of the federal budget execution for 2016:
the prospects for economic and Legal growth 223

N. A. Vasilchikova

Some novel representation in the administrative proceedings 231

N. N. Laychenkova

Mediation in tax law: the questions of accuracy and efficiency
of terminology use 241

CIVIL PROCESS

M. Yu. Porokhov, A. N. Porokhova

Some problems arising during the implementation
of the right to judicial protection 247

E. S. Fedoseyeva

Problems of implementation of the European Convention on Human Rights
and fundamental freedoms in the Russian legal system
in conditions activism of the European Court of human rights 257

About authors 266

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34.03

В. С. Бялт

К вопросу о понятии и содержании юридической ответственности: теоретико-правовой аспект

В статье рассматриваются позиции ученых-правоведов касательно понимания содержания юридической ответственности в различных аспектах, анализируются принципы юридической ответственности, исследуются критерии ее классификации. Автором сформулированы и обоснованы предложения по совершенствованию правоприменительной деятельности государственных органов по привлечению лиц к юридической ответственности для более эффективной реализации ее функций.

The article considers positions of scientists regarding lawyers understand the content of legal responsibility in various aspects, analyzes the principles of legal liability, and explores the criteria of its classification. The author formulated and substantiated proposals to improve enforcement activities of the state authorities to hold persons legally liable from the point of view of more effective implementation of its functions.

Ключевые слова: юридическая ответственность; социальная ответственность; принципы и виды юридической ответственности; правоприменительная деятельность.

Key words: legal responsibility; social responsibility; principles and types of legal liability; enforcement.

Анализ вопросов, связанных с понятием и содержанием юридической ответственности, имеет существенное значение как с точки зрения теоретико-правового исследования, так и в аспекте правоприменительной деятельности государства. Права и свободы человека и гражданина нуждаются не только в закреплении в действующем законодательстве, но и в охране, защите, а также в создании и поддержании эффективного административно-правового механизма их реализации. Все это теснейшим образом связано с наличием в государстве института юридической ответственности, который соответственно направлен на защиту и охрану прав и свобод человека и гражданина, что в конечном итоге способствует построению правового государства, а

также созданию и функционированию в нем гражданского общества. Неслучайно президент РФ В.В. Путин подчеркивает важность защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также дальнейшего усиления ответственности должностных лиц государственных органов за неправомерное и необоснованное их ограничение [9]. В соответствии с этим мы можем признать, что наличие и функционирование института юридической ответственности в обществе, а также совершенствование порядка привлечения лиц за совершенные правонарушения к юридической ответственности бесспорно обуславливает повышение качества регулирования общественных отношений в государстве. Таким образом, актуальность вопросов, касающихся рассмотрения и теоретико-правового анализа института юридической ответственности, очевидна.

Для того чтобы исследовать понятие и содержание такой сложной и многогранной категории, как юридическая ответственность, необходимо определиться с соотношением с позиции формальной логики понятий юридической и социальной ответственности, а также рассмотреть аспекты понимания ответственности.

В научной литературе социальная ответственность понимается, как объективная необходимость отвечать за нарушение социальных норм [1, с. 54; 10, с. 42]. Она выражает характер взаимоотношений личности с обществом, государством, коллективом, другими социальными группами и образованиями – со всеми окружающими ее людьми. В основе социальной ответственности лежит общественная природа человека [7, с. 450]. Социальная ответственность включает в себя такие виды ответственности, как моральная, политическая, юридическая, религиозная, партийная, профессиональная и др. Сообразно с этим мы можем указать, что понятие «социальная ответственность» является родовым по отношению к понятию «юридическая ответственность», поскольку последняя является ее составной частью.

Социальная ответственность, так же как и юридическая, в современной науке рассматривается в двух аспектах – как позитивная (перспективная) и как негативная (ретроспективная) ответственность [14; 5]. Позитивная ответственность – это ответственность за надлежащее исполнение своих обязанностей, порученное дело, за добросовестное поведение; это чувство морально-правового долга, гражданской позиции, развитого правосознания; это мера требовательности к себе и другим. Негативная ответственность – это ответственность за уже совершенные деяния; это своего рода классический вид

ответственности, существующий с того времени, как возникли государство, право, преступность.

Среди ученых-правоведов встречаются различные определения понятия юридической ответственности. М.Н. Марченко указывает, что юридическая ответственность понимается как обязанность всех граждан, должностных лиц и организаций соблюдать предписания правовых норм, а в случае неисполнения обязанности – претерпевать предусмотренные правом лишения личного или имущественного характера. Он выделяет следующие принципы юридической ответственности: законность, обоснованность, справедливость, неотвратимость, целесообразность и недопустимость повторной или двойной ответственности за совершение одного и того же правонарушения [6, с. 631, 633]. Н.И. Матузов определяет юридическую ответственность как необходимость для виновного лица подвергнуться мерам государственного воздействия, претерпеть определенные отрицательные последствия, или как вид и меру принудительного лишения лица известных благ, а в качестве основных принципов юридической ответственности называет законность, обоснованность, неотвратимость, справедливость, гуманизм, презумпцию невиновности [7, с. 453, 463]. В.С. Нерсесянц считает, что юридическая ответственность – это мера правового принуждения за правонарушение, предусмотренная санкцией нарушенной нормы и применяемая к правонарушителю компетентным государственным органом или должностным лицом в надлежащем процессуально-правовом порядке. По его мнению, основными принципами юридической ответственности являются правомерность, законность, обоснованность, правовая целесообразность, неотвратимость, своевременность, недопустимость двойной ответственности за одно правонарушение, справедливость [8, с. 528, 533–536]. В.К. Бабаев полагает, что юридическая ответственность – это возникшее в результате лично совершенного правонарушения и предусмотренное юридической нормой политико-правовое состояние, когда компетентный орган, должностное лицо или гражданин на основе закона или в специальной форме требует от правонарушителя отчет в совершенном деянии, возлагает на него определенную меру лишений, а правонарушитель претерпевает неблагоприятные последствия нарушения юридической нормы. С его точки зрения, принципами юридической ответственности являются: законность основания, гуманизм ответственности, персонифицированность (индивидуализация) возложения, нормативная правовая регламентированность (закрепленность) осуществления, недопустимость сочетания двух и более видов ответственности за одно правонарушение,

обоснованность и своевременность установления юридической ответственности [11, с. 636, 646].

На наш взгляд, руководствуясь тем, что юридическая ответственность является одним из видов ответственности социальной, а также воспринимая ее в негативном (классическом) аспекте, можно констатировать, что юридическая ответственность – это обязанность лица претерпевать определенные лишения (неблагоприятные последствия), предусмотренные санкцией юридической нормы, осуществляемые посредством государственного принуждения, выражающиеся в форме лишения личного, организационного либо имущественного характера [2, с. 22]. В качестве основных принципов юридической ответственности, по нашему мнению, следует выделить законность, справедливость, неотвратимость, своевременность, целесообразность, обоснованность и гуманизм.

Применительно к видам юридической ответственности необходимо отметить, что в научных кругах существуют разнообразные критерии классификации юридической ответственности. В.К. Бабаев утверждает, что основным крупным делением юридической ответственности, которое достаточно полно и четко охватывает все ее виды, является ее разделение на два крупных вида: имущественную (правовосстановительную) и штрафную (карательную). К видам имущественной ответственности он относит гражданско-правовую, материальную ответственность работников как государственных, так и частных предприятий (организаций) и имущественную ответственность иных объединений граждан, а к видам штрафной юридической ответственности – конституционную, уголовную, административную и дисциплинарную. Кроме того, В.К. Бабаев классифицирует юридическую ответственность по порядку применения санкций на судебную и административную, а по объекту правонарушения – на персональную и коллективную ответственность [11, с. 637–643]. В.С. Нерсесянц в соответствии с различными видами правонарушений подразделяет юридическую ответственность на следующие основные виды: уголовно-правовая, административно-правовая, дисциплинарно-правовая и гражданско-правовая. В качестве особой разновидности юридической ответственности за причиненный вред в трудовом праве он выделяет материальную ответственность [8, с. 530]. Н.И. Матузов полагает, что юридическая ответственность по своей природе подразделяется на соответствующие виды по отраслевому признаку: на уголовную, гражданскую, административную, дисциплинарную, материальную, процессуальную и конституционную [7, с. 455].

С нашей точки зрения, юридическую ответственность целесообразно классифицировать по следующим признакам: 1) временной направленности – на ретроспективную (негативную) и перспективную (позитивную); 2) телеологическому (целевому) критерию – на карательную (штрафную) и правосстановительную (компенсационную); 3) предмету правового регулирования – на уголовно-правовую, административно-правовую, гражданско-правовую и дисциплинарную (материальная ответственность выступает в качестве разновидности гражданско-правовой ответственности).

Кроме того, следует уточнить, что предмет правового регулирования можно назвать основным и одним из самых распространенных и общепринятых критериев классификации юридической ответственности.

Проанализировав теоретические аспекты понимания юридической ответственности, необходимо остановиться на анализе правоприменительной практики по привлечению лиц к юридической ответственности, которая раскрывает ее цели и функции.

В философии под целью понимается идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности и путей его достижения с помощью определенных средств; осуществление цели является процессом преодоления исходного несоответствия между потребностями человека и целью [4, с. 362]. Функция (в переводе с лат. яз. – исполнение) трактуется как обязанность, круг деятельности, направление деятельности [13, с. 498]. В юриспруденции понятия цели юридической ответственности и функции юридической ответственности тесно между собой связаны, поскольку цели юридической ответственности проявляются в ее функциях, которые в какой-то мере раскрывают сущность права в целом.

Условно можно выделить три основных функции юридической ответственности:

1) карательная (штрафная) – характеризует карательную реакцию государства на правонарушение и выражается в наказании виновного лица, причинении ему обременений личного, имущественного или организационного характера;

2) правосстановительная – позволяет взыскать с правонарушителя причиненный вред, возместить убытки, компенсировать потери, обеспечивая неудовлетворенный интерес управомоченного субъекта;

3) воспитательная (превентивная) – формирует у субъектов мотивы к правомерному поведению, предупреждает совершение новых правонарушений как со стороны правонарушителя, так и иными лицами [15, с. 45; 12, с. 35].

Полагаем, что в рамках совершенствования правоприменительной деятельности государственных органов по привлечению лиц к юридической ответственности целесообразно осуществить следующие мероприятия, которые, на наш взгляд, позволят более эффективно реализовывать функции юридической ответственности:

- необходимо строго следовать принципу недопустимости привлечения лица к различным видам юридической ответственности за одно и то же деяние, исключение может составлять только совмещение гражданско-правовой ответственности с другими видами [3, с. 70–71];

- карательная (штрафная) функция юридической ответственности, несомненно, имеет немаловажное значение с точки зрения, например, реализации принципа справедливости, но, по нашему мнению, все же логично уделять особое внимание реализации воспитательной (превентивной) функции, поскольку она формированием у субъектов правоотношений мотивов к правомерному поведению содействует устранению именно причин совершения правонарушений, а не их последствий;

- для того чтобы добиться снижения уровня правонарушений в обществе, целесообразно на первое место ставить не принцип ужесточения наказания, а принцип неотвратимости ответственности, который в большей степени будет способствовать превенции правонарушений как со стороны самого нарушителя правовых норм, так и со стороны других лиц;

- безусловно, следует продолжать работу по совершенствованию законодательной юридической техники, направленную на создание материальных и процессуальных правовых норм, которые позволяли бы исключить неясность и неоднозначность в моментах, касающихся оснований и порядка привлечения к юридической ответственности;

- необходимо обеспечить эффективное функционирование административно-правового механизма обжалования действий и решений представителей государственных органов, которые стали результатом необоснованного и (или) незаконного привлечения лиц к юридической ответственности.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы:

1. Исследование института юридической ответственности имеет важнейшее теоретическое и практическое значение с точки зрения обобщения и систематизации имеющихся знаний в данной области, а также обоснования предложений по совершенствованию правоприменительной деятельности государственных органов в сфере привлечения лиц к юридической ответственности.

2. Юридическая ответственность является одним из видов социальной ответственности.

3. В научной литературе нет единого четко установленного понятия юридической ответственности, также различные ученые правоведы приводят и обосновывают свои перечни принципов юридической ответственности.

4. Юридическую ответственность можно классифицировать по различным критериям, основным из которых считаем предмет правового регулирования. Согласно указанному критерию выделяется уголовно-правовая, административно-правовая, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность.

5. С нашей точки зрения, данный перечень предложений по совершенствованию правоприменительной деятельности государственных органов по привлечению лиц к юридической ответственности может способствовать более эффективной реализации функций юридической ответственности, что в конечном итоге скажется на качестве урегулирования общественных отношений в государстве.

6. Следует констатировать, что вопросы, связанные с теоретико-правовым анализом юридической ответственности как вида социальной ответственности, по нашему мнению, нуждаются в дальнейшем рассмотрении и исследовании.

Список литературы

1. Белов А.В. Социальная ответственность: дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2011.
2. Бялт В.С. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
3. Бялт В.С. Институт дисциплинарной ответственности сотрудников полиции: моногр. – Междунар. изд-во LAMBERT Academic Publishing, 2011.
4. Краткий словарь по философии / под общ. ред. И.В. Блауберга, И.К. Пантина. – 3-е изд., дораб. и доп. – М.: Политиздат, 1979.
5. Кузьмин И.А. Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2012.
6. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2014.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013.
8. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.

9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2015 года // Росс. газета. – 2015. – 5 дек.
10. Султанова Л.И. Социальная ответственность в условиях глобализации: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2010.
11. Теория государства и права: учеб. для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014.
12. Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
13. Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра-М, 2003.
14. Цишковский Е.А. Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.
15. Юзефович Ж.Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

Субъекты саморегулирования: теоретико-правовой аспект

В статье выявляется круг субъектов, подлежащих саморегулированию, анализируется правовой статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции.

In the article reveals the range of subjects to be self-regulation, analyzes the legal status of the entities involved insignificant public functions.

Ключевые слова: публично значимые функции; саморегулирование.

Key words: publicly significant functions; self-regulation.

Развитие рыночных отношений в России влечет необходимость исследования механизмов их правового обеспечения, среди которых саморегулирование привлекает внимание наличием широчайших возможностей по выработке правил поведения самими участниками общественных отношений в пределах конституционно гарантируемой свободы осуществления экономической деятельности. Создание условий для свободы предпринимательства и конкуренции, развитие механизмов саморегулирования предпринимательского сообщества определены в качестве одного из принципов взаимоотношений государства и субъектов предпринимательской деятельности [3]. Законодательно установлена необходимость обязательного членства в саморегулируемой организации (далее – также СРО) при осуществлении 13 видов предпринимательской или профессиональной деятельности и добровольное членство в отношении 10 её видов.

История саморегулирования и самоуправления насчитывает в России более 150 лет (не считая времени существования российского общинного самоуправления). Самоуправление было положено в основу такого правового института, как адвокатура и коллегии адвокатов. При проведении правовой реформы (1864) адвокатура создавалась как самоуправляющаяся организация. Лишь спустя 10 лет была разрешена деятельность частных поверенных лиц, способных оказывать правовую помощь в частном порядке (без обязательного членства в адвокатуре), но только в гражданском, а не в уголовном судопроизводстве. Прообразом саморегулируемой организации как союза

предпринимателей является созданная в 1870 г. Московская биржа, уставом которой на ее представительный орган биржевой комитет возлагалась защита интересов биржевого общества перед государственными и общественными организациями. Аналогичная идея самоуправления заложена в деятельность нотариата и нотариальных палат. В следующие годы принцип саморегулирования использован в регулировании деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, профессиональных оценщиков, аудиторов.

Значение саморегулирования профессиональной деятельности проявляется в следующем:

1) система саморегулирования необходима для удовлетворения как частных, так и публичных интересов. Эффективное развитие рыночной экономики связано с самостоятельностью, инициативой, ответственностью участников рынка, соответственно, с саморегулированием;

2) саморегулирование эффективно в тех областях, где пересекаются сферы предпринимательской и профессиональной деятельности, где качества, характеристики, черты субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности, а также предъявляемые к ним требования подвержены определенному взаимовлиянию. Деятельность в подобных взаимосвязанных областях условно можно назвать профессиональной деятельностью в сфере предпринимательства. В таких областях действуют лица с элементами правового статуса, присущими одновременно субъектам как предпринимательской, так и профессиональной деятельности, а точнее – публично значимых видов профессиональной деятельности.

Правомерность и конституционность существования самоуправляющихся (саморегулируемых) организаций, в частности коллегий адвокатов и нотариальных палат, включая конституционность обязательного членства защитников по уголовным делам в коллегиях адвокатов, а частных нотариусов – в нотариальных палатах, подтверждена постановлениями Конституционного суда Российской Федерации 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР» [5] и от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2,12,17,24 и 31 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [8].

Абзацем вторым п. 3 описательной части Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 19.05.98 № 15-П установлено, что «Конституция Российской Федерации... не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти. По

смыслу ее статей 78 (части 2 и 3) и 132 (часть 2), такая передача возможна при условии, что это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам».

По нашему мнению, саморегулируемые организации являются такими публично-правовыми образованиями, которые создаются для защиты прав и интересов не только членов организации, а неограниченного круга лиц, что является публично-правовой функцией, свойственной органам государственной власти.

В Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 31 мая 2005 г. № 6-П [7] было признано, что, провозглашая право каждого на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, Конституция Российской Федерации гарантирует свободу деятельности общественных объединений и предусматривает в ст. 30 запрет на принуждение к вступлению в какое-либо объединение или пребывание в нем. Вместе с тем федеральный законодатель, руководствуясь ст. 18, 71 (п. «в», «е», «ж») и 76 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со ст. 17 (ч. 3) и 55 (ч. 3) и учитывая необходимость согласования частной экономической инициативы с потребностью в предоставлении определенного объема публично значимых услуг должного качества, вправе предъявлять к субъектам экономической деятельности конкретные требования и устанавливать механизм контроля за условиями ее реализации, которые отвечали бы критериям соразмерности и пропорциональности государственного вмешательства и обеспечивали частное и публичное начала в сфере экономической деятельности. Так, он может возложить на субъекты экономической деятельности, осуществляющие в том числе публичные функции, и следовательно, действующие не только в интересах извлечения прибыли, но и в целях удовлетворения общественных потребностей, в качестве условия осуществления их деятельности обязанность быть членами соответствующего профессионального объединения.

Такие объединения имеют публичное предназначение в связи с осуществляемым ими контролем за деятельностью своих членов. Поэтому такие организации не могут быть основаны исключительно на принципе добровольности членства.

Общественно полезная функция аудита раскрыта в Постановлении Конституционного суда РФ от 01.01.2003 № 4-П [7], п. 4 которого определено, что в соответствии со ст. 71 Конституции России официальный бухгалтерский учёт служит инструментом финансового регулирования и реализации конституционного права на информацию в сфере предпринима-

тельской деятельности и экономики. Указание Конституции на официальный характер бухгалтерского учёта предполагает его публичность, а следовательно, необходимость наличия таких гарантий, которые позволяли бы в публичных целях обеспечить достоверность бухгалтерско-учётной информации, что невозможно без составления и предоставления бухгалтерской отчётности, а также без соответствующего контроля и проверки её ведения. Одной из таких гарантий обеспечения достоверности официального бухгалтерского учёта в сфере экономической, в том числе предпринимательской, деятельности является обязательный аудит, который проводится в интересах неопределенного круга лиц и государства, т. е. в общественном интересе.

Возникающие в нашей стране юридические конфликты и теоретические проблемы в сфере саморегулирования связаны не столько с самими саморегулируемыми организациями и их правовым статусом, сколько с участием субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности в СРО. В последнее время для целей саморегулирования и определения круга субъектов, подверженных саморегулированию, предпринимаются попытки вывести дефиницию понятия «профессиональная деятельность», отграничив ее от предпринимательской деятельности, в частности через правовые характеристики данной деятельности: осуществление данной деятельности физическими лицами; публичная и общественная значимость профессиональной деятельности (ее результатов или процесса ее осуществления); обладание знаниями, навыками, способностями, умениями, приобретенными в процессе получения образования; документальное подтверждение компетентности в соответствующей области (наличие диплома о высшем образовании, аттестация, документально подтвержденный стаж работы и т. д.); получение вознаграждения или иной выгоды за свою деятельность; закрепление преимущественно императивными нормами требований к элементам договора, заключаемого при осуществлении профессиональной деятельности; включение субъектов профессиональной деятельности в СРО [9]. Приведенное мнение не выдерживает критики, так как исключает, например, из перечня профессиональной деятельности аудиторскую деятельность и охватывает таким понятием деятельность врачей, учителей и т. п.

Так, в п. 6 ст. 1 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» [4] определено, что «аудиторские организации, индивидуальные аудиторы (индивидуальные предприниматели, осуществляющие аудиторскую деятельность) не вправе заниматься какой-либо *иной предпринимательской деятельностью, кроме проведения аудита и оказания услуг, предусмотренных настоящей статьей*» (выделено авт.).

Очевидно, что саморегулирование занимает самостоятельное место в системе способов социального регулирования общественных отношений. Родовое понятие саморегулирования является частноправовым. С этой позиции саморегулирование как вид деятельности, базируясь на автономии воли и самостоятельности его участников, способно проявить себя только между равноправными субъектами, с присущей им свободой в поиске желаемой цели и возможностями к ее достижению, что в своей совокупности свойственно именно для частноправовых отношений и содержательно характеризует рассматриваемое правовое явление. Понятие предпринимательской деятельности описывается законодателем через известную и исследованную совокупность признаков. Не вызывает сомнения и то, что понятие «профессиональная деятельность» в российском законодательстве законодательно не закреплено, и несмотря на его некоторую схожесть с понятием «предпринимательская деятельность», не может отождествляться с последним.

Следует обратить внимание, что понятие «организации, осуществляющие публично значимые функции», впервые использованное в актах Конституционного суда РФ, представляется не вполне очевидным в силу отсутствия единого научного подхода к пониманию публично значимых функций, его легальное определение отсутствует. Как показывает анализ практики Конституционного суда РФ, в его решениях констатируется публично-правовой статус следующих субъектов: адвокатов; нотариусов; арбитражных управляющих, в том числе саморегулируемых организаций арбитражных управляющих; политических партий; коммерческих банков, принявших на себя обязательства по осуществлению государственной финансовой поддержки; аудиторских организаций, аттестационных комиссий; избирательных комиссий; третейских судов; государственных и муниципальных унитарных предприятий и учреждений.

В юридической литературе общепризнанное определение публично значимых функций, равно как и лиц, осуществляющих публично значимые функции, не сформулировано. А. С. Джагарян рассматривает выполнение публично значимых функций как действие в общих публичных интересах [9]. С. Б. Жилина определяет близкий по значению термин «публичные функции» как «направления деятельности различных субъектов, главным образом государства и муниципальных образований, по удовлетворению публичного, т. е. общественного, интереса, признанного и охраняемого государством» [1]. Таким образом, определение публичных функций исключительно через категорию общественного (публичного) интереса, как представляется, не вносит ясности ни в научный оборот, ни в правоприменительную практику.

На наш взгляд, основной целью деятельности, предопределяющей правоспособность субъектов, подлежащих саморегулированию и осуществляющих публично значимые функции, является реализация прав и законных интересов неопределенного круга лиц. Право заниматься иной деятельностью принадлежит таким субъектам, но лишь в той части, в которой это соответствует основной цели. Общественно полезный характер деятельности является слишком неопределенным понятием, в котором отсутствует общепризнанное и понятное содержание, что, на наш взгляд, не позволяет включать его в число признаков организаций, осуществляющих публично значимые функции.

Таким образом, к признакам исследуемых субъектов для целей саморегулирования можно отнести следующие: государство устанавливает усложненный механизм наделения их правоспособностью, предопределенной целью реализации (содействия реализации) прав и законных интересов неопределенного круга лиц; цели деятельности, основные функции и иные основы правового статуса таких субъектов либо их вида устанавливаются нормативным правовым актом, свойственные как организациям, так и индивидуальным субъектам.

Основываясь на вышеприведенных признаках, субъектов, осуществляющих публично значимые функции, можно разделить на создаваемые государством и частные. К числу первых относятся органы публичной власти, государственные предприятия и учреждения, государственные компании, Центральный банк, государственные корпорации, фонды, создаваемые публично-территориальными образованиями и т. п. К числу вторых – саморегулируемые организации, членство в которых обязательно для осуществления предпринимательской деятельности, и субъекты профессиональной и предпринимательской деятельности, подлежащие саморегулированию в силу закона.

Список литературы

1. Джагарян А. Конституционная природа муниципальных учреждений и её отражение в зеркале реформы бюджетной сферы // Сравнит. конституционное обозр. – 2013. – № 3. – С. 82–100.
2. Жилина С. Б. Правовое обеспечение исполнения коммерческими банками публичных функций в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2006. – С. 6–7.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // СЗ РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

4. Об аудиторской деятельности: федер. закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 01.08.2015) // СЗ РФ. 2009. – Ст. 15. – № 1.

5. Петров Д.А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2015. – 48 с.

6. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2,12,17,24 и 31 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. – 1998. – № 5.

7. По делу о проверке конституционности Федерального закона Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31 мая 2005 г. № 6-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.

8. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР: постановление Конституционного суда Российской Федерации 28 января 1997 г. № 2-П // Вестн. Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 1.

9. Сунгатуллина Л.А. Участие субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности в саморегулируемых организациях: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2015. – 25 с.

Судебник Ивана III: цели законодателя

В статье речь идет об одном из ключевых правовых источников Московской Руси XV в. – Судебнике 1497 г.

Автор полагает, что основной причиной его создания стало желание снизить накал социальной напряженности, возникавший в ходе судебных поборов, чинимых наместниками и волостелями. В условиях нестабильного политического положения в присоединенных Москвою новых территориях это напряжение легко могло перерасти в удельный сепаратизм.

In the article is devoted to one of key sources of the Moscow Russia XV century – to the Code of laws of 1497.

The author believes that the desire to reduce the heat of social tension arising during the judicial requisitions repaired by deputies and volostel was the main reason. In the conditions of unstable political situation, in the new territories attached by Moscow, this tension easily could develop into specific separatism.

Ключевые слова: Судебник 1497 г., Судебник Ивана III. Образование единого государства.

Key words: Code of laws of 1497, Sudebnik of Ivan III. Formation of the uniform state.

Судебник Ивана III или Судебник 1497 г. – правовой источник, который стал основой законодательства Московской Руси. В силу его значимости он всегда пользовался вниманием историков и правоведов. О Судебнике много писали Н. П. Загоскин [8], М. Ф. Владимирский-Буданов [4], С. В. Юшков [17], Л. В. Черепнин [15]. Не иссякает интерес к нему и сегодня. Исследователи анализируют место Судебника в системе источников права XVI в. [14], его влияние на правовую культуру [9], гражданско-правовую ответственность [10], систему наказаний [11] и другие аспекты, которые в той или иной мере затрагивались в Судебнике 1497 г. Тем не менее, некоторые вопросы остаются открытыми.

Со времен обнаружения Судебника в 1817 г. П.М. Строевым и опубликования его совместно с К.Ф. Калайдовичем в 1819 г. считается, что он стал логичным результатом образования единого государства, что потребовало

законодательного оформления этого процесса. Между тем правильный с точки зрения причинно-следственных связей этот аксиоматичный вывод не объясняет содержание Судебника.

С точки зрения Н. П. Загоскина, централизация территориальная предопределила централизацию законодательную [18, с. 5]. Но правовые нормы удельного периода не были рассчитаны на регулирование процессов, которые возникнут в будущем едином государстве. Поэтому московский законодатель должен был собирать их воедино очень избирательно. Иными словами, вывод Н. П. Загоскина требовал дальнейших рассуждений.

Автором одного из наиболее крупных исследований последнего времени является Ю. Г. Алексеев. Разумеется, он прав, когда пишет: «Основная идея Судебника – приоритет общего над частным, государственных интересов над партикулярными» [2, с. 434]. Но этот вывод слишком широк, к решению дискуссионных вопросов ученых он не приближает.

Многие авторы связывают появление Судебника 1497 г. с усилением власти московского государя и его стремлением к ликвидации сепаратистских тенденций удельных князей. Но, во-первых, об удельных князьях в Судебнике не говорится, во-вторых, непонятно, почему Иван III начал с судебной реформы, а не с административной? Конечно, и тогда, и много столетий позже, административные и судебные функции органов власти были слиты. И тем не менее, судя по многим нормативно-правовым актам законодатель вполне осознавал разницу между этими сферами работы центральных и местных органов власти.

В равной степени и утверждение, что главной целью Судебника «было распространение юрисдикции великого князя на всю территорию Русского централизованного государства», тоже нуждается в уточнении. Если бы содержание Судебника предопределялось только центростремительными процессами, то прежде всего законодательно должна была оформляться работа центральных государственных органов. В тех исторических условиях этого, конечно, быть не могло в силу специфики образования единого государства.

Этот процесс занял несколько десятилетий.

Предварительным условием образования единого государства, его предпосылкой являлось возникновение нового механизма престолонаследия в Московском княжестве. Это сделал Василий Темный (он передал старшему сыну Ивану основную часть территории государства – 16, причем лучших городов, остальным четырём сыновьям – 12 городов). Политического значения уделы младших сыновей Василия Темного уже не имели, т. е. они «утрачивали большую часть своих полномочий, в частности право заключать мирные и

союзные договоры, им вменялось в обязанность участвовать в военных кампаниях старшего брата – великого князя – и т. п.» [13].

Хотя братья Ивана III фактически превратились в его подданных, отношения с ними все-таки оставались семейным делом. И создавать правовой механизм, а тем более включать его в Судебник, великий князь не собирался.

Параллельно превращению братьев Ивана III из удельных князей в вотчинников шло поглощение Москвой независимых, самостоятельных княжеств и регионов. В отношении Ярославского (в 1463 г.) и Ростовского (в 1474 г.) княжеств можно говорить о добровольном присоединении. В отношении же остальных земель Иван III и его окружение действовали очень жестко. Разница состояла лишь в масштабах насилия:

- в 1465 г. в ходе военного похода Москва захватила Югорскую землю. Летописец отмечал: было выведено «много полона» [12, с. 71];

- присоединение Новгорода в 1471 г. проходило путем жестокой войны. «Вся земля Новгородская, говорит летописец, до самого моря была пожжена и поплетена, потому что опустошали ее не одни те войска, которые были с великим князем или его братьями, но изо всех земель московских ходили толпы за добычею в новгородские волости» [12, с. 2];

- Двинская земля отошла к Москве в 1471 г. как бывший новгородский регион;

- военный поход в Вятскую землю в 1485 – 1486 гг. ограничился казнью нескольких бояр-сепаратистов и высылкой остальных бояр и купцов в другие районы Московского княжества;

- практически бескровно была присоединена в 1485 г. Тверь (хотя подошедшее к воротам Твери московское войско было значительным).

Ясно, что проходивший таким образом процесс формирования единого государства юридического оформления не требовал. Разумеется, Москва еще не обретала в одночасье устоявшийся механизм управления. Поэтому на завоеванных княжествах и землях «региональная элита обычно оставалась если не на своих местах (ее часто переселяли), то хотя бы на ролях, близких к прежним. Но и здесь уделы постепенно теряли политический статус, превращались в землевладения» [13].

Отношение Москвы с местной элитой было индивидуальным. Общим оказалось то, что переходное состояние от удельной Руси к единому государству (когда у этой элиты оставались определенные объемы власти и даже сохранялись некоторые удельные княжества) воспринималось Москвой как временное, что исключало его юридическое закрепление.

Следующим этапом развития государства стало формирование центральных законосовещательных (Боярская дума) и исполнительных (приказы) органов власти. Но время ставить бояр в правовые рамки в конце XV в. еще не пришло: для Ивана III они были единственной политической опорой (не случайно в его княжение расцвели институты тарханных грамот и кормления).

Можно предположить, что основной причиной создания Судебника стало стремление снизить накал социального напряжения в присоединенных к Москве территориях, которое в тех условиях политической нестабильности могло породить опасный сепаратизм. Источники конца XV в. крайне скудны. Но в составленной между 1526 и 1530 гг. Никоновской летописи говорится: «наместники издавна, презрев страх божий и царские уставы, вместо пастырей и учителей сделались гонителями и опустошили многие города и волости» [1, с. 89]. Злоупотреблениям и произволу этих правителей не было границ, жители толпами бежали из сел, оставляя за собою пустыни [3, с. 13].

Кроме того, в стране требовалось начать наведение порядка: если раньше своеволие местных органов власти наместников и волостелей было допустимо, то по мере укрепления центральных органов власти это было необходимо прекратить.

Если считать, что одной из главных причин появления Судебника стала необходимость борьбы с процессуальными преступлениями, то следует поновому взглянуть на его источники. Традиционно источниками считаются все действовавшие к тому времени нормативно-правовые акты: «Русская Правда», «Новгородская судная грамота», «Псковская судная грамота» и т. д. Разумеется, создавая новые нормы, законодатель неизбежно их учитывал и от них отталкивался. Однако «Русская Правда» была из другого времени и давно существовала в сокращенной форме. Новгородская и Псковская судные грамоты возникли в регионе, обладавшем политической, экономической и правовой спецификой. В современной историографии как-то затерялось сделанное еще С.В. Юшковым замечание, что только в 27 статьях Судебника можно найти следы непосредственного влияния каких-либо известных нам юридических памятников или норм обычного права (12 статей из уставных грамот, 11 из Псковской судной грамоты, 2 статьи из Русской Правды (ст. 55 Судебника о займах и ст. 66 о холопах) и 2 статьи из норм обычного права). 40 статей, т. е. около 3/5 всего состава Судебника, не имеют какой-либо связи с дошедшими до нас памятниками [6, с. 140]. Поэтому куда логичнее предположить, что Судебник 1497 г. явился итогом правовых традиций и тенденций Северо-Восточной Руси и конкретно – Московского княжества. Иначе говоря, к источникам Судебника относятся прежде всего жалованные грамоты и

указы, касающиеся суда и управления второй половины XV в. Непосредственными предшественниками Судебника стали «Указ наместникам о суде городским», «Указ о езде», «Указ о недельщиках» и более развернутая «Белозерская уставная грамота» 1488 г.

В этой грамоте определяется порядок суда, управление белозерских наместников и размер получаемых ими пошлин. Считается, что наместникам, волостелям и их аппарату посвящены 7 статей из 23. Между тем и во многих других говорили о них же. Так, в ст. 20 – княжеским наместникам и тиунам запрещено самозваными являться на пиры, что свидетельствует о распространности подобного рода злоупотреблений. В ст. 23 белозерам также гарантировалось право апелляции в случае злоупотреблений со стороны наместников и волостелей. Что касается «Указа наместникам о суде городском», он вошел в Судебник 1497 г. практически целиком в качестве отдельной части.

Итак, до свержения золотоордынского ига в 1480 г. это напряжение вряд ли могло быть значительным. Во-первых, наличие многих социальных бед списывалось на врагов. Во-вторых, княжеская дворцово-вотчинная система не требовала больших финансовых затрат. Однако формирующийся государственный аппарат изменил ситуацию: его численность начала расти, а вместе с нею и поборы, чинимые наместниками, волостелями и их аппаратом.

Получение той или иной должности зависело от знатности претендента: представители титулованных боярских родов получали должности наместников, «дети боярские» – должности волостелей. Слуг у великого князя было больше, чем мест кормления. Чтобы дать возможность покормиться всем, устанавливался, во-первых, определенный срок (1 – 3 года) [16, с. 266–267], а во-вторых, в один и тот же район могли быть назначены два кормленщика.

Эти назначения не были должностями в привычном нам современном смысле. И они сами, и власть воспринимали их как форму оплаты труда за прежние заслуги. Отсюда и более привычное название этих служащих – «кормленщики». Наместники и волостели получали доход не из казны, а непосредственно с управляемого ими населения.

Среди обязанностей наместников и волостелей определенное место занимала судебная деятельность, где возможности мздоимства были достаточно широкими. Как отмечал еще Н. П. Загоскин, основная причина злоупотреблений крылась в том, что в процессе политического объединения русских земель все еще продолжала использоваться старая система управления – через наместников и волостелей [7, с. 49].

Вполне естественно, что, получая кормы (натурой или деньгами), «кормленщики» думали прежде всего о личных, а не о государственных или общественных интересах. Это влекло за собой такие злоупотребления, что «тягловые люди», согласно официальным показаниям дошедших до нашего времени грамот «бежали розно», ища «вольную землю» [16, с. 266–267].

Основной объем правонарушений исходил, конечно, от наместников и волостелей. Важность борьбы с ними была столь высока, что, по мнению С.В. Юшкова и Л.В. Черепнина, ст. 37 – 45, а также 64 и 67 были составлены ранее и вошли в Судебник подобно «Указу о езде» [6, с. 140].

Тем не менее, законодатель поставил эту проблему не в начало, а во вторую часть Судебника – ст. 37 – 45. Начинается же Судебник с центрального, боярского суда (ст. 1 – 10). Однако это противоречие исчезает, если посмотреть на него с точки зрения той философии власти, которая сформировалась ко времени написания Судебника:

- с 1484 г. Иван III стал именоваться «Государь всея Руси» (датируется сентябрем 1484 г.);

- в 1497 г., одновременно с временем составления Судебника, на государственной печати появилась эмблема в виде двуглавого орла (подобно тому, что находился на гербе Византии и Священной Римской империи);

- в ходе венчания на великое княжение внука Ивана III Дмитрия в 1498 г. великий князь и митрополит в своих речах говорили о необходимости будущему государю Дмитрию следовать началам правосудия.

Поэтому начало создания единой судебной системы именно с боярского суда оказывается вполне логичным.

В первой статье Судебника говорится: «А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судне посула от суда не имати никому». «Посул» в данном контексте уже не корм, а взятка. И чтобы не было сомнений, законодатель во второй статье повторяет: «а тайных посулов не имати».

Логичное внимание к центральному суду прерывается статьями 9 – 14, касающимися уголовного права. Историки права всегда отмечали искусственность, нелогичность включения в текст Судебника именно этого места. Это, в частности, подтолкнуло Л. В. Черепнина к предположению, что «статьи 10 – 14 являются фрагментом самостоятельного устава, направленного на организацию борьбы с татями и охрану собственности» [6, с. 140]. Но, скорее всего, это включение явилось проявлением правовой культуры того времени. Сегодня мы выделили бы их в отдельный кодекс, но тогда такого понимания не быть не могло.

Судебник создавался в крайне сложных политических условиях. Требовалось пресечь должностные преступления наместников и волостелей, но, с другой стороны, это был тот политический слой, на который Иван III как раз и опирался, собирая воедино новую Русь. Поэтому в борьбе с должностной преступностью законодатель не мог использовать юридические санкции. Так, в соответствии со ст. 19 провинившиеся судьи должны были лишь возместить причиненный ущерб: «А которого обинит боярин не по суду и грамоту правую на него съ диаком дать, ино та грамота не в грамоту, а взятое отдати назад, а боярину и диаку в том пени нет, а исцем суд с головы». Статья 33 лишь запрещает просить «посулов» и предписывает «самим от поруки посулов не имати», но санкций против науршителей не вводит [5].

В советской историографии появлению гипотезы, что одной из главных причин создания Судебника 1497 г. стала борьба с должностными преступлениями, мешало марксистское отношение к государству. Оно рассматривалось как аппарат классового насилия (в результате, в частности, ключевой статьей Судебника считалась 57-ая из 68 статей!). Сегодня наши методологические позиции иные. Вслед за Л. Штейном с его теорией «надклассовой монархией» и автором «теории солидаризма» Л. Дюги мы полагаем, что ни классовое, ни сословное общество, конечно, не могло быть гармоничным, при этом каждый социальный слой выполнял социально значимую функцию, государство же при этом являлось важнейшим социальным регулятором.

Итак, традиционно считается, что Судебник Ивана III был создан в целях регулирования процессуальных, уголовных и гражданских правоотношений. Однако анализ субъектов, к которым авторы Судебника обращались наиболее часто, значимость проблем, выражавших в порядке статей, показывают, что в конце XV в. наиболее важным для Ивана III и его окружения было создание новой системы органов исполнительной власти. В силу сложной политической ситуации они подходили к решению этой проблемы очень осторожно: не через создание административного права, а через регулирование (слитых с административными) судебных функций центральных и местных органов власти. Это был наименее болезненный путь создания новой системы управления страной, поскольку в гражданско-правовые отношения был втянут незначительный процесс населения, и уголовные преступления и правонарушения совершали единицы.

Список литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV – XVII вв. Т. 2. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – 608 с.
2. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана II: традиция и реформа. – СПб., 2001. – 464 с.
3. Амплеева Т. Ю. Правосудие в России: тернистый путь его становления... // Право в совр. мире. – 2015. – № 2(35). – С. 11–15.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Киев, СПб., 1905. – 706 с.
5. Георгиевский Э. В. К вопросу о преступном и наказуемом в эпоху Судебников XV – XVII вв. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1182931>
6. Греков Б. Д., Сидоров А. Л. Очерки истории СССР 14–15 вв. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 828 с.
7. Загоскин Н. П. История права Московского государства. – Казань, 1877. – Т. 1. – 344 с.
8. Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV – XV вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Вып. 1. – Казань, Университетская типография. 1875. – 67 с.
9. Осипян Б. А. Русский судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства // История гос-ва и права. – 2011. – № 4. – С. 23–27.
10. Попрядухина И. В. Гражданско-правовая ответственность по Судебнику 1497 г. // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2010. – № 4. – С. 157–159.
11. Попрядухина И. В. Система наказаний по судебнику 1497 г. // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2011. – № 4. – С. 87–89.
12. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3. – М.: Мысль, 1989. – 783 с.
13. Туровский Р. Ф. Проблема централизации и модели русской региональной политики в XIII – XVI вв. // Полис. Полит. исслед. – 2004. – № 1. – С. 125–138.
14. Федотов А. Н. Место московских судебныхников в системе источников права XVI в. // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. – 2013. – № 3 (14). – С. 44–47.
15. Черепнин Л. В. Судебники 15–16 вв. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XVI. – С. 266–267.
17. Юшков С. В. История государства и права СССР. – М., 1950. – 672 с.
18. Юшков С. В. Судебник 1497 года (К внешней истории памятника) // Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та. – Т. V. – Вып. III. – Саратов, 1926. – 46 с.

Судебная система России: историко-правовой обзор

В данной статье рассмотрен процесс формирования организационного обеспечения деятельности судов. Определены стадии судопроизводства в России на протяжении длительного времени. Проведен исторический обзор в различные временные рамки. Проанализирована цикличность отдельных проявлений деятельности судов в России на основании повторяемости развития истории.

This article is about the process of or ganizational support formation of courts activity. During a long time, there were defined different stages of legal proceedings in Russia. The historical review was carried out in different times. Also, there was analyzed cyclone of individual manifestation of courts in Russia based on repeatability of history.

Ключевые слова: судебная реформа, системный анализ, закон, кодекс.

Key words: judicial reform, system analysis, law, codec.

Историко-правовой обзор судебной системы Российского государства необходим для определения многообразного государственного механизма – организационного обеспечения деятельности судов.

Историко-правовой обзор развития судебной власти позволяет сделать вывод о том, что организационное обеспечение деятельности судов в России на протяжении длительного времени, вплоть до XIX в., не являлось самостоятельной функцией какого-либо органа. Органы власти и управления сдерживали самостоятельность судов [9, с. 69; 15, с. 6].

Первым сводом законов древнерусского права является Кодекс – «Русская Правда», дошедший до нас в трех редакциях. Это – «Краткая Правда», «Пространная Правда» и «Сокращенная Правда».

Кодекс был основан на обычном праве. Цель Кодекса – поиск истины, справедливое рассуждение и решение спорных вопросов.

Система Русской Правды регулировала в основном вопросы уголовного права, но также касалась и вопросов, относящихся к области гражданского или процессуального (судебного) права [3, с. 37; 4, с. 93].

В период феодальной раздробленности Руси особый интерес в плане организации правосудия вызывают Новгородская и Псковская республики. В XV в. в данных республиках появляются собственные судные грамоты, в основу которых легли источники, такие как Русская Правда, вечевое законодательство, договоры города с князьями и др.

Например, Псковская судная грамота 1467 г., регулировала гражданско-правовые отношения, судебное право, обязательственное право, рассматривала некоторые виды политических и государственных преступлений. Впервые дела, разрешенные судом, пересмотру не подлежали [1, с. 64; 4, с.101; 18, с. 366].

В ходе развития феодальных отношений усовершенствовались юридические понятия и формы судопроизводства. Исполнение судейских функций переходило в вид постоянной профессиональной государственной деятельности. Это требовало установления единообразия судопроизводства и влекло за собой появление процессуальной процедуры, создание законодательных основ правосудия [15, с. 6].

В XV–XVI вв. гражданско-правовые отношения постепенно формируются в определенную сферу, которая регулировалась специальными нормами, включенными в различные сборники (грамоты, судебники и др.).

В это время основными источниками общерусского права были: великокняжеское (царское) законодательство, постановления Земских соборов, «приговоры» Боярской думы, отраслевые распоряжения приказов, а также создавались более сложные формы законодательства: общерусские кодексы (Судебники, Соборное уложение). Были сформированы уставная книга Разбойного приказа, указные книги Поместного и Земского приказов «Новоуказные статьи» стали промежуточным этапом кодификации русского права в период между Судебниками и Соборным уложением (первая половина XVII в.) [7, с. 88; 21, с. 274].

В данный период времени существовали следующие типы уставных грамот:

- кормленные или наместничьи (фиксируют размеры «корма», судебных пошлин, штрафов, другие сборы в пользу должностных лиц);
- таможенные (определяют размер таможенных пошлин с различных видов товаров и с разных категорий купцов);
- губные (оформляют передачу губным старостам преследования разбойников и суд по разбойным делам);
- земские (регулируют организацию управления посадскими людьми, черными, дворцовыми крестьянами и делятся на уставные – главным образом

определяют сбор налогов с населения; судные – определяют порядок судопроизводства) [2, с. 159].

В связи с образованием Русского централизованного государства (XV – XVII вв.) на смену великокняжеского законодательства Боярской думы и Земских соборов появились общероссийские Судебники (1497 и 1550 гг.).

Одна из главных целей Судебника 1497 г. – это распространение юрисдикции великого князя на всю территорию централизованного государства. Данный свой закон стал инструкцией для организации судебного процесса и суда в целом. Со времени создания Судебника можно говорить об окончательном разделении компетенции между церковным и светским судами и об образовании на Руси суда – государственного учреждения правосудия [9, с. 70].

Судебник 1550 г. – первый в истории Руси нормативно-правовой документ, официально признанный единственным источником власти и включающий в себя принципы уголовного, гражданского и земельного права. Судебный процесс при Иване Грозном делился на две формы:

- состязательный процесс – рассматривались гражданские и уголовные дела по менее тяжким преступлениям при помощи свидетельских показаний и присяги;

- розыскной процесс – ведение уголовных дел по более серьезным преступлениям (например, убийство или разбой).

В период становления абсолютной монархии основным источником права являлось Соборное уложение 1649 г. Оно было создано на основе как российского, так и зарубежного законодательства (Судебники 1497 и 1550 гг., Литовский статут 1588 г., указные книги, челобитные и др.).

В Уложении впервые была реализована систематизация законодательства (967 статей в 25 главах), разграничение норм права по отраслям. Судебное право в Уложении составило особый комплекс норм, регламентировавших организацию суда и процесса, а также произошло четкое разделение судебного процесса на две формы: «суд» и «розыск».

В гл. 10 Уложения подробно описываются процедуры суда. Например: «суд» начинался с «вчитания», подачи челобитной жалобы. Затем происходил вызов приставом ответчика в суд. Ответчик мог представить поручителей. Ему предоставлялось право дважды не являться в суд, если на то имелись уважительные причины (отсутствие, болезнь), но после третьей неявки он автоматически проигрывал процесс. Выигравшей стороне выдавалась соответствующая грамота [1, с. 142 с; 10, с. 250].

Что касается розыска, то он применялся по наиболее серьезным уголовным делам. Особое внимание отводилось преступлениям против государ-

ства. Дело в розыском процессе начиналось с заявления потерпевшего, с обнаружения факта преступления или с обычного наговора. После этого в дело вступали государственные органы. Потерпевший подавал заявление, и пристав с понятыми отправлялся на место преступления для проведения дознания. Процессуальными действиями был «обыск», т. е. допрос всех подозреваемых и свидетелей [17, с. 463].

Если прежде вершители суда кормились за счет поборов, взимавшихся за разрешение судебных дел, то в дальнейшем был наложен запрет «брать посулы». Устанавливался конкретный размер пошлины в зависимости не от усмотрения судьи, а от характера дела и оспариваемой суммы. Основная часть пошлины шла в пользу великого князя, остальная распределялась между судьями [15, с. 6].

В 1719 г. Петром I была проведена судебная реформа. В 1722 г. вместо нижних судов были созданы провинциальные суды в составе воевод и заседателей, в 1727 г. упразднились надворные суды. Их функции передавались губернаторам. Дела по политическим обвинениям решались в органах политической полиции и в Сенате, а также лично императорам.

По мнению многих учёных, существенным недостатком дореформенных судов была их сословность, практически каждый социальный слой имел «свой» суд. К концу XVIII в., например, сформировались суды отдельно для крепостных и государственных крестьян, для торговцев и ремесленников, для дворян, для военных и чиновников и др.

В конце XVIII – начале XIX в. состоялось упразднение верхних, а потом и отдельных нижестоящих судов. В целом же судов было большое количество, каждый из которых имел свои особенности.

Одной из отрицательных сторон суда того времени являлось негласное разбирательство дел. Например, рассмотрение дела проходило без участия сторон, в том числе подсудимых и т. д. Это способствовало неограниченному произволу судебных чиновников, в том числе и судей. Эти и другие недостатки деятельности судов заставили власть задуматься над необходимостью изменить судебную реформу. Во многих европейских странах это уже было сделано [1, с. 275].

В 1718–1720 гг. произведено преобразование органов городского самоуправления. Были учреждены магистраты, которые подчинялись губернаторам. Общее руководство осуществлял Главный магистрат. Система управления стала более централизованной. В 1727 г. магистраты были преобразованы в ратуши.

В первой четверти XVIII в. круг источников существенно изменился. Он пополнился адаптированными иностранными актами, такими как манифест, устав, регламент, объявленный указ, утвержденными резолюциями монарха докладами и актами других форм.

В связи с огромным числом издаваемых актов требовалось проведение систематизации. Палата об уложении, учрежденная в 1700 г., кодифицировала правовые нормы.

Для законодательной деятельности периода абсолютизма присуще подробная регламентация всех сторон частной и общественной жизни. Оттого особое внимание уделялось правовому регулированию и формам правовых актов (регламенты, манифесты, именные указы, уставы).

В результате кодификационной работы первой четверти XVIII в. были созданы:

- Воинский артикул 1715 г. – свод военно-уголовного законодательства. Структура кодекса заимствовала родовую классификацию правовых норм (по роду деяния) с внутренней иерархией по важности деяния. Каждый артикул излагал отдельный вид правонарушения и назначал санкцию;

- Генеральный регламент (Устав коллегиям) 1720 г., который охватывал все стороны нового административного законодательства. В основу регламента был положен шведский Канцелярский устав 1661 г. Структура Устава коллегиям: положения об обязанностях и должностях коллегий и государственных учреждений (определены нормы административной ответственности, установлены состав и категории служащих и др.);

- «Пункты о вотчинных делах» 1725 г., в основу которых легли нормы частного права из Указа о единонаследии и других последующих актов о наследовании. Данный свод законов обобщил судебную практику и толкование закона по правоприменению, дополнял и изменял предыдущее законодательство о наследовании.

Формы законодательных актов петровского времени:

- регламенты: Кригскомиссариат (о выдаче жалованья в полках – 1711 г.), Штат-контора (о государственных расходах – 1719 г.), Коммерц-коллегия (о торговле – 1719 г.), Камер-коллегия (о государственных доходах – 1719 г.), Генеральный регламент (о форме и деятельности коллегий – 1720 г.), Главный магистрат (о городском устройстве – 1721 г.), Духовный регламент (о Синоде и церковном управлении – 1721 г.). Регламенты были актами, с помощью которых определялась общая структура, статус и направления деятельности отдельных государственных учреждений;

- манифесты, которые издавались только монархом с его подписью и были обращены к населению и всем учреждениям (например, объявление о вступлении монарха на престол, начале войны или подписании мира);

- именные указы, издаваемые и подписываемые также только монархом, адресовались Сенату, коллегиям, губернаторам, конкретным государственным учреждениям или должностным лицам с каким-либо решением. Именные указы дополнялись уставами, учреждениями или регламентами;

- указы, издаваемые монархом или от его имени Сенатом и направленные на решение определенного дела, введение или отмену каких-либо норм и принципов. Они адресовались определенному органу или лицу. В форме указа выносились судебные решения Сената;

- уставы – сборники с нормами, которые относились к конкретной сфере государственной деятельности (1716 г. – Воинский устав, 1720 г. – Морской устав, 1729 г. – Вексельный устав).

В Воинском артикуле 1715 г. была создана первая систематизация уголовно-правовых норм. Система преступлений петровского времени включала преступления против порядка управления и суда (срывание и истребление указов наказывалось смертной казнью).

В Кратком изображении процессов или судебных тяжб (1715) указывалась регламентация судебного процесса того времени.

Принципы организации суда: - коллегиальное устройство судов; - попытки разделения судебной организации от административной; - учреждение контроля над деятельностью судов со стороны специально учрежденных органов (прокуроров, фискалов, аудиторов); - совмещение гражданской и военной юстиции.

Процесс состоял из трех частей: - первая начиналась оповещением о начале процесса и заканчивалась получением показаний ответчика;

- вторая (само разбирательство) длилась до вынесения приговора;

- третья – от вынесения приговора до его исполнения.

14 декабря 1766 г. Екатерина II издает манифест – созыв депутатов для работы в Уложенной комиссии. Главная задача: кодификация громадного количества нормативно-правовых актов, существующих в стране, поскольку многие документы друг другу противоречили, отсутствовал единый свод законов. Для проведения работы по кодификации документов Екатерина II написала «Наказ». Основой для его написания стали труды: Ш. Монтескье «О духе законов», Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях», «Энциклопедия» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера.

Губернская реформа 1775 г. укрепила власть губернаторов и усилила положение местного административного аппарата. Таких же целей преследовали специально созданные полицейские, карательные органы и судебная система.

Возглавлял уездную администрацию земский исправник, который избирался уездным дворянством.

Земский суд управлял земской полицией, а также наблюдал за проведением законов и решений губернских правлений. Для руководства городами была создана должность городничего, а управление губерниями поручалось генерал-губернатору. Он считался главнокомандующим на своем участке, мог непосредственно обращаться с докладом к императору, мог вводить чрезвычайные меры. Генерал-губернатору подчинялись губернаторы.

В процессе судебной реформы была сформулирована и укреплена словесная судебная система. Например, для дворян в каждом уезде создан был уездный суд, члены которого избирались дворянством на три года. Апелляционной инстанцией для уездных судов стал верхний земский суд, который состоял из двух департаментов: по уголовным и гражданским делам. Верхний земский суд создавался один на губернию. Ему принадлежало право ревизии и контроля за деятельностью уездных судов. Верхний земский суд состоял из назначенных императором председателя и вице-председателя и десяти заседателей, избранных на три года дворянством.

1779 – 1781 гг. был составлен Устав благочиния, его публикация состоялась в 1782 г.

Главная задача полиции – сохранение общественного порядка, сохранение городского хозяйства, торговли, контроль за исполнением законов и решением местных органов власти, соблюдение церковных порядков. Полиция осуществляла предварительное следствие и розыск преступников, проведение предварительного следствия и передачей материала в судебные инстанции.

Проектом Основных положений судоустройства (1862) сформулированы новые принципы организации судоустройства и судопроизводства: отделение суда от администрации; состязательность; гласность; устность судопроизводства; оценка доказательств судом; отделение следствия от суда; всеословность; равенство; несменяемость судей и следователей; прокурорский надзор; выборность.

В 1864 г. – судебная реформа Александра II. Утверждены и вступают в силу основные акты судебной реформы: учреждения судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Российская реформа проводилась с учетом специфики эконо-

мических, социальных, политических и прочих условий, сложившихся на территории России.

Реформой судебной системы закрепляются новые принципы: отделение суда от администрации, создание всесословного суда, равенство всех перед судом, несменяемость судей и следователей, прокурорский надзор, выборность мировых судей и присяжных заседателей.

Измененные функции прокуратуры: общий надзор за законностью; надзор за деятельностью судов; поддержание обвинения в суде; надзор за органами следствия и дознания; надзор за местами лишения свободы.

Сформирован новый институт – адвокатура (присяжные поверенные).

Основой преобразований был положен принцип разделения властей, отделение судебной власти от законодательной, исполнительной, административной. Провозглашается равенство всех перед законом.

Судебная реформа несла на себе целый ряд пережитков прошлого: ограничение компетенции суда присяжных, особый порядок придания суду должностных лиц, недостаточное ограждение судейской независимости от администрации. Все эти факторы ослабляли эффективность проводимой реформы. Специальный Закон о полицейском надзоре 1882 г. усиливает систему всех проводимых мероприятий.

В 1881 г. было принято специальное Положение о мерах к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия, закрепившее и приведшее в систему все ранее сделанные изъятия из общего судебного порядка. В 1889 г. вступает в действие Положение о земских участковых начальниках, разрушившее идею о раздельности судебной и административной властей. В 1903 г. вступило в силу новое Уголовное уложение. Оно состояло из 37 глав и 687 статей. Число составов преступлений было сокращено в нем до 615. Уложение принимало трехстепенное деление: тяжкое преступление, преступление, проступок.

Впервые давалось определение пространства действия закона: он распространялся на всю территорию России, одинаково на всех лиц, на ней пребывающих. Система наказаний была упрощена, все наказания делились на главные, дополнительные и заменяющие. Сословная принадлежность преступника и жертвы учитывалась судом при определении наказания.

Судебный процесс в пореформенный период включал в себя принципы и институты, выработанные в ходе Судебной реформы 1864 г.: всесословность суда, процессуальное равенство сторон, обеспечение защиты и участие присяжных заседателей, свободная оценка доказательств и др.

Таким образом, реформы Александра I предполагали осуществить в определенных пределах разделение властей (Государственный совет, императорская Канцелярия, Комитет министров), сохраняя доминирующее положение императорской власти. Министерская реформа способствовала дальнейшей централизации управления. Одновременно (уже при Николае I) усиливается роль политической полиции и государственного надзора. Была завершена кодификация права, начатая еще Петром I и Екатериной II. Все изданные с 1649 г. правовые акты в хронологическом порядке были собраны в Полном собрании законов. Избранные из него действующие акты в систематическом порядке (по отраслям) были включены в Свод законов.

Основные законы составили комплекс государственного права. Впервые систематически были изложены положения гражданского права. Вместе с тем сферу уголовного права уже вскоре после принятия Свода пришлось обновлять (в соответствии с изменившимися условиями), для чего в 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Наиболее радикальной буржуазной реформой стала судебная реформа. Все же новые принципы судостроительства и судопроизводства (состязательность, гласность, отделение от администрации и т. п.) носили ярко выраженный либеральный характер.

Ученые считают, что Судебную реформу 1864 г. и ее основные результаты нельзя оценивать односторонне и однозначно, поскольку они несли в себе как положительный, так и отрицательный потенциал [12, с. 177; 13, с. 222].

Таким образом, общеметодологический принцип системного анализа, предполагающий выявление причинных, структурно-динамических, (историко-правовых) аспектов организационного обеспечения деятельности судов в досоветской России, продемонстрировал влияние на эти процессы социально-исторических обстоятельств конкретных эпох. Так, организация судебных систем в Древней Руси (IX – XII вв.); при междоусобице (XII – XV вв.); в Московском княжестве (XV – XVII вв.); в дореформенных судах (XVIII вв.); в период Судебной реформы 1864 г. существенно отличаются друг от друга.

Вместе с тем наблюдается определенная преемственность отдельных проявлений организационного обеспечения деятельности судов в России. Она объективна по причине концентричности, циклической повторяемости развития истории. Это позволяет выявить определенные аналогии в элементах организации деятельности судов различных периодов.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: Территория будущего, 2005. – 800 с.
2. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций. – М., 1859. – 589 с.
3. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб.: Наука. – 384 с.
4. Исаев И.А. История государства и права России: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2005. – 335 с.
5. Исаев М.А. Лекции по истории русского права и государства. Вып. 1. – М.: МГИМО, 1996. – 240 с.
6. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней Руси. – М., 1847. – 327 с.
7. Кавелин К.Д. Устройство гражданских судов от Уложения ц. А.М. до Петра В. – М., 1859. – 422 с.
8. Калачев Н.В. О значении кормчей в системе древнерусского права. – М., 1850. – 215 с.
9. Корякин И.И. Развитие судебной власти в России // Рос. юстиция. – 2007. – № 1. – С. 69–75.
10. Неволин К.А. История Российских гражданских законов // Собр. соч. – СПб., 1858. – Т. 3. – 399 с.; Т. 4. – 412 с.
11. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М.: Г.А. Леман, 1913. – 337 с.
12. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность. – М.: Тов. Д.И. Сытина, 1911. – 203 с.
13. Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. Т. 7,8 / под ред. Б.В. Виленского. – М.: Юрид. лит., 1991.
14. Российская юстиция. 2003. – № 1. – С. 6–9.
15. Российский судья. 2003. – № 2. – С. 4–7.
16. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. – М.: Тип. Моск. ун-та, 1908. – 813 с.
17. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 664 с.
18. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. – Юрьев: Тип. К. Маттесена, 1914. – 794 с.
19. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова и О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит. – 479 с.
20. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. – М., 1856. – 624 с.
21. Чичерин Б.Н. Опыты из истории русского права. – М.: Тип. Эрнста Барфкиехта, 1848. – 402 с.

О правовом статусе конкурсных отношений

В статье рассматриваются понятие, структура, содержание, значимость и перспективы развития правового статуса конкурсных правоотношений.

This article discusses the concept, structure, content, significance and prospects for the development of the legal status of competitive relations.

Ключевые слова: статус, правоотношение, правовые нормы, гражданско-правовая сфера, объекты и субъекты права.

Key words: status, relationship, legal norms, civil-legal sphere, objects and subjects of law.

Понятие статуса (лат. – *status*) как состояния, положения, множества значений характеристик, применяется для субъектов [3, с. 72, 109] и реже – для объектов [3, с. 91]. Применение этого понятия к отношениям является редкостью для общественных отношений, в том числе для правоотношений [3, с. 157, 158]. Однако «отношение» как термин является объектом изучения и в этом смысле исследование его статуса представляется весьма актуальным.

Как известно, отношение характеризует связь, взаимодействие. Правоотношение отражает взаимоотношения между субъектами права. Его можно рассматривать как разновидность общественных отношений [7, с. 19]. Известно, что общественные отношения, урегулированные нормами права, называются правоотношениями [5, с. 37]. Вопрос о состоянии (статусе) правоотношений до сих пор практически не исследовался в юридической литературе в достаточной степени. Тем не менее, без ответа на вопрос о правовом статусе ряда отношений, особенно конкурсных правоотношений, невозможно верно определить пути их совершенствования.

С практической точки зрения реализации прав и свобод человека правоотношение является, по нашему мнению, одним из важнейших элементов правовой системы. Как известно, суть права состоит в правовой связи личности и государства, находящей свое воплощение в разнообразных юридических отношениях [4, с. 17].

По своей социальной сути, на наш взгляд, правоотношение можно рассматривать как индивидуализацию неперсонифицированных прав и свобод в определённые права и обязанности субъекта в сферах, регулируемых правовыми нормами, по отношению к объекту. При этом статус правоотношения представляет собой состояние отношения в правовой сфере, определяющее способность к индивидуализации гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод в конкретные права и обязанности субъекта в конкретных ситуациях.

С точки зрения развития правовых отношений понятие статуса как состояния этих отношений представляет значительный интерес. При этом правовые отношения как свойство взаимосвязи между элементами правовой системы сами по себе должны рассматриваться системно. В их развитии можно выделить различные этапы, такие как зарождение, становление, функционирование и деградацию. Естественно, что в подавляющем большинстве случаев наибольший интерес представляет этап функционирования правоотношений, который характеризуется гомеостазисом, т. е. динамическим равновесием.

В социальное управление понятие гомеостата пришло из биологии. Как живой организм построен из клеток, так и система управления им построена из элементарных структурных единиц, своеобразных «кирпичиков» в сложной иерархической организации управления. Эту структурную единицу называют гомеостатом, описывая последний как высокоэффективную структуру управления, которая обеспечивает заданный уровень постоянства оптимальных условий функционирования живой системы. «Гомеостат – это структура управления материальными объектами, содержащая прямые, обратные и перекрестные информационные связи, обеспечивающая в процессе своей работы поддержание гомеостаза, т. е. динамического постоянства жизненно важных функций и параметров системы» [2, с. 334; 1, с. 82]. «Гомеостаз – функциональное состояние системы, при котором за счет действия специальных систем управления (гомеостатов) обеспечивается поддержание динамического постоянства жизненно важных функций и параметров системы при различных изменениях внутренней и внешней среды» [2, с. 333; 1, с. 82–83]. «Гомеостатическая система – система, состоящая из объекта управления и управляющего объекта, когда последний представляет собой гомеостат». Гомеостатические системы являются предметом гомеостатики. «Гомеостатика – раздел кибернетики в области управления сложными системами, изучающий механизмы, свойства и явления многосвязного иерархического управления, включающего отношения между частями гомеостата и внешней средой, обеспечивающего поддержание динамического постоянства

жизненно важных параметров и функций, включая ритмы и тренды развития» [2, с. 333; 1, с. 82–83].

С точки зрения права для понятия гомеостаза правоотношений удобнее использовать понятие статуса, обычно применяемого для определения состояния субъекта или объекта права. При этом на характеристики правоотношения будут перенесены свойства, известные для правовых субъектов и объектов.

Представляется, что статус правового отношения обуславливается следующими факторами: - степенью разработанности и юридического содержания нормативной правовой привязки к объекту; – правосубъектностью (правоспособностью, дееспособностью) и развитостью правосознания субъекта правоотношения, его компетенцией, умением и навыками практической реализации своих прав и обязанностей; - структурой и особенностями правоотношения.

Статус правоотношения можно оценить степенью реализации субъектом действий юридического содержания и достижения поставленных целей.

По содержанию правоотношения представляется возможным выделить три вида юридических правовых норм, влияющих на статус правоотношения:

- материальные, формально определяющие права и обязанности субъектов в содержании юридических действий. Такие нормы не регулируют или частично регулируют способы реализации правоотношения в части его содержания и самих действий в обеспечении прав и обязанностей, а содержат принципиальные юридические факты, порождающие юридические действия общего характера. В развитии материальных норм обеспечительную роль выполняют действия процессуального и процедурного характера;
- процессуальные, определяющие права и обязанности субъектов в процессе и принципиальные юридические факты в начальной, окончательной и/или промежуточной стадии процесса. Устанавливают или частично устанавливают определённый порядок юридических действий в процессе. Процессуальные действия реализуются в развитии материальных норм, самостоятельно и/или совместно с процедурными нормами;
- процедурные, определяющие права и обязанности субъектов в процедуре, содержащие строгий порядок, алгоритм юридических действий, оформленных юридическими фактами начала, окончания, а также промежуточных этапов процедуры. Процедурные действия реализуются в развитии материальных, процессуальных норм, являются инструментом правового оформления оснований возникновения, окончания или продолжения правоотношения материального или процессуального характера.

С точки зрения статуса правоотношения, вида материальной привязки к объекту, характера юридических действий субъектов – правоотношение как способ индивидуализации гарантируемых прав и свобод в определённые права и обязанности субъекта, можно различать как основное и презумпционное. (Презумпция – предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное [9, с. 571]).

Основное правоотношение непосредственно индивидуализирует гарантируемые права и свободы в определённые права и обязанности субъекта.

Презумпционное правоотношение выполняет обеспечительную функцию в части доступа к индивидуализации гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод в определённые права и обязанности для широкого круга субъектов и создаёт правовые основания для начала, завершения, продолжения основного правоотношения. По своему правовому статусу презумпционное отношение предполагает равные права и обязанности субъектов как при участии в презумпционном (обеспечительном), так и основном правоотношении. Вопрос правового обоснования такой разновидности правоотношения остаётся открытым и связан с предметным и субъектным составом правоотношения.

Конкурсное отношение, являясь разновидностью гражданского правоотношения, имеющего диспозитивный, конкурентный, процедурный характер, в котором юридический факт возникновения прав и обязанностей субъектов по определённому заранее объекту правоотношения связан с выполнением условий конкурса, требует более детального правового обоснования.

Конкурсный характер отношений может возникать в различных отраслях, подотраслях, институтах права, связанных как с материальными, так и процессуальными нормами. Этот факт обуславливается универсальностью самой структуры правоотношения, которое является базисным свойством правовой системы с точки зрения реализации и обеспечения в ней прав и свобод. В сферах, не входящих в гражданско-правовую отрасль, такие отношения также имеют диспозитивный характер, регулируются специальными законодательными актами, для них характерен принцип состязательности в обеспечении прав и свобод, присущ процессуальный, процедурный характер содержания, определены условия возникновения юридического факта обладания определёнными правами и обязанностями. И в этом случае правоотношения носят охранительный, регулятивный характер.

Вместе с тем именно в гражданско-правовой сфере обоснованное применение конкурсных отношений позволяет наиболее эффективно реализовать принципы конкуренции, свободы предпринимательства, прозрачности,

снизить коррупционную составляющую, создать организационные правовые механизмы для развития общественной, социальной, экономической сферы.

Проблематика правового статуса конкурсного отношения связана со структурой, содержанием правоотношения, анализом особенностей механизма индивидуализации неперсонифицированных гарантируемых прав и свобод в права и обязанности субъекта, характерного для этого правоотношения. Обоснование правового статуса конкурсных отношений связано с решением ряда задач.

Основная задача заключается в поэтапном анализе конкурсного отношения как разновидности правоотношения, определении его отличительных особенностей. В этом смысле конкурсное отношение состоит из тех же структурных элементов, что и любое другое правоотношение. Основным условием, придающим правовой статус конкурсного отношению общественному или же правоотношению, уже являющегося таковым, но не обладающего конкурсным статусом, является наличие регулирующего правового акта, определяющего основные правовые параметры такого отношения. Этот нормативный правовой акт, регулирующий конкурсные отношения, должен определять все те элементы структуры, которые характерны для правоотношения в принципе: объект, субъектный состав, порядок регламентации юридических действий. В случае конкурсных отношений имеют место, как правило, отношения процедурного характера. Конкурсные отношения индивидуализируют неперсонифицированные гарантируемые права и свободы в права и обязанности в обеспечительном правоотношении для множества субъектов.

В процессе конкурса права и обязанности множества субъектов, предложивших различные условия реализации основного правоотношения, индивидуализируются и переходят в права и обязанности определённого субъекта, предложившего наилучшие условия. Как правило, конкурсное отношение носит процедурный характер и является по существу обеспечением права субъекта на возникновение индивидуализированных прав и обязанностей в основном отношении, в части, не противоречащей неперсонифицированным гарантированным правам и свободам, на условиях обеспечительной процедуры.

Существенной особенностью конкурсного отношения является его правовая связь с родственным материальным/процессуальным правоотношением, которое не прекращается по окончании конкурсной процедуры, а получает индивидуализированное закрепление к определённому субъекту в целях продолжения правоотношения в рамках материальной/процессуальной нормы. Конкурсное отношение в этом случае выполняет обеспечительную функ-

цию и позволяет на основе определённых, существенных для основного правоотношения конкурентных критериев определить наилучшие условия в части соотношения прав и обязанностей субъектов в рамках основного правоотношения (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные элементы правового статуса конкурсного правоотношения

Критерии конкурсной процедуры являются важным элементом конкурсного отношения. Правовое обоснование таких критериев должно основываться на комплексном подходе, учитывающем весь спектр правовых нормативных требований, возникающих в основном правоотношении и являющихся существенными для презумпционной (обеспечивающей равные права субъектов) конкурсной процедуры. Очевидно, что в гражданско-правовых отраслевых направлениях выбор сфер применимости конкурсных отношений связан с необходимостью выработки критериев, исходя из диспозитивных норм, регулирующих основное правоотношение в условиях множественности субъектов, имеющих равные права на его реализацию.

Возникает вопрос, в какой мере распространение конкурсного характера на гражданско-правовые сферы не нарушает гарантированные права и свободы субъектов в условиях равенства по отношению к этим правам и свободам?

В этой связи обоснование правового статуса конкурсного отношения затрагивает весь элементный состав правоотношения как юридического явления и требует ответа на следующие вопросы.

1. Какие предметы, субъекты могут быть рассмотрены в контексте конкурсных отношений?

2. В каких сферах конкурентная среда и критерии, следующие из устойчивой правовой связи с родственным материальным/процессуальным правоотношением, могут быть использованы для индивидуализации прав и обязанностей субъекта в конкурсной процедуре?

3. Насколько актуальные правовые нормативные акты, регулирующие гражданские отношения, учитывают конкурсный характер возникающих отношений и насколько они могут быть дополнены соответствующими процедурными нормами, обеспечивающими равный доступ субъектов к предмету отношений в условиях их множественности?

Очевидно, что критерии конкурсной процедуры должны учитывать необходимый уровень требований к правовому статусу субъектов, участников процедуры, не нарушая при этом их права на участие в процедуре, исходя из требований основного родственного материального/процессуального правоотношения за исключением случаев, когда таким правоотношением предусматриваются определённые, обоснованные с правовой точки зрения ограничения.

Сущностной правовой основой конкурсного отношения является процедура, в ходе которой определяются права и обязанности субъектов по реализации основного отношения. Содержание процедуры в конкурсном отношении является правовым механизмом, позволяющим на основе дей-

ствующих требований законодательства, корпоративных норм и правил, выстроить обоснованный алгоритм – последовательность выполнения определённых действий, оформленных юридическими фактами, имеющих пространственные, временные ограничения, включая правила подготовки, оформления, участия в процедуре, закрепления прав и обязанностей.

Поскольку предмет, по отношению к которому возникают конкурсные отношения, чрезвычайно различается по своему правому содержанию, методу регулирования, требованиям к субъектному составу, содержание процедуры, несмотря на унифицированный характер в различных сферах правового регулирования, будет различаться.

С другой стороны, унифицированный характер процедуры, соответствующий правовому статусу конкурсного отношения, имеющего идентичное по своей правовой сути содержание, позволяет выстроить эффективную с точки зрения уменьшения влияния коллизионных факторов правовую модель. Эта модель способна учитывать базисные закономерности, характерные для структуры правоотношения как общего явления правовой системы, так и предметный характер, связанный с ограничениями по правовой нормативной привязке и субъектному составу, характерный для основного и конкурсного правоотношения.

Окончание конкурсной процедуры не завершает материальные/ процессуальные отношения, которые в дальнейшем могут содержать и другие процедурные, в т. ч. имеющие конкурсный правовой статус, которые реализуются в рамках основного правоотношения. При этом такие конкурсные отношения могут быть выявлены только через основное правоотношение.

В дальнейшем, при возникновении основного правоотношения по результатам конкурсной процедуры, права и обязанности по основному правоотношению возникают у тех субъектов, которые являлись участниками конкурсного отношения. Управомоченный субъект в процессе реализации процедуры взаимодействует с субъектом (субъектами), участниками, контролируя состав и соответствие субъектов требованиям, соблюдение процедурных прав участников и исполнение ими обязанностей и регламента конкурса.

Управомоченный субъект определяет результаты процедуры и обеспечивает документальное оформление возникновения прав и обязанностей по основному правоотношению с участником, у которого такие основания возникли по результатам процедуры. В таком отношении конкурсными являются «вертикальные» отношения между управомоченным субъектом и участником процедуры.

Конкурсная процедура должна исключать возможность неправомерных действий со стороны субъектов, в том числе в части влияния на результаты конкурса. При наличии неправомерных действий конкурсные отношения между участниками конкурса не возникают. Конкурентный (конкурсный) характер процедуры обуславливается соответствием предложений участников диспозитивно установленным критериям. В некоторых случаях действующее законодательство допускает исключения. Так, например, при реализации процедуры «конкурентные переговоры» в соответствии с законом [8] наилучшие условия исполнения контракта, являющиеся основанием для его заключения, определяются при участии широкого круга участников процедуры.

Обоснованное применение конкурсных отношений создает конкурентные условия, необходимые для общественного развития. С другой стороны, формальное применение процедур, в том числе предусмотренных действующим законодательством, без достаточного правового обоснования, учитывающего особенности предмета, а также без учета субъектного состава основного правоотношения, не может считаться в полной мере обоснованным и эффективным. Точно так же не имеет правового смысла термин «конкурс» вне контекста конкурсного отношения. Вместе с тем развитие положений действующего законодательства, в которых возможен конкурсный характер, исходя из структуры и содержания конкурсного отношения как обоснованной конкурентной процедуры даёт возможности для развития институтов гражданского права и повышения их эффективности в части правоприменительной практики.

Выводы

1. Анализ структуры и содержания правоотношения как механизма индивидуализации неперсонифицированных прав и свобод в определённые права и обязанности субъекта в сферах, регулируемых правовыми нормами по отношению к объекту, позволяет идентифицировать конкурсные отношения как разновидность правоотношений.

2. Правовой статус конкурсного отношения в части функциональной значимости в индивидуализации гарантируемых Конституцией РФ неперсонифицированных прав и свобод в определённые права и обязанности субъекта определяется наличием актуальных нормативных правовых актов, регулирующих процедурные отношения.

3. Правовой статус конкурсного отношения определяется его структурой, содержанием и его субъектным составом, а также правовой связью с ос-

новным отношением, в котором реализуются индивидуализированные в процессе конкурсной процедуры права и обязанности субъекта.

4. Значимость конкурсных отношений как механизма обеспечения гарантированных прав и свобод обуславливает их практическое развитие и правовой статус, который получил наибольшее нормативное закрепление в гражданско-правовой сфере.

5. Перспективы развития статуса конкурсных отношений определяются необходимостью создания обоснованных конкурентных процедур в сферах, где имеет место реализация характерных по структуре правоотношений при соблюдении неперсонифицированных прав и свобод субъектов права.

Список литературы

1. Бугель Н.В., Кабанов А.А., Шилин К.Ю., Багирбеков В.К. Теоретические основы гомеостатического управления познанием: моногр. / под науч. ред. А.Н. Печникова. – СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2001. – 302 с.

2. Горский Ю.М. и др. Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1990. – 360 с.

3. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. – СПб.: Знание, 1996. – 264 с.

4. Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. – Л.: ЛГУ, 1987. – 128 с.

5. Кабанов А.А. Правоведение: конспект лекций. – СПб., 2002. – 140 с.

6. Кабанов А.А., Крячек М.О. Информационные аспекты противодействия коррупции при организации государственных закупок // Правовое поле совр. экономики. – 2013. – №10. – С. 116–131.

7. Кабанов А.А., Чижов С.В. О структуре и содержании правоотношения // Ленингр. юрид. журн. – № 4 (42). – 2015. – С. 19–29.

8. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ // Рос. газета. № 159. – 22.07.2011 (с посл. изм. от 29.06.2015 № 156-ФЗ // Рос. газета. – № 144. – 03.07.2015).

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Оникс, Мир и образование, 2008. – 976 с.

Современный тоталитаризм и его разновидности

Тоталитарные режимы подробно проанализированы в отечественной и зарубежной научной литературе. В основном в них рассматривались крайняя форма данного политического режима – фашизм, а также советский период развития нашего государства. Но тоталитарные режимы существуют и в настоящее время в отдельных государствах, таких как Корейская Народная Демократическая Республика, Лаос, Китайская Народная Республика, Вьетнам, Куба. Несмотря на то что все они обладают сходными чертами, характерными для данного политического режима, между ними наблюдается и существенная разница, в том числе и в объеме прав и свобод, гарантируемых гражданам данных государств. В данной статье автор рассматривает эти отличия на примере КНДР и Вьетнама.

Totalitarian regimes are accurately analyzed in the Russian and foreign science literature. Mostly this regime was being studied in its extreme form of appearance – fascism, and also in the sovietic period of national development. Totalitarian regimes also exist in the modern states, such as the Democratic People's Republic of Korea, Laos, the People's Republic of China, Vietnam, Cuba. In spite of the fact that all these states have some common features, distinctive for this political regime, they also have big difference, such as the difference in the volume of the rights and liberties, that are guaranteed to the citizens of these states. In this article the author looks into these differences taking as the example the states of the Democratic People's Republic of Korea and Vietnam.

Ключевые слова: тоталитаризм, тоталитарные режимы, политические режимы, КНДР, Вьетнам.

Key words: totalitarianism, totalitarian regime, political regime, DPRK, Vietnam.

КНДР образовалась в 1948 г., освободившись после Второй мировой войны от колониальной зависимости Японии. Долгое время она находилась под влиянием СССР, что сказалось на ее политическом режиме. В КНДР с самого начала была установлена идеология, в основе которой лежит учение чучхе. Оно было разработано Ким Ир Сенем в противоположность марксизму-ленинизму и означает самостоятельность и опору на свои силы, независимость от других государств. В нем человек – центральное звено. Однако,

согласно учению, он может проявить себя лишь в коллективе под руководством мудрого вождя и политической партии. Также на становление идеологии чучхе в КНДР оказало влияние конфуцианство, поскольку республика долгое время находилась под влиянием китайской культуры. Этим объясняется и психология населения КНДР, поддерживающего данный политический режим. Традиционно северокорейское общество стремится к порядку и гармонии, которое, согласно Конфуцию, может представить только сильный центральный аппарат. По этой теории все люди делятся на управляемых и управляющих. Примечательно, что закон рассматривается ими как система жестких наказаний, поддерживающих порядок в обществе. Во главе государства стоит не закон, а управляющий – вождь, партия. Такое понятие, как «права личности» в теории чучхе отсутствует, оно заменено на долг перед правителем. Ким Ир Сен рассматривал государство как большую патриархальную семью. И как дети должны слушаться своего отца, так и корейский народ должен с сыновней преданностью относиться к Великому Вождю – главному патриарху нации, и своей матери – партии [12]. Поэтому жители КНДР беспрекословно подчиняются верховной власти, и их решения считают единственно верными. Наиболее ярко отражает эти положения Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики, принятая в 1972 г. В ней, в частности, сказано: «Корейская Народно-Демократическая Республика – наша социалистическая Родина, где претворены в жизнь идеи чучхе великого вождя товарища КИМ ИР СЕНА и осуществлены его предначертания» [9].

Таким образом, в КНДР развит культ личности вождя, причем вождь обожествляется, ему приписываются сверхъестественные возможности. Первым из них был основатель государства – Ким Ир Сен. После его смерти культ личности распространился на его сына Ким Чен Ира. А с 2011 г. возглавляет государство младший сын последнего – Ким Чен Ын. Как отмечают некоторые исследователи, передача власти по наследству не вызывает никакого сопротивления со стороны правящей элиты – партии, армии, госаппарата. Этому способствовали четко выстроенная Ким Ир Сенем и Ким Чен Иром вертикаль власти, а также организационные и кадровые перестановки. В СМИ была развернута программа по убеждению граждан в правильности передачи власти по наследству. В них уже обожествлялся будущий наследник, а его руководство различными областями жизни страны объявлялось великим [3].

Основная же цель КНДР – стать независимой великой державой. Отсюда ее стремление обладать ядерным оружием, попытки освоения космического пространства. Кроме того, КНДР считается одной из самых

милитаризованных стран в мире. С приходом к власти Ким Чен Ира армия заняла центральное место в государственном аппарате. На вооружение тратилась четверть бюджета страны, при том, что в стране наблюдался экономический кризис и голод. Вся экономическая и общественная жизнь стала строиться по военному образцу, была проведена пропагандистская работа, направленная на утверждение роли вождя и политической партии в государстве, на милитаризацию [2]. На сегодняшний день по своей численности армия КНДР является четвертой в мире. Северная Корея тратит на военные цели от 15 до 16 % государственного бюджета. При населении 23,5 млн чел. вооруженные силы КНДР насчитывают 1,2 млн человек. Резерв составляет около 5 млн чел., мобилизационные ресурсы страны – более 6 млн человек.

Выборы в Верховное народное собрание – высший орган государственной власти – являются безальтернативными. Как правило, исход выборов заранее известен. В КНДР действует лишь одна Трудовая партия. Все остальные общественные движения, объединения признают ее руководящую роль и полностью подконтрольны ей.

В КНДР существует жесткая административно-полицейская система контроля за всеми сферами жизни граждан. Интересным представляется и организация мест лишения свободы. В них попадают не только за уголовные преступления, но и за политические. Поэтому лагеря и тюрьмы четко разграничены: в одних находятся уголовные преступники, в других – политически неблагонадежные, причем последних отправляют в лагеря без суда и на неопределенный срок. Это не является наказанием [5].

Государство в Северной Корее стремится внедриться в личную жизнь граждан. В стране развиты система доносов и коллективная ответственность. «Народные группы», созданные по месту работы или жительства, несут круговую поруку за каждого члена. Если один совершит проступок, репрессиям подвергаются все члены группы [1].

В стране также применяется смертная казнь. Так, в январе 2014 г. по обвинению в попытке свержения власти был казнен дядя Ким Чен Ына – Чан Сон Тхэк. Кроме него, были казнены все его ближайшие родственники и даже дети, что говорит о стремлении власти ликвидировать всю линию Чан Сон Тхека. После этого власти провели кампанию по выявлению и его сторонников [4].

Северная Корея является одной из самых «закрытых» в мире и в информационном плане.

В то же время в государстве выстроена социалистическая модель здравоохранения. Медицинская помощь, лекарственное обеспечение являются бесплатными. На безвозмездной основе предоставляются путевки в санатории и

др. Медицина носит профилактический характер. Проводятся вакцинация населения, плановые осмотры. Особой заботе подлежат материнство и детство.

Таким образом, КНДР по степени жесткости политического режима превосходит ранее существовавшие в СССР, Германии и Италии. О правах человека и гражданина в Северной Корее вообще говорить не приходится. Ему гарантированы, как и в СССР, лишь социальные права, с целью поддержания хорошей физической формы строителя социализма.

Несколько иная картина представлена во Вьетнаме. Само независимое государство образовалось после Второй мировой войны, когда под руководством Коммунистической партии она избавилась от оккупации Японией, и ранее от французской колониальной зависимости. В настоящее время в Народной Республике Вьетнам действует 4-я Конституция, принятая в 1992 г. В ее преамбуле закреплено, что она «отражает отношения между партией-руководителем, народом-хозяйном и государством, осуществляющим функцию управления во вьетнамском обществе», т. е. в республике также существует однопартийная система. Коммунистическая партия Вьетнама является руководящей, все остальные союзы ей подчинены. В стране установлена и поддерживается коммунистическая идеология.

В то же время, в отличие от КНДР во Вьетнаме в последнее время проводится ряд реформ, целью которых является выведение страны из экономического кризиса и приближение ее к современным реалиям. Так, в 2005 г. Центральный комитет Коммунистической партии республики принял постановление, согласно которому была определена политика совершенствования правовой системы до 2010 г. и ориентированная на 2020 г. В нем, в частности, отмечалось: «построение и совершенствование единой, общей, способно применяемой и гласной системы права, обеспечивающей совершенствование и развитие институтов рыночной экономики в рамках социалистической системы; построение социалистического правового государства – государства, созданного народом, принадлежащего народу и действующего в интересах народа; увеличение роли права и юридической силы закона в целях обеспечения общественной стабильности и экономической интеграции в мировое сообщество; построение сильного, чистого государства и обеспечение прав и свобод человека и демократизации общества...» [6].

Однако многолетние традиции повлияли на психологию вьетнамцев. Они не склонны доверять законам и не считают их гарантом порядка и справедливости. Они полагают, что права человека второстепенны, каждый должен стремиться к согласию во имя блага всех. В то же время многие реформы постепенно претворяются в жизнь. Так, согласно Конституции Республики Вьет-

нам высшим органом государственной власти является Национальное собрание. Оно избирается народом сроком на 5 лет. В последние годы произошли некоторые перемены в его формировании и деятельности: увеличилось количество самовыдвиженцев на выборах; парламентские прения приняли характер дебатов, в ходе которых выдвигались важные законопроекты, разрабатывались альтернативные планы экономического развития; появились альтернативные кандидатуры при избрании на руководящие должности [8].

В настоящее время в стране издается более 700 газет и журналов. Некоторые из них критикуют министров за их ошибки. Но оппозиционной прессы нет.

Особенностью экономического развития Республики Вьетнам является, с одной стороны, появление рыночных механизмов, с другой – сохранение государственного регулирования и контроля основных отраслей хозяйства. Появляются частные предприниматели, и как следствие, исчезает уравнительный порядок распределения имущественных благ. Но олигархов, как в капиталистических странах, во Вьетнаме нет, поскольку крупные промышленные и финансовые группировки находятся под контролем государства. Экономика остается плановой, но планы не имеют силу закона, а являются ориентиром для дальнейшего развития.

Кроме прочего, особое внимание руководство страны уделяет здравоохранению и образованию. На сегодняшний день во Вьетнаме существуют две системы образования – государственная и частная. Но платные услуги занимают небольшую часть сферы образования.

Также целью Народной Республики Вьетнам является построение социального государства, борьба с бедностью [7].

В стране принят Трудовой кодекс, регламентирующий занятость, устанавливающий 8-часовой рабочий день, режим труда и отдыха. В то же время конституция провозглашает труд не только правом, но и обязанностью. Она также гарантирует ряд личных, социальных и культурных прав и свобод гражданам.

Во Вьетнаме в последние годы происходит и трансформация общества, отход от коллективизма к индивидуализму. Каждый человек теперь больше нацелен на поиск своего собственного «Я», определения своего места в обществе [10].

Таким образом, можно говорить о том, что во Вьетнаме установлен тоталитарный политический режим, но с элементами политической, экономической и духовной свободы.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что тоталитарные политические режимы в различных странах сходны по сути, они обладают однотипными характеристиками. В них только провозглашается принадлежность

власти народу, который на практике не имеет возможности участвовать в управлении делами государства. Политические права принадлежат правящей партии и ее лидеру. Народ лишь поддерживает проводимую политику. Для этого создается и широко задействуется аппарат принуждения. В то же время в некоторых странах, появляются зачатки оппозиции, свободы слова (Вьетнам).

То же самое наблюдается и с экономическими правами. Государственная экономика в некоторых странах приобретает элементы рыночной, появляется частная собственность. Контроль над духовной жизнью также в некоторых тоталитарных государствах ослабевает, что способствует развитию творчества и науки.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что современный тоталитаризм можно разделить на абсолютный и тоталитаризм с элементами свободы личности.

Список литературы

1. Булычев Г.Б. Политические системы государств Корейского полуострова. – М.: МГИМО, 2002. – С. 56.
2. Денисов В.И. Северокорейские вооруженные силы и их роль в политической жизни КНДР // Вестник МГИМО университета. 2011. – № 4. – С. 44–45.
3. Жебин А.З. КНДР: время перемен? // Междунар. отношения и мировая политика. – 2012. – № 3. – С. 115–116.
4. Кирьянов О. Не пощадили даже детей // Рос. газета. – 27 янв. – 2014.
5. Ланьков А.Н. Репрессивный аппарат и контроль над населением в Северной Корее // Северная Корея: вчера и сегодня. – М.: Восточная лит., 1995. – С. 192.
6. Май Ван Тханг. Правовая система: определение понятия и особенности вьетнамской правовой традиции // Право и политика. – 2008. – № 1. – С. 37.
7. Нгуен Ван Нгань. «Мы изучаем опыт реформ многих стран, но идем своим путем обновления» // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 16. – С. 40–43.
8. Нгуен Кань Хоп. Национальное Собрание СРВ – вопросы перехода к парламенту // Гос-во и право. – 1998. – № 6. – С. 88–94.
9. Социалистическая Конституция Корейской народно-демократической республики. – Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1998.
10. Тинь Тьюен Ха. Трансформация вьетнамского общества на современном этапе его развития // Философия и о-во. – 2006. – № 4. – С. 152–163.
11. Федякина А. Телевидение КНДР показало генерала, казненного за сон при Ким Чен Ыне // Рос. газета. – 14 мая – 2015.
12. Чарльз Ф. Эндрейн Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования / пер. с англ. – М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2000. – С. 124.

К вопросам современной «правовой информации»

В статье рассматриваются ключевые проблемы правовой информации в Российской Федерации, авторы ставят на первое место вопрос о многогранности понятийного аппарата. Обсуждается доступность информационных порталов органов государственной власти. Выделяются проблемы демографического, экономического и технического роста населения и их влияние на возможность граждан приспособляться и быстро узнавать о наличии новых публичных ресурсов.

The article discusses key problems of legal information in the Russian Federation, the authors put first the question of the diversity of the conceptual framework. Next, the paper discusses the availability of information resources of government authority. The actual problems are demographic, economic and technological growth of the population and their impact on the ability of citizens to adapt and quickly learn about the availability of new public resources.

Ключевые слова: правовая информация, информация, электронное правительство, системы электронного документооборота, портал, демографический рост.

Key words: legal information, information, Electronic Government, electronic document management system, portal, population growth.

Вопрос о доступности правовой (государственной) информации в обществе поднимался мыслителями и учеными во все времена. Яркими примерами научных трактатов, оказавших влияние на формирование современного понятийного аппарата теории государства и права, стали такие философы, как Платон и Аристотель. Сегодня мы также сталкиваемся с вопросами общедоступности правовой информации, но в данной статье поднимается вопрос о том, все ли аспекты учитываются в современном обществе.

Проблемы доступности правовой информации в современном обществе связаны с определенными проблемами, обозначим их: понятийный аппарат; программа электронного правительства и государственные системы (ЭДО); преобладание скорости изменений индустрии над способностью общества приспособляться.

Рассмотрим каждую проблему индивидуально. Термин «правовая информация» содержит в себе два сегмента, каждый из них внутри себя несет по несколько смысловых нагрузок. Одним из самых многогранных терминов является «информация». В философских словарях информация – это ознакомление, разъяснение, в экономических – данные, доступные индивидам, фирмам или правительствам во время принятия экономических решений. А в физической энциклопедии информация определяется следующим образом: «Любые сведения и данные, отражающие свойства объектов в природных (биол., физ. и др.), социальных и технических системах и передаваемые звуковым, графическим (в т. ч. письменным) или иным способом.

В ст. 2 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сказано, что информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [6]. И так, по факту можно утверждать, что само понятие информации варьируется от восприятия ее как признака чего-либо до независимого объекта.

С юридической точки зрения термин «правовая информация» становится именно объектом, несущим в себе правовые сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Правовая информация появляется в результате правотворческой, правоприменительной или другой юридической деятельности. И во все времена правовая информация неразрывно связана с правами и обязанностями человека. Правовая (юридическая) информация играет роль отграничивающей, включающей навязанные «господствующим классом совокупности правил принятия решений в условиях недостаточной информации» [9]. «Юридическая информация» – это совокупность свода законов, кодексов или правила поведения, регламентирующие действия отдельного индивидуума или групп лиц, которые запрещается нарушать. Осведомляющая информация используется совместно с юридической информацией при реализации процесса принятия решения. Как следствие, само юридическое решение выступает как обработка спорных ситуаций и возникших противоречий с целью устранения различий между целевой, регламентирующей и осведомляющей информацией [10]. Юридическая (правовая) информация – это также вид общественной информации, включающей правила, нормы с целью контроля социума, отношения и поведения людей. Ключевым отличием юридической информации является то, что она устанавливается и обеспечивается государством в соответствии с целями и интересами общества.

Конституция Российской Федерации провозглашает в ст. 29 право на информацию как неотчуждаемое право человека и гражданина. Исходя из

прямого характера действия норм Конституции, а также ряда подписанных Россией международных соглашений по вопросам прав человека, органы государственной власти и органы местного самоуправления, должностные лица обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с официальными документами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Создание правового государства требует создания эффективных механизмов использования правовой информации во всех сферах общественной жизни. Концепция информатизации предусматривает в этих целях использование новых информационных технологий как в процессе создания нормативно-правовых актов, так и в области распространения правовой информации. Наличие эффективной системы распространения правовой информации является одним из ключевых условий развития любой страны как цивилизованного правового государства. В Российской Федерации за последнее десятилетие видны значительные прогрессивные изменения в этой сфере. Наиболее значительное развитие имели компьютерные технологии распространения правовой информации. В связи с поставленной задачей построения в России правового государства и реформирования всей системы общественных отношений на первый план выдвигаются вопросы ознакомления граждан, всех физических и юридических лиц с официальными документами органов государственной власти и местного самоуправления. Изменения в экономической и политической сфере вызвали к жизни потребность в правовой информации не только у специалистов, но и у широких слоев населения. Наибольший практический интерес во всем банке официальных документов представляют тексты нормативных правовых актов. Дополнительные информационные ресурсы и процессы в области политики, экономики, культуры, социальной сферы вместе с ресурсами, носящими правовой характер, создают базу метаданных и способствуют принятию объективного решения при управлении государством и обществом. Во всех случаях неперенным условием исполнения обществом и его гражданами норм, в которых государство устанавливает для них определенные правила поведения, предоставляет им права, возлагает обязанности и ответственность, является знание самих норм. Вместе с этим недопустима ситуация, что кто-то может быть «исключен» из информационного общества, деления общества на имеющих информацию и не имеющих ее. Правовое государство начинается с гражданина, который стремится познать законы своей страны, что является основой дальнейшего правового воспитания. Право на доступ к информации необходимо толковать в широком смысле – это право

человека, частным случаем которого является право на доступ к информации государственных органов.

Постепенное внедрение правовых информационных технологий в правовую систему государства и механизмы правового воздействия и правового регулирования может способствовать достижению следующих результатов:

- ✓ созданию социальной среды, воспринимающей имеющиеся правовые нормы и осознающей процессы правотворчества и правоприменения;
- ✓ повышению правовой культуры общества за счет более полного обеспечения всей юридической практики правовой информацией;
- ✓ проведению анализа правовой информации путем создания экспертных систем с переходом на новый уровень формирования норм права и правовой системы государства в целом.

К сожалению, в настоящий момент в нашей стране система распространения правовой информации ориентирована на информирование государственных органов и учреждений. Патернализм государства превращается в произвол чиновников, которые обладают информацией. Как итог, в обществе лишь малая его часть имеет доступ к правовой информации в полном объеме. Практика распространения официальных документов среди широких слоев населения получила развитие в последнее десятилетие и в основном через специализированные коммерческие системы, разработанные опять же для ограниченного круга профессионалов в области работы с правовой информацией. Правовая информация распространяется в минимальном количестве через СМИ, книжные сети, юридические консультации и предприятия, представляющие информационные услуги, такие как базы данных «Гарант» и «Консультант Плюс», Интернет. Современный механизм распространения текстов официальных документов для широких слоев населения сопряжен с различными трудностями – неполнотой фондов документов, сложностью поиска информации для обыкновенного человека, непрофессионала в области работы с правовой информацией. Кроме того, субъекты Федерации наделены правом законодательной инициативы на местном уровне, что привело к резкому увеличению количества официальных документов. И помимо действующего законодательства действуют распоряжения правительства и постановления президента Российской Федерации. Все это существенно осложняет поиск правовой информации для широких слоев населения и ориентирование среди нормативных документов.

Многолетний опыт распространения правовой информации доказал, что именно электронный вид хранения правовой информации находится на

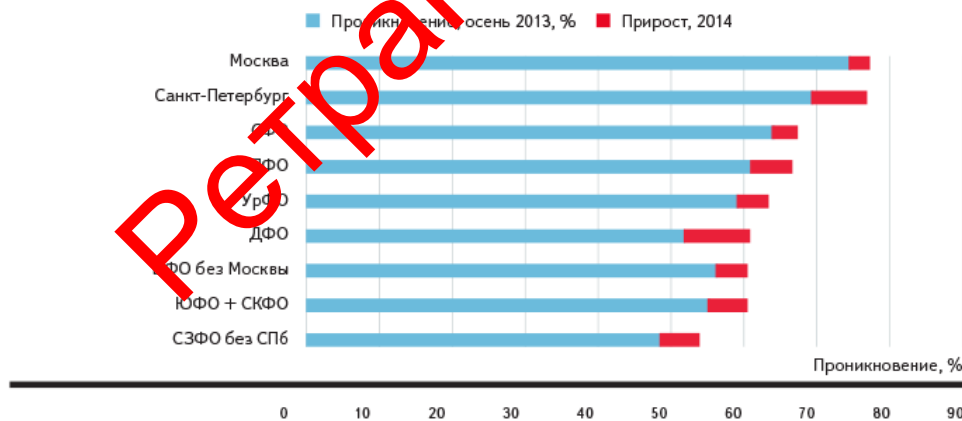
ведущих позициях в области обеспечения информационно-правовыми услугами как по оперативности и полноте информации, так и по охвату широкого круга физических и юридических лиц. Сложившаяся на данный момент в России система распространения правовой информации с использованием новых информационных технологий реализует основные принципы создания устойчивой системы такого распространения. Постепенно развиваются системы, бесплатно обеспечивающие базовый уровень сервиса для доступа граждан к правовой информации. Налаживается конструктивное взаимовыгодное сотрудничество государственных и негосударственных структур, работающих в сфере правовой информатизации. Одной из основных государственных задач в области правовой информатизации по-прежнему является обеспечение организационных и экономических условий для эффективного функционирования систем распространения правовой информации, созданных профессиональными производителями таких систем, не исключая государственные структуры, с параллельным процессом создания механизмов для обеспечения бесплатного доступа граждан к правовой информации и создания условий для развития конкурентного рынка информационных услуг.

Одним из ярких прорывов стала целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)» [11], которая реализуется до сих пор. Одна из важных целей данной программы – обеспечить информированность о деятельности государственной власти, общедоступность государственных информационных интернет ресурсов, формирование качественно новых условий для тесного взаимодействия между органами власти и гражданами с использованием современных информационных технологий. Одним из направлений указанной программы является обеспечение открытости в деятельности органов государственной власти и общедоступности государственных информационных ресурсов, создание условий для эффективного взаимодействия между органами государственной власти и гражданами на основе использования информационных технологий. Использование новых информационных технологий в работе органов государственной власти позволит расширить объем открытой информации о деятельности этих органов и обеспечить гражданам возможность ее оперативного получения из информационных систем, в том числе по таким важным вопросам, как законопроектная деятельность, бюджетный процесс, закупки продукции для федеральных государственных нужд, управление государственной собственностью, конкурсное замещение вакантных должностей. Подразумевалось, что огромное значение также будет иметь создание единого информационного пространства на всей территории страны, что обеспечит гражданам и организациям независимо от мест

проживания и расположения равную общедоступность всех отечественных и мировых открытых информационных ресурсов.

В итоге за этот период появились такие ресурсы, как <https://www.gosuslugi.ru> [5], электронное правительство, госуслуги; <https://www.roi.ru> Российская общественная инициатива; <http://www.zakupki.gov.ru> Портал закупок, pravo.gov.ru – официальный интернет-портал правовой информации и прочие информационные ресурсы органов государственной власти.

К сожалению, создание таких качественно новых для России информационных ресурсов не решает всех проблем с распространением правовой информации. Доступ к ней по-прежнему ограничен у огромных слоев населения из-за отсутствия Интернета, соответствующего оборудования и осведомленности о наличии данных ресурсов. По данным исследования Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) при использовании сведений, предоставленных исследовательской группой TNS, а также техническим Центром Интернета (ТЦИ), доля проникновения широкополосного Интернета в регионах растет. По данным ФОМ на весну 2015 г., минимум раз в месяц Интернетом пользуются более 72 млн чел. старше 18 лет. Это более 62% взрослого населения России. И порядка 60 млн совершеннолетнего населения России выходят в Интернет ежедневно [8]. На приведенном ниже графике можно оценить ежегодные темпы роста проникновения Интернета по регионам Российской Федерации.

Но по данным статистики Минэкономсвязи популярность и известность сайтов электронного правительства, ориентированных на информирование физических лиц, невысока. Например, популярность основного ресурса «www.gosuslugi.ru», ориентированного на информирование граждан, не превышает 15 % [4].

Как уже было сказано выше, в результате программы «Электронное правительство» появились ряд важных для граждан Российской Федерации порталов, но в данной статье мы рассмотрим более подробно «Официальный интернет-портал правовой информации» <http://pravo.gov.ru/>.

Он имеет ряд безусловных преимуществ: свободный и бесплатный доступ к информации; режим онлайн доступа ко всем документам в режиме 24/7; статус официального государственного источника информации; наличие дополнительных разделов, таких как Законы Российской империи, периодика; наличие у опубликованных документов уникального кода, представленного в виде «номера опубликования», так как до сих пор законодательные акты в РФ не имеют сквозной нумерации.

«Официальный интернет-портал правовой информации» имеет ряд недостатков, часть из которых обсуждалась в работе *И. Павлова и М. Позднякова*. «Официальный интернет-портал правовой информации – pravo.gov.ru: взгляд пользователя» [1].

Перечислим основные недостатки, указанные авторами:

- сложность поисковой системы, например проблемы при поиске кодексов, отсутствие в поисковом окне поля «тематика», нет возможности указать «любое окончание» и поиске, неудобная функция поиска по реквизитам;
- отсутствие указания на то, что просматриваемая редакция документа является действующей;
- неудобство сравнения двух редакций документа, так как обе они показывались в формате, когда текст выходит за границы экрана, при этом нет возможности увидеть отличия между документами, они не «подсвечиваются»;
- формат текста, который может выходить за границы экрана в случае работы с небольшим ПК;
- неработающая функция «структура документа»;
- проблемы с регистрацией на портале.

Все перечисленные недостатки портала относятся к категории «удобство интерфейса», но стоит добавить главный недостаток, по нашему мнению, всех систем электронного правительства, несущих правовую информацию в РФ и/или предоставляющих сервисы – это отсутствие информированности об их существовании у граждан государства.

Именно поэтому авторы данной статьи в качестве основной указали еще и проблему преобладания скорости изменений технологий над возможностями человека приспособиться к ним самостоятельно. Частично этот вопрос в своих работах обсуждали С.П. Капица, А.В. Подлазов, и М. Кремер. Все вышеперечисленные ученые изучали проблемы нелинейности демографического роста, но каждый за основу ставил разные причины, вызывающие изменения в обществе. С.П. Капица говорил о том, что рост человечества зависит исключительно от размера популяции и не зависит ни от каких внешних условий и ресурсных ограничений [2]. Майкл Кремер представляет сразу несколько моделей, с разных сторон описывающих процесс взаимного роста численности населения и уровня технологии. В основу роста он ставит экономическую и ресурсную потребность общества [3]. А. В. Подлазов в своих работах отталкивается от развития промышленности и технологий [7].

Из вышесказанного следует, что правовая информация, а точнее ее доступность и скорость изменения технологий в современном обществе, оказывают влияние на возможность участника правового процесса приспособиться к изменениям. И если мы примем за истину демографические теории С. П. Капицы, А. В. Подлазова, М. Кремера, то в наше время угнаться каждому гражданину РФ самостоятельно за всеми нововведениями будет невозможно. Существует острая необходимость в формировании навыков использования систем ЭП у всех возрастных групп населения. Даже если мы введем в школьный курс права информацию о данных программах, мы не сможем научить пользоваться доступностью правовой информации людей, перешагнувших за рубеж 40 лет.

Реализуя только концепцию электронного правительства, без информирования широких слоев о существовании новых ресурсов, мы предоставляем каждому человеку право самому потратить время на то, чтобы о данных порталах узнать. Если верить физикам и теоретикам, свободного времени на это у человека нет.

Список литературы

1. Иван Павлов и Михаил Поздняков. Официальный интернет-портал правовой информации – pravo.gov.ru: взгляд пользователя. ФондСвободыИнформации (20 июня 2012 г.).
2. Капица С.П. Модель роста населения Земли и экономического развития человечества // Вопр. экономики. – 2000. – № 12.
3. Кремер М. «Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990». (Рост населения и технологические изменения: от одного миллиона лет до нашей эры до 1990 года).

4. Минкомсвязь России. Рейтинг использования портала государственных услуг. [<http://minsvyaz.ru/ru/events/30672/>]/ Режим доступа- свободный. /Москва. 2013 г.

5. О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций): постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 861 (ред. от 16.02.2015) // СЗРФ. 31.10.2011. – № 44. – Ст. 6274.

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 31.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015) // СЗРФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.

7. Подлазов А. В. Теоретическая демография как основа математической истории: препринт ИПМ им. М.В. Келдыша. – РАН. – № 73. – 2000.

8. Развитие интернета в регионах России. – URL:https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015/. – исследование компании Яндекс/ Режим доступа свободный.

9. Суворов Л.Н. Введение в марксистско-ленинскую философию. – М., 1969. – С. 400–401.

10. Трусов А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопр. кибернетики и право. – М.: Наука, 1967. – С. 25.

11. Электронная Россия (2002–2010 годы): федер. целевая программа (утв. постановлением Правительства РФ от 28 янв. 2002 г. в ред. постановления Правительства РФ от 10 сент. 2009 г. – № 721.

К вопросу о правовой природе Русской Правды

В трудах исследователей Русская Правда предстает в качестве нормативного правового акта, или даже свода законов. Существуют мнения о Русской Правде как о своде обычаев или своде судебных прецедентов. В работе доказываем, что Русскую Правду следует рассматривать как сборник судебных решений, имеющих рекомендательный характер.

In the works of the researchers the Russian Truth appears as a normative legal act, or even a set of laws. There are opinions about the Russian Truth as a vault of customs, or - vault of judicial precedents. The work is proving that the Russian Truth should be seen as a digest of court decisions which have recommendatory character.

Ключевые слова: история права, Киевская Русь, Московское государство, Русская Правда, история законодательства, источники древнерусского права.

Key words: history of Law, Kievan Rus, Muscovy, The Russian Truth, the history of legislation, the sources of an Old Russian rights.

Со времени открытия В. Н. Татишевым для науки Русской Правды в 1738 г.¹, и особенно с момента ее издания А. Л. Шлецером в 1767 г., данный памятник является объектом научного изучения. Однако до сих пор развитие методологии историко-правовой и исторической наук приводит к тому, что вопросы, еще недавно считавшиеся раз и навсегда решенными, вновь приобретают свою актуальность в качестве проблемных, спорных, неоднозначных. В полной мере данное положение относится к наиболее общей проблеме – вопросу о правовой природе Русской правды.

В соответствии с особенностями предмета и метода общей исторической науки, и еще в большей степени в силу обыденного правосознания самих ученых, в Русской Правде усматривался древнейший законодательный акт, материальным источником которого были нормы обычаев и волеизъявления князей. Причем, формальным источником Русской Правды являлся не-

---

© Петров К. В., 2016

¹ В 1738 г. В. Н. Татищев представил в своем докладе в Академии наук текст Русской Правды со своими примечаниями, обнаруженной им в одном Академическом списке Новгородской летописи.

сохранившийся правовой текст, попавший на Русь вместе с первыми князьями. Таковыми были взгляды исследователей вплоть до середины XIX в., от В. Н. Татищева до М. П. Погодина.

Научные подходы к правовой природе Русской Правды во второй половине XIX – начале XX в. отличались большей разнообразностью. В. Н. Лешков рассматривал Русскую Правду в качестве «первого закона Руси», действовавшего на территории подвластной князю Ярославу, вплоть до XIII в. При этом князья «законодатели не были сочинителями, авторами правил, а только собирателями и редакторами юридических убеждений». Иначе говоря, материальным источником Русской Правды были обычаи. При этом сохранившийся текст носит частный характер; нет убеждения в том, – писал исследователь, – что сохранившийся текст является аутентичным². Отчасти с ним соглашался Н. В. Калачов. Он полагал, Русская Правда представляет собой «сборник законов, обычаев, и судебных решений, размещенных без особой системы», составленный частным лицом³. Этот вывод следует из «неполноты предметов, входящих в состав текста», слитности норм, регулирующих различные общественные отношения, особенности способа изложения норм и др.⁴ Неявно полемизируя с Н. В. Калачовым, И. Д. Беляев считал, что Русская Правда создана князьями и содержит нормы действующего права⁵. Бедность содержания Русской Правды вполне соответствует «духу времени», а отнюдь не является аргументом в пользу частной переработки ее норм⁶.

Подходы и оценки Н. В. Калачова и И. Д. Беляева при всей их разнице были восприняты многими исследователями в силу авторитета их авторов. В частности, В. В. Сокольский и Н. Л. Дювернуа полагали, что Русская Правда являлась «руководящим сборником» для юридической практики⁷.

Наибольшее значение для взглядов дореволюционных юристов имели работы В. И. Сергеевича. Он полагал, что источниками Русской Правды было обычное и право и уставы князей, которые выражались в судебной деятель-

---

² Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858. С. 97, 144–149.

³ Калачов Н. В. Исследования о Русской Правде. Ч. 1. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С. 74–75; 2-е изд. 1880. С. 72–74.

⁴ Калачов Н. В. Указ. соч. С. 75–77.

⁵ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М., 1888. С. 178–180.

⁶ Там же. С. 183.

⁷ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 204; Сокольский В. В. Очерк истории русского права. СПб., 1906. Вып. 2. С. 54, 79.

ности⁸. При этом следы византийского права (Эклоги) были внесены в текст Русской Правды из судебной практики. Составитель текста, писал В. И. Сергеевич, «не списывал Эклогу и, может быть, никогда ее не видел; он знал только судебную практику, основанную на Эклоге»⁹. Более того, исследователь полагал, что Русская Правда не имела практического значения. Создание копий (списков) Русской Правды не является доказательством ее использования при разрешении споров о праве. Практическое использование «предполагает решение судных дел на основании писанного права и соответствующее распространение среди судей грамотности». Между тем «дела решались на основании местных обычаев, глашатаями которых были судные мужи, присутствовавшие на суде»; княжеские судьи «обращались к присутствующим на суде старостам, целовальникам и добрым людям, без которых они и суда производить не могли»¹⁰. В равной степени, отмечал В. И. Сергеевич, это относится к более поздним правовым текстам; законодательство в значении общеобязательных норм начинает формироваться с конца XV в.¹¹ Позиция Сергеевича была полностью поддержана его учеником М. А. Дьяконовым¹². При этом большая часть исследователей восприняла точку зрения о судебной практике князей как основе норм Русской Правды. «Источником Русской Правды надо считать судебные решения... по большей части обобщенные в юридические нормы», – писал А. Н. Филиппов¹³. Сходное мнение было выражено Г. С. Фельдштейном: «Общий характер сборника наглядно обрисовывается его системой, которая приобрела особый отпечаток в результате воздействия судебной практики... судебные решения часто воспроизводятся в Русской Правде как в их первоначальном виде, так и в форме, обобщенной в юридические нормы»¹⁴.

В советское время в исторической науке вопрос о правовой природе Русской Правды не ставился вообще. Безусловно, наибольший вклад в разработку источниковедческих, текстологических проблем изучения Русской Правды было внесено общими историками. Прежде всего в работах М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, Л. В. Милова, Я. Н. Шапо-

---

⁸ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 82–84.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ Там же. С. 95.

¹¹ Там же. С. 26, 27.

¹² Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 49, 57–58.

¹³ Филиппов А. Н. Учебник истории Русской Правды. М.: Юрьевъ, 1907. С. 114, 116.

¹⁴ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права России. Ярославль, 1909. С. 48.

ва, М. Б. Свердлова. Последняя по времени крупная работа – исследование А. П. Толочко, который вслед за А. И. Соболевским считает Краткую редакцию более поздней по времени, и составленной на основе Пространной редакции¹⁵. Мнение историка вызвало серьезные возражения и не принимается большинством исследователей¹⁶.

В историко-правовой науке вопрос о правовой природе Русской Правды в значительной мере раскрывался в контексте марксистского понимания развития общества; господствующей стала точка зрения, которая по существу была попыткой примирить специально-юридическую методологию исследования с марксистской теорией исторического развития общества. В этой связи С. В. Юшков рассматривал Русскую Правду в качестве свода официального действующего права, изданного в разное время князьями и распространявшегося на всю территорию Киевского государства. Причем источником норм Русской Правды стали новеллы князей и нормы обычаев, подвергшиеся изменению и регламентации. В связи с изменениями социальных и экономических условий жизни общества возникла необходимость в переработке текста Русской Правды. Так, в XV в. возникла и применялась Сокращенная редакция Русской Правды¹⁷. Вслед за С. В. Юшковым, В. А. Томсинов полагает, что Русская Правда Пространной редакции использовалась в практике XV в.¹⁸ Сходная позиция высказана Л. В. Санниковой – сохранившийся текст Русской Правды – частная (церковная) переработка официального кодекса, применявшегося в юридической практике¹⁹.

Р. Л. Хачатуров, в новейших работах пишет о существовании наряду с правовым обычаем судебного прецедента и законодательных актов²⁰. Его ученики полагают, что Русская Правда – «основной закон великих киевских князей»; ее нормы имели официальный характер и «служили руководством в

---

¹⁵ Толочко А. П. Краткая редакция «Правды руской»: происхождение текста. Киев, 2009.

¹⁶ Напр.: Цыб С. В. Хронологические замечания к книге Алексея Толочко о Краткой редакции «Русской Правды» // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2011. Vol. XIX. No. 1. P. 256–270; Лукин П. В. Коровья татья в Правде Русской // «По любви, в правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: сб. ст. М.: Индрик, 2014. С. 123–131.

¹⁷ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Т. 1. М., 1949. С. 188–190; Он же. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 342–343, 346, 349.

¹⁸ См.: Томсинов В. А. Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV – XVI вв.). Статья 1 // *Законодательство*. 2005. № 4. С. 76–77; Он же. История русской юриспруденции. X – XVII вв. М., 2014. С. 54–64.

¹⁹ Санникова Л. В. Институты частного права в Русской Правде. М., 2014. С. 17.

²⁰ Хачатуров Р. Л. Источники древнерусского права // *Памятники российского права*. Т. 1. Памятники права Древней Руси: учеб.-науч. пособие. М., 2013. С. 31–57.

судебных делах); материальным источником норм Русской Правды, помимо прочего, были судебные решения²¹. Ее текст «формировался ... путем постепенного отбора отдельных норм византийского церковного и светского законодательства, а также отечественного обычного права для нужд реальной судебной практики»²².

С. В. Кодан в статьях, касающихся формирования системы законодательства в исторической перспективе, отмечает лишь, что «система правовых предписаний, закрепленная в Русской Правде, оказала влияние на более поздние правовые кодифицированные акты: Псковскую и Новгородскую судные грамоты, Двинскую и Белозерскую уставные грамоты»²³. И. В. Минникес полагает, что вплоть до издания Судебника 1497 г. общественные отношения регулировались обычаями, договорами, завещаниями князей, нормативными правовыми актами, церковными нормами и судебно-административной практикой. Более того, «нормы Русской Правды оставались действующими на протяжении всей эпохи и, вероятно, служили базой для других норм»²⁴. При этом основным источником права оставался обычай²⁵. Сходное мнение – господство обычая и нормативных актов (прежде всего Русской Правды) высказывают Ю. В. Оспенников²⁶, Е. А. Сурова²⁷.

Наконец, наиболее категоричное мнение принадлежит Т. Ю. Амплеевой, по мысли которой уже с конца XI в. «правовой обычай активно претво-

---

²¹ Агафонов А. В. Происхождение и источники древнерусского права (VI – XII вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 4, 9, 10.

²² Бобровский О. В. Досудебный процесс по Русской Правде // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. Юриспруденция. Вып. 66. Тольятти, 2007. С. 213; Он же. Досудебный процесс по Русской Правде // Памятники рос. права. Т. 1. Памятники права Древней Руси: учеб.-науч. пособие. М., 2013. С. 278.

²³ Кодан С. В. Формирование системы законодательства в России (IX – середина XVII в.) // Вестн. Уральск. ин-та экономики, управления и права. 2010. № 3. С. 17; Он же. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) // Рос. юрид. журн. 2012. № 1. С. 172; Он же. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) // Юрид. техника. 2013. № 7. Ч. 2. С. 298.

²⁴ Минникес И. В. Источники российского права: исторический экскурс // Акад. юрид. журн. 2008. № 1(31). С. 14.

²⁵ Она же. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ // История гос-ва и права. 2010. № 15. С. 7–10. См. также: Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013. С. 8–92.

²⁶ Оспенников Ю. В. Право государств Северо-западной Руси в XII – XV вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2010. С. 21; Он же. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. М., 2011. С. 36.

²⁷ Сурова Е. А. Российское законодательство X – XV вв. и проблемы формирования российской государственности. М., 2003.

рялся в закон, модифицировался и даже отменялся, если он находился в явном противоречии с правом, создающимся государственной властью»²⁸.

Сохранившиеся судебные акты XV в. позволяют рассмотреть вопрос об источниках права в новом, менее отвлеченном ракурсе. В настоящее время за период времени до издания Судебника 1497 г. сохранилось 99 судебных актов в полном объеме. При этом все они относятся к судебной деятельности Московского великого княжества. Акты других земель-государств сохранились в единичных случаях и фрагментарно²⁹. Первой половиной XV в. могут быть датированы семь актов – древнейшие из ныне сохранившихся; 92 акта датируются второй половиной XV в.

Судя по судебным актам, во второй половине XV в. выносились похожие решения с точки зрения их правового обоснования. Ни в одном акте не выделяется мотивировочная часть; отсутствуют обоснования принятия решения судьей. Однако изучение обстоятельств по делу позволяет думать, что, помимо отсутствия доказательств по делу, малейшее согласие одной из сторон с доводами, показаниями или доказательствами другой стороны, давали основания для вынесения решения и вели к проигрышу дела. Судьи руководствовались оценкой доказательств в их количественном и качественном состоянии, позицией спорящих сторон в отношении представленных доказательств. Никаких ссылок на нормы обычаев или правовых актов не приводилось. Иначе говоря, ни один из известных нам текстов с нормативным содержанием XI – XV вв. не применялся при осуществлении правосудия в XV в.³⁰ И вероятно, Московское великое княжество не было исключением в ту эпоху³¹.

Ретроспективно следует полагать, что подобная ситуация была характерна для более раннего времени. В противном случае следовало бы пола-

---

²⁸ Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (IX – XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 16.

²⁹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 92. С. 148–149; № 132. С. 188–189. В 1950-х гг. был найден фрагмент судного списка начала XV в. на бересте новгородских судей-праветчиков по делу между Филиппом и Иваном Стойком (новгородская берестяная грамота № 154 – Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 31–33. См. также: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 672–673.

³⁰ См.: Петров К. В. Правовые основания вынесения судебных решений в Московском великом княжестве XV в. // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики: материалы X междунар. науч.-практ. конф. М.: РГУП, 2016 (в печати).

³¹ См.: Правая грамота первой четверти XV в. посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича и сотского Ивана о споре Вячеслава и всех княжеостровцев с Власом Тупицыным (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 92. С. 148–149); Рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами первой четверти XV в. (Там же. № 132. С. 188–189).

гать, что в течение XI – XV вв. произошел процесс деградации юридического мышления, и даже шире – юридической культуры³². Однако какие-либо данные для этого вывода отсутствуют, в то время как противоположное суждение подтверждается наблюдениями над сохранившимися нормативными и правоприменительными актами.

Совсем недавно А. А. Горский, рассматривая известие ПВЛ под 6579 (1071) г. о поездке на Белоозеро Яна Вышатича и «расправе» над волхвами, поддержал тех исследователей, которые полагали, что описание событий является «отсылкой» к нормам Русской Правды. Более того, вывод историка сводится к тому, что описанные события, несмотря на отсутствие в тексте ПВЛ указаний на нормы Русской Правды, является свидетельством (1) знакомства горожан-белоозерцов, смердов-волхвов и Яна Вышатича с положениями Русской Правды, (2) и ее действия (применения) в указанных событиях³³. С выводом А. А. Горского трудно согласиться. Рассуждения исследователя логически некорректны, поскольку коррелируемые явления не являются свидетельством существования причинно-следственной связи между ними. Следовательно, утверждения А. А. Горского о знакомстве с нормами Русской Правды и ее применении участниками событий, описанных под 6579 (1071) г., являются преждевременными.

Термин «нормативный правовой акт» в X–XV вв. в том значении, в котором он используется в современной юриспруденции, не существовал. Формирование последнего – длительный процесс, обусловленный, в одной стороны, институционализацией государства, с другой – изменением характера общественных отношений в связи с эволюцией материальных условий жизни общества. Отправной точкой возникновения нормативного правового акта является процесс обобщения судебных решений по конкретным делам с целью придать судебной практике единообразие как средство поддержания легитимности государственной власти. Указанный процесс характерен для развития права на ранних стадиях развития всех государств. Его результатами являются появление судебныхников – руководств для судей – Русской Правды (X–XI вв.), варварских правд европейских государств (Баварской, Салической и др.).

Основной путь генезиса нормативного правового акта заключается в появлении судебных решений по жалобам на действие административных

---

³² См. напр.: Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. М., 2015.

³³ Горский А. А. Янь Вышатич и Правда Русская // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти акад. РАН Л. В. Милова: материалы к междунар. науч. конф. М., 2015. С. 20–25.

органов. В ситуации, когда органы власти совмещали функции административных и судебных органов, указанные судебные решения были рассчитаны на неоднократность применения и неопределенный круг лиц. Указанный путь формирования нормативного правового акта, отдельная стадия которого фиксируется в конце XIV в., характерен для большинства уставных грамот XVI в.³⁴ Вместе с тем уставные грамоты конца XIV – XV в. (Двинская и Белозерская) возникли как формы закрепления функционирования правовых обычаев на территории, присоединяемой к Московскому государству³⁵.

Рост значения «закона» происходил на фоне появления новых видов общественных отношений, прежде всего тех, которые непосредственно возникали в связи с развитием государства, а не порождались хозяйственной и иной деятельностью частных лиц. В публично-правовой сфере «закон» на протяжении XVI – XVII вв. становится приоритетным, а подчас и единственным источником права. Вместе с тем на протяжении указанного периода значительную роль в частных отношениях занимали неправовые регуляторы. Закон в современном значении термина появился в России лишь в начале XVIII в. Становление закона является объективным процессом, неразрывно связанным с эволюцией государства. Основное содержание этого процесса заключалось в вытеснении конкурирующих источников права (санкционированного обычая) и изменение соотношения источников права в системе источников права³⁶.

Прецедентом является такое решение суда, которое в формальном смысле является обязательным для нижестоящих судов при решении однородных дел; в материальном смысле содержит норму права («конкретную норму права»)³⁷.

---

³⁴ См.: *Петров К. В.* Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начала XVII в.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленингр. юрид. журн. 2006. № 2(6). С. 169–175.

³⁵ См.: *Петров К. В., Сапун В. А., Смирнова М. Г.* Нетипичные источники российского права // Рос. юрид. журн. 2009. № 1. С. 7–17.

³⁶ См.: *Петров К. В.* Значение “закона” в средневековом русском праве (XVI – XVII вв.) // *Cahiers du Monde Russe*. Paris, 2005. Vol. 46. Pt. 1/2. P. 167–174; Он же. Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI – XVII вв. // *Государство и право*. 2007. № 7. С. 80–83.

³⁷ См. также: *Кросс Р.* Прецедент в английском праве. М., 1985; *Богдановская И. Ю.* Прецедентное право. М., 1993; *Максимов А. А.* Прецедент как один из источников английского права // *Гос-во и право*. 1995. № 2. С. 97–102; *Марченко М. Н.* Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право*. 1999. № 4. С. 26–41; *Загайнова С. К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002; *Гаджиев Г. А.* Феномен судебного прецедента // *Судебная практика как источник права*. М., 2000. С. 98–107; *Подольская Н. А.* К вопросу о понятии прецедента как источника права (общетеоретический аспект) // *Судебная практика как источник права*. С. 149–152 и др.

Следует указать на отличия между казуальным законом и прецедентом. Во-первых, закон издается законодательным органом, прецедент – судом. Во-вторых, закон и прецедент принимаются в разных процедурах. В-третьих, закон содержит общую норму, прецедент – индивидуальную (конкретную) норму, которая подлежит применению в однородных случаях. В-четвертых, закон рассчитан не только на его применение органами государственной власти, но и на осуществление частными лицами, содержащихся в них норм; прецедент изначально адресован конкретному правоприменителю – суду. В-пятых, если прецедент создает правовую основу уже сложившимся общественным отношениям, так как судебное решение является средством судебной защиты прав и интересов субъектов права, то закон, помимо этого, направлен на формирование общественных отношений, т. е. обладает прогностическими функциями.

Между усмотрением и прецедентом есть два принципиальных и взаимосвязанных отличия: во-первых, усмотрение предполагает диспозитивность в действиях судьи, при прецеденте они обусловлены императивно; и во-вторых, судебное усмотрение не создает норму права, а прецедент содержит ее, поэтому и обязателен для правоприменителя.

В отечественном праве прецедент как источник права появляется на определенном этапе его развития. В литературе неоднократно отмечалось, что «источник развития права находится не внутри правовой системы, а вовне – в регулируемых правом общественных, прежде всего экономических, отношениях. Они и определяют возникновение, сущность и содержание права»³⁸. Однако в исторической перспективе оказывается, что не меньшее значение для развития права имеют изменения в механизме государства. Так, появлению и существованию прецедента способствовали несколько обстоятельств. Во-первых, усложнение структуры судебных органов, которое проявилось в появлении высшего и низших судов при установлении относительно жесткого контроля за судебной деятельностью последних, во-вторых, прецедент возник в процессе становления «закона» как приоритетного источника права. В-третьих, существование прецедента было бы невозможно без совмещения разными органами государственной власти законодательных, административных и судебных полномочий. Все указанные обстоятельства характеризуют государственно-правовые изменения в России на протяжении XVI – XVII веков. Эти же обстоятельства, наряду с совершен-

---

³⁸ *Бабаев В. К.* Буржуазное и марксистско-ленинское понимание соотношения логики и права // *Право и борьба идей в современном мире (Критика современных буржуазных концепций права): материалы науч. конф.* М., 1980. С. 57.

ствованием приемов и методов управления, усилением контроля за деятельностью органов власти, привели к исчезновению прецедента. Детализируя отмеченные процессы в историческом контексте, можно указать на вторую половину XVI в. как время вероятного появления прецедента; в 1670-х гг. фиксируется конкуренция закона и прецедента как источников права и в дальнейшем постепенное вытеснение последнего из судебной практики³⁹.

Таким образом, Русскую Правду следует рассматривать как сборник судебных решений, отобранных в качестве образцов и имеющих рекомендательный характер для лиц, наделенных от имени князя судебной властью в случаях, когда правовой обычай был не в состоянии регулировать общественные отношения. В этом смысле правоположения, заключенные в судебных решениях имели правовосполняющую значение.

Список литературы

1. Бабаев В. К. Буржуазное и марксистско-ленинское понимание соотношения логики и права // Право и борьба идей в современном мире (Критика современных буржуазных концепций права): материалы науч. конф. – М., 1980.
2. Бобровский О. В. Досудебный процесс по Русской правде // Памятники российского права. Т. 1. Памятники права Древней Руси: учеб.-науч. пособие. – М., 2013.
3. Богдановская И. Ю. Прецедентное право. – М., 1993.
4. Гаджиев Г. А. Феномен судебного прецедента // Судебная практика как источник права. – М., 2000.
5. Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М., 2013.
6. Горский А. А. Янь Вышатич и Правда Русская // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4 // Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы междунар. науч. конф. – М., 2015.
7. Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII – XIX веков. – М., 2015.
8. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. – М., 2002.
9. Кодан С. В. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) // Юрид. техника. – 2013. – № 7. – Ч. 2.
10. Кодан С. В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) // Рос. юрид. журн. – 2012. – № 1.

---

³⁹ См.: *Петров К.В.* «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI – XVII вв.) // Гос-во и право. 2005. № 4. С. 78–83.

11. Лукин П. В. Коровья татьба в Правде Русской // «По любви, в правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина: сб. ст. – М.: Индрик, 2014.
12. Максимов А. А. Прецедент как один из источников английского права // Гос-во и право. – 1995. – № 2.
13. Марченко М. Н. Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1999. – № 4.
14. Минникес И. В. Источники российского права: исторический экскурс // Акад. юрид. журн. – 2008. – № 1(31).
15. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. – М., 2011.
16. Петров К. В. Значение «закона» в средневековом русском праве (XVI – XVII вв.) // *Cahiers du Monde Russe*. Paris, 2005. – Vol. 46. – Pt. 1/2.
17. Петров К. В. Правовые основания вынесения судебных решений в Московском великом княжестве XV в. // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики: материалы X междунар. науч.-практ. конф. – М.: РГУП, 2016 (в печати).
18. Петров К. В. Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI – XVII вв. // Гос-во и право. – 2007. – № 7.
19. Петров К. В., Сапун В. А., Смирнова М. Г. Нетипичные источники российского права // Рос. юрид. журн. – 2009. – № 1.
20. Петров К. В. «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI – XVII вв.) // Гос-во и право. – 2005. – № 4.
21. Подольская Н. А. К вопросу о понятии прецедента как источника права (общетеоретический аспект) // Судебная практика как источник права. – М., 2000.
22. Санникова Л. В. Институты частного права в Русской Правде. – М., 2014.
23. Сурова Е. А. Российское законодательство X – XV вв. и проблемы формирования российской государственности. – М., 2003.
24. Толочко А. П. Краткая редакция «Правды русской»: происхождение текста. – Киев, 2009.
25. Томсинов В. А. История русской юриспруденции. X – XVII вв. – М., 2014.
26. Хачатуров Р. Л. Источники древнерусского права // Памятники российского права. Т. 1. Памятники права Древней Руси: учеб.-науч. пособие. – М., 2013.
27. Цыб С. В. Хронологические замечания к книге Алексея Толочко о Краткой редакции «Русской Правды» // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. 2011. – Vol. XIX. – № 1.

Приоритетные направления правовой политики современного Российского государства

Правовая политика являясь одним из механизмов развития правового поля и в целом государства, должна четко определять ближайшие и перспективные цели и задачи, следующие из общего курса государства, определяя приоритетные направления его деятельности. Помимо общих для всех современных государств направлений правовой политики для каждого имеются свои приоритеты. В настоящей работе будут рассмотрены приоритетные направления правовой политики Российского государства.

One of the mechanisms of development of the legal field and the whole state is legal policy. Legal policy needs to clearly define short and long-term goals and objectives arising from the General course of the state, determining priority directions of its activity. In addition to common to all modern States policy for each individual state will have different priorities. In the present work, will be considered priority directions of a legal policy of Russia.

Ключевые слова: правовая политика, право, приоритетные направления правовой политики, развитие правовой политики.

Keywords: legal policy, law, priority areas of legal policy, legal policy development.

Роль права в жизни любого государства возрастает год от года, а государственная правовая политика занимает одно из ведущих мест в жизнедеятельности общества. Следствием этого является расширение законодательной базы и формирование новой нормативно-правовой ситуации. Правовая политика заняла особое место в системе функционирования правовых и политических институтов современного общества. Кроме того, она неизбежный элемент современного развития государств. Не исключение и российское общество.

С развитием постконституционной российской демократии особое внимание и властных институтов, и общественности, и ученых приковано к выработке и развитию правовой политики. Связано это с обстоятельствами

длящейся правовой реформы в Российской Федерации и необходимостью создания актуального законодательства, соответствующего духу времени, устранения коллизий. Таким образом, выстраивание правовой политики на государственном уровне является одним из ведущих вопросов повестки дня. Определение «правовая политика» достаточно новое для российской научной риторики и практики. Вместе с тем определенное количество трудов уже было написано по этой теме. Прежде всего это работы С. С. Алексева, О. А. Гаврилова, А. П. Мазуренко, А. В. Малько, Н. И. Матузова, И. С. Морозовой, Г. И. Муромцева, С. И. Орешкина, С. В. Полениной, К. А. Струсь, Ю. А. Тихомирова, Н. И. Химичевой, К. В. Шундикова и многих других.

Существенным условием формирования социально востребованной и высокоэффективной правовой политики, выработки приоритетных направлений выступает дальнейшее углубление научных представлений о ее сущности, содержании и т. д. В данной работе будут проанализированы отдельные направления общественных отношений, рассматриваемых как средство правовой политики.

Нельзя не отметить, что определяется «правовая политика» в трудах ученых нередко по-разному в зависимости от контекста и произвольного усмотрения исследователя [17, с. 55–58]. Связано это, в том числе, с тем, что по родовым признакам оно принадлежит и к политике, и к праву.

К примеру, русские юристы, жившие в дореволюционной России, Г. Ф. Шершеневич, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий рассматривали правовую политику как прикладную науку, призванную оценивать действующее законодательство и способствовать выработке более совершенного права. Считаю, что это, безусловно, достаточно узкий подход к толкованию вышеназванного явления. Конечно, нынешний смысл этой категории гораздо более сложный и обширный [4].

Более системно термин «правовая политика» стал употребляться во времена Советского Союза. Профессор, доктор юридических наук Н. А. Беляев трактовал правовую политику как выработанное государством и основанное на объективных законах развития общества направление деятельности государственных и общественных органов и организаций по охране интересов трудящихся [2].

Бесспорно, правовая политика, заняв одно из значимых мест в современной юридической науке, в последнее время особенно активно подвергается исследованиям.

Доктор юридических наук, профессор А. В. Поляков говорит, что правовая политика – это совокупность представлений о том, какими путями и средствами можно воздействовать на правовую ситуацию в обществе [12]. В. В. Болтунов полагает, что «правильнее все-таки считать, что правовая политика – это именно деятельность, и деятельность уполномоченных органов, реализующаяся в сфере действия права, влекущая правовые последствия» [3, с. 9]. В. С. Нерсесянц определяет правовую политику как государственную политику в области развития права, тактику и стратегию правового пути развития общества и государства; систему идей, принципов, норм, форм и процедур признания, осуществления и развития начал и требований господства права в общественной и государственной жизни [11, с. 69]. Очевидно, что при определении правовой политики каждый исследователь использует подход.

Исходя из вышесказанного, ясно, что правовая политика призвана прежде всего способствовать осуществлению модернизации правовой системы посредством решения ее наиболее острых текущих проблем, а также определять долгосрочную стратегию правового развития страны. Проявлением правовой политики является правотворчество – издание государством правовых актов, в них выражается правовое бытие. Правовая политика должна выражаться в деятельности по оптимизации юридического ресурса государства.

В той связи, что в основании правовой политики государства лежит совокупность правовых концепций и доктрин, она имеет исключительную возможность определять приоритетные направления собственной деятельности. Под приоритетами правовой политики (в исторически конкретный момент) необходимо понимать наиболее значимые для данного общества ценности, охраняемые правом, именно на них должно ориентироваться государство в своей деятельности в сфере правового регулирования [9 с. 97–98]. Иными словами, это наиболее важные первостепенные ориентиры для деятельности государства.

Совокупность таких приоритетов образует систему, а значит они взаимосвязаны и обусловлены друг другом, оказывают взаимное влияние. Вместе с тем количество таких ориентиров не может быть большим. Ориентиром и приоритетом правовой политики выступают универсальные ценности, имеющие важнейшее значение для развития и существования любого общества. В рамках этого направления под углом зрения гуманизма предоставляется возможность разумного соединения начал власти и свободы.

Традиционно принцип соблюдения прав человека признается одним из основополагающих в построении правового государства. В связи с этим важнейшим приоритетом правовой политики всякого зрелого цивилизованного

государства является деятельность по обеспечению прирожденных, неотъемлемых прав человека. Говоря о Российском государстве, подчеркнем, что немаловажным является и создание соответствующих условий, гарантий и механизмов для реализации названных прав. Кроме того, как вполне справедливо замечает профессор Н. И. Матузов, формирование правового государства и гражданского общества есть наиболее общие приоритеты российской правовой политики [16, с. 87–88]. Таким образом, основными приоритетами современной российской правовой политики могут выступать: формирование правового государства и гражданского общества; цивилизованное, основанное на праве, регулирование отношений между обществом и государством; реальное обеспечение прав и свобод человека и гражданина. При формировании и определении приоритетных направлений российской правовой политики должны учитываться и национальные интересы нашей страны – концептуально-идеологическая совокупность базовых жизненно важных ценностей в сфере развития гражданского общества и России, а также мира в целом.

Исходя из анализа законодательства Российской Федерации отметим, что нынешняя правовая политика нашего государства не может быть ориентированной только лишь на защиту основных прав и свобод человека. В условиях кризисных явлений в экономике большое значение приобретает поддержка и социальная защита отдельных категорий граждан. В начале 2000-х гг. мы отказались от государственного патернализма в социальной сфере, что негативно сказалось на благополучии отдельных категорий населения (пенсионерах, инвалидах и т. д.). Определение правовых стандартов свободного развития и достойной жизни человека, формирование масштабных социальных технологий в интересах людей, обеспечение продуманной и адресной социальной помощи для населения являются наиважнейшими элементами механизма реализации современной правовой политики в социальной сфере. Необходима выработка национально обоснованных и принимаемых в обществе социальных правовых стандартов. Здесь, как и в целом в остальных приоритетах, важна качественная реализация всего написанного в жизни.

Сохранение и поддержание демографического роста – цель, которая заложена в еще одно приоритетное направление правовой политики. Государственная демографическая правовая политика направлена на регулирование демографических процессов с учетом национальных интересов. Перспектива демографической правовой политики заключается в формировании институционально-правового порядка, который способствует достижению желаемого результата, связанного с рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, миграционным сальдо.

Приоритетами, наряду с вышеназванным, должны, безусловно, являться верховенство правосудия, достойный уровень частного права. При этом все указанные приоритеты взаимосвязаны. Так, соблюдению прав человека будет реально способствовать сильный и независимый суд. Одной из главных функций судебной власти выступает восстановление и защита оспариваемых или же нарушенных прав, свобод, также как и законных интересов юридических и физических лиц, выполняемой в целях становления гражданского общества и формирования правового государства.

Сильное и независимое правосудие неразрывно связано и с обеспечением прав граждан в частноправовой сфере. Последнее наиболее важно для современной России. Так, развитию предпринимательской инициативы гражданами будет способствовать не только прозрачное и понятное законодательство, но и действенный механизм защиты гражданских прав, в том числе от государства.

В последнее время с учетом обострившейся международной обстановки большое значение для всякого государства в области правовой политики имеет обеспечение национальной безопасности. Уничтожение национальных границ государств, глобализация однополярного мира, распространение терроризма – это лишь некоторые из сформировавшихся угроз. Для Российского государства важно в непрерывном процессе определять концептуальные основы противодействия внешним угрозам: международному терроризму, распространению наркотических средств, похищениям и торговлей людьми и т. п.

Одним из направлений в обеспечении национальной безопасности выступает информационная политика. Российская государственность в последние четверть века находилась под влиянием глобальной нелиберальной правовой идеологии, во многом чуждой для российского общества. В условиях информационного общества и медиакультурной глобализации одним из главных приоритетов российской правовой политики является разработка юридических механизмов защиты традиционных ценностей, национального языка и отечественного культурно-нравственного пространства от разрушительного внешнего влияния.

Кроме того, также в числе основных приоритетных направлений правовой политики должны находиться создание информационного общества и электронного государства. Здесь важно оперативно реагировать на развитие информационных ресурсов, информационно-коммуникационной сети Интернет, устанавливая соответствующий правовой режим.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что на сегодняшний день нами были выявлены и обоснованы следующие приоритеты правовой политики Рос-

сийской Федерации: 1) соблюдение и защита прав и свобод человека; 2) формирование правового государства и гражданского общества; 3) развитие социальной сферы; 4) демографическая политика; 5) верховенство правосудия; 6) достижение достойного уровня частного права; 7) обеспечение национальной безопасности; 8) информационная политика.

Одной из главных задач современного этапа реализации правовой политики в России является определение и нормативное закрепление общей концепции развития правовой политики государства.

В отличие от правовых и иных реформ правовая политика должна реализовываться постоянно, так как она создает основу этим реформам, обозначает их характер, пределы, сроки, эффективность.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Основы правовой политики в России: курс лекций. – М., 1995.
2. Беляев Н. А., Глистин В. К., Орехов В. В. и др. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992.
3. Болтунов В. В. Соотношение понятий «правовая политика» и «правовая культура» // Апробация. – 2013. – № 8 (11). – С. 9–15.
4. Ветютнев Ю. Ю. Развитие представлений о правовой политике в России // Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Проспект, 2006.
5. Иванов В. П. Организационно-правовой механизм обеспечения государственных интересов Российской Федерации: моногр. – М., 2003.
6. Калинин А. Ю. Стратегия правотворческой политики современной России // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 3. – С. 56–59.
7. Кененов А. А. Соотношение государства и права // Проблемы теории гос-ва и права / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2005.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с поправками от 30 дек. 2008 г., 5 февр. 2014 г., 21 июля 2014 года) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 1, 2; 2014. – № 6. – Ст. 548; 2014. – № 31. – Ст. 4398.
9. Левченкова Е. А. Правовая политика государства и ее приоритеты в сфере правоохранительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект): дис. ...канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
10. Левченкова Е. А. Приоритетные направления правовой политики современного российского государства // О-во и право: сб. тр. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 17 / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2003. – С. 130–133.

11. Нерсесянц В. С. Правовая политика Российской Федерации: основные направления и задачи // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации. – М.: Изд-во РУДН, 2006.
12. Поляков А. В. Введение в общую теорию государства и права: курс лекций. – СПб., 2000.
13. Полянский Д. А. Принцип научной обоснованности в системе принципов правовой политики // Вестн. Тамбовск. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2013. – № 11 (127). – С. 355–363.
14. Правовая политика в условиях модернизации: сб. материалов Всерос. конф. «Правовая политика в условиях модернизации» 19 нояб. 2010 г. / отв. ред. В. В. Смирнов. – М., 2011.
15. Пузиков Р. В. Формы реализации правовой политики // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (129). – С. 163–171.
16. Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: Норма, 2003.
17. Солдаткина О. Л. Информационный подход при исследованиях в теории правовой политики (на примере формирования дефиниций термина «правовая политика») // Вестн. гуманитар. ин-та ТГУ, 1 (14), 2013. – С. 55–58.

**К вопросу о предпосылках возникновения дихотомии права
(попытка институционального анализа)**

В статье предпринята попытка проанализировать на основе использования теории транзакций и транзакционных издержек основания возникновения дуализма права. Обосновывается выделение частного и публичного права, исходя из возможности покрытия субъектами правоотношений сопутствующих им издержек.

The article attempted to analyze the usage-based theory of transactions and transaction costs the grounds for the emergence of the dualism of law. The author substantiates the allocation of private and public law, based on the emergence of the dualism of law. The author substantiates the allocation of private and public law, based on the possibility of covering the subjects of legal relations related costs.

Ключевые слова: публичное и частное право, транзакция, трансформационные и транзакционные издержки, социальный институт.

Key words: public and private law, transaction, transformation and transaction costs, social institutions.

В современном анализе социальной практики всё большую актуальность приобретает институциональная теория, использующая в качестве базовой единицы анализа социальный институт, который в самом общем виде можно представить как совокупность устойчивых правил поведения субъектов в той или иной сфере общественной практики и обеспечивающих их соблюдение элементов социальной инфраструктуры (государство, право, церковь, наука, образование, и пр.).

Выделение социального института в качестве структурообразующего элемента институциональной теории позволяет рассматривать социальную практику как результат взаимодействия институтов. В этом случае вся совокупность институтов выступает как составные части единого социального механизма. Существование социальных механизмов обеспечивает обществу возможность осуществлять целенаправленное воздействие на содержание и динамику общественной практики в направлении создания и распределения

благ, необходимых для существования как всего общества в целом, так и каждого отдельного индивидуума в частности. Поэтому социальная теория уделяет значительное внимание анализу различных видов социальных механизмов. Видовое многообразие этих механизмов определяется, как правило, отраслевым признаком, в соответствии с которым они характеризуются по их месту в системе общественных отношений. Так, широко известны государственный, хозяйственный, финансовый, кредитно-денежный, социально-психологический и другие социальные механизмы.

Использование в качестве основополагающей категории институциональной теории «социальный институт» позволяет нам выделить институциональный механизм как особый вид социального механизма. Его выделение даёт нам возможность определить новые подходы к пониманию природы права и его роли в общественном процессе. Подобная возможность, в частности, связана с тем, что важное место в понимании роли права в рамках институционального механизма принадлежит теории транзакций и транзакционных издержек.

В рамках институционального анализа в качестве одной из содержательных его основ выступает транзакция, которая «определяется здесь как действие, совершаемое, когда нечто (например, товар, социальная установка, эмоция, мнение или информация) переходит от одной социальной единицы к другой. Этими социальными единицами могут быть индивиды, организации или иные сущности (например, Бог или духи предков)». «Транзакции могут быть экономическими (например, выдача денежного вознаграждения), политическими (голосование в конгрессе) или социальными (общественное одобрение)»¹.

Транзакция в рамках современного экономического институционализма рассматривается как правоотношение, в рамках которого происходит «... отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом». Транзакции определяются как «сделки или соглашения по обмену правами собственности, выступающие как социальная форма взаимодействия»².

Понимание транзакции как правоотношения (сделка, контракт) является отражением ее дуалистического содержания, которое характеризуется наличием в нем как экономических, так и правовых начал. Транзакция, опре-

---

¹ *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. С. 72.

² *Аганова И.И.* Институциональная экономика: учеб. пособие. М.: Экономистъ, 2006. С. 96.

деляемая в экономике через переход прав на благо (товар) в праве выступает как сделка, представляющая собой «действие граждан и юридических лиц, направленное на установление, изменение или прекращение... прав и обязанностей» (ст. 153 ГК РФ).

Сделка, как правовое выражение (обозначение) трансакции, обеспечивает перераспределение блага (ресурса) между субъектами посредством перераспределения между ними их прав на него. Субъективное право, представляя собой меру дозволенного поведения, позволяет правообладателю осуществить действие, направленное на получение необходимого для его существования ресурса (объекта права).

Существование юридических прав и обязанностей с экономической точки зрения означает, что субъекты данных отношений признают допустимым для одной из сторон (правообладателя) осуществлять действия, связанные с обладанием и потреблением объекта права (ресурса, блага). При этом у других сторон отношения (обязанных лиц) возникает обязанность содействовать и не препятствовать действиям правообладателя, направленным на использование данного ресурса (объекта права).

Институциональный анализ, рассматривая влияние на социальные процессы трансакций, учитывает существование сопровождающих их издержек. Очевидно, что в основе издержек трансакционных лежат издержки фактических отношений, которые в соответствии с институциональной теорией можно разделить на две группы: трансформационные и трансакционные³.

Трансформационные издержки представляют собой затраты, являющиеся результатом воздействия субъектов на внешние для них факторы с целью приспособления их для удовлетворения своих нужд. К этим издержкам можно отнести: затраты на осуществление сельскохозяйственной, промышленной, научно-исследовательской, сервисной и иных видов деятельности. Эти затраты связаны с получением субъектами общественной практики тех или иных благ из окружающей, объективной для них действительности. Данные блага, имея как материальное (вещественное), так и нематериальное (идеальное) воплощение, в структуре правоотношения занимают место объектов последних. Трансформационные издержки формируются из затрат на создание и последующее использование (эксплуатацию) объекта права. Эти издержки

---

³ Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учеб. / под ред. А.А. Аузана. М., 2006. С. 61–66; Ульямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирма, рынки, «отношенческая контрактация» / науч. ред. В.С. Каткало. СПб.: Лениздат, 1996. 709 с.

складываются из затрат на получение, содержание, ремонт, реновацию, перемещение и другие варианты использования этого объекта.

Трансакционные издержки, в свою очередь, представляют собой затраты на установление и осуществление отношений с другими лицами по поводу использования данного объекта. К этим издержкам можно отнести социальные затраты по согласованию и реализации субъектами правоотношения договоренностей по поводу создания и использования институциональных благ. Институциональная теория к ним относит издержки поиска информации; ведения переговоров и заключения контрактов; измерения; издержки спецификации и защиты прав собственности; оппортунистического поведения. С правовой точки зрения трансакционные издержки можно охарактеризовать как затраты на выстраивание правоотношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления, ограниченных благ (объектов правоотношений) [5, с. 27].

При этом необходимо указать на взаимообусловленность данных видов издержек. Это выражается в том, что трансакционные издержки представляют собой трансформационные, понесенные на создание благ (ресурсов), необходимых для выстраивания институциональных отношений (бумага для закона, здания для администрации, блага для жизни судей и других субъектов бюрократического устройства общества и т. п.). Все трансформационные затраты, связанные с созданием этих благ, входят в состав трансакционных издержек, возникающих при взаимодействии бюрократической системы и частных лиц при выстраивании отношений по реализации прав гражданина в рамках правового института.

Существование трансформационных и трансакционных издержек, динамика их изменения и их соотношение оказывают влияние на «формы организации хозяйственной деятельности, содержание и характер реальных трансакций» [3, с. 66]. Соответственно, если трансакция представляет собой правоотношение, то издержки влияют и на соответствующее ей правоотношение. Данное влияние проявляется как через «общую величину трансакционных издержек», так и через порядок «распределение их бремени между участниками...» [3, с.61].

Средства для покрытия издержек сторон правоотношения, необходимых для его реализации, представляют собой его экономическую основу. Имеющиеся у субъектов правоотношений экономические возможности покрытия сопутствующих им издержек заставляют их выстраивать свою правовую практику, опираясь только на собственные средства, либо прибегая к помощи других лиц. Очевидно, что объем прав каждого конкретного субъек-

та при прочих равных условиях находится в прямой зависимости от доступности необходимых средств.

Имеющиеся у субъектов правоотношения возможности покрыть издержки, связанные с реализацией образующих его прав и обязанностей, влияют как на саму возможность его существования, так и на его содержание. В этой связи представляется, что особенности получения субъектами правоотношения средств для покрытия сопутствующих ему издержек определяют природу данного правоотношения. Этот вывод позволяет применить трансакционный подход к определению предпосылок возникновения и существования дихотомии права.

В ситуации, когда субъекты правоотношений (физические и юридические лица) используют для их реализации собственные средства, можно говорить об их частноправовой природе. Этот вывод, во-первых, обусловлен тем, что наличие у субъектов правоотношений достаточных собственных средств для осуществления своих субъективных прав создает основание для «автономии (свободы) воли субъекта в выборе им конкретного варианта поведения». Подобная свобода, как известно, образует одну из характерных особенностей частноправовых отношений: «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе» (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Во-вторых, наличие свободы волеизъявления при приобретении прав у всех субъектов образует основу для их юридического равенства, что также является характерным для частного права: «Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений» (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

В условиях правового равенства, когда частный субъект правоотношений не обладает достаточными средствами для осуществления права, он может вступить в отношения с другими частными субъектами для получения у них недостающих средств и возможностей (подряд, заимствование, аренда) или для совместной деятельности (в рамках простого товарищества или юридического лица) в целях получения соответствующих средств для реализации права. Данные правоотношения также имеют частноправовую природу, поскольку строятся на принципах свободы и равноправия их участников.

В рамках частноправовых отношений субъекты сами решают между собой («по горизонтали») вопрос о распределении между ними прав на те или иные блага, учитывая собственные возможности и интересы. При этом издержки, присущие частноправовым сделкам, ложатся в основном на самих субъектов этих прав. Это прежде всего прямые издержки, связанные с

реализацией субъективных прав в контрактных отношениях (поиск партнёров, согласование условий, противодействие оппортунистическому поведению и т. д.) и их защитой (покрытие судебных издержек, оплата услуг нотариуса, адвоката и других субъектов, обеспечивающих на возмездной основе защиту прав). Косвенные же издержки частных трансакций – это прежде всего обязательные платежи в бюджет, идущие в частности на обеспечение существования и функционирование государственной власти, обеспечивающей соблюдение прав частных лиц (суды, исполнительные и правоохранительные органы власти).

Частное право, регулируя отношения между частными лицами, обладающими равными правами, предоставляет им возможность самим добиваться достижения наивысшей эффективности перераспределения между собой ограниченных ресурсов в пределах каждой конкретной трансакции. Это обусловлено тем, что в рамках частноправовых отношений субъекты сами решают между собой вопрос о распределении между ними прав на те или иные блага, достигая при этом наивысшую степень учета взаимных интересов и возможностей, допустимую для них в данных конкретных условиях.

Немаловажным является то что, распределение этих издержек осуществляется между участниками этих трансакций на добровольной основе в соответствии с их возможностями и нуждами. Поэтому в конечном итоге частное право выступает более эффективным средством распределения общественных благ, нежели распределение, осуществляемое при участии третьих лиц. Частное право, таким образом, можно рассматривать как социальный инструмент правового обеспечения оборота благ частных лиц между ними и в их интересах.

В случаях же, когда частные лица не имеют достаточных средств для обеспечения себя необходимыми правами (как правило, это касается прав на общественные блага), они объединяют имеющиеся у них силы и средства в рамках, создаваемых ими публичных образований (государства, местного самоуправления, штатов, земель, субъектов федерации и т. п.). Средства публичных образований в конечном итоге предназначены для обеспечения прав частных лиц, которые не могут быть обеспечены их собственными средствами. К таким правам следует отнести личные, социальные, политические, экономические, культурные и другие права, гарантируемые второй главой Конституции РФ.

Привлечение публичного образования для обеспечения социальных прав основывается на достигнутом тем или иным образом соглашении между частными лицами (гражданским обществом) и публичным образованием

(государством). В рамках этого «общественного договора» определяется порядок формирования публичным образованием необходимых средств (налогообложение, рекрутирование, организация общественных работ и т. п.) и их использование для обеспечения прав частных лиц на соответствующие общественные блага. Данная «договоренность» предполагает для частных лиц и их потомков сознательное и долгосрочное ограничение в отдельных правах и возложение дополнительных обязанностей. Кроме того, централизованное формирование и распределение публичным образованием общественных благ предполагает директивный порядок выстраивания отношений между ним и частными лицами. Последние в этом случае теряют самостоятельность и добровольность в отношениях с первым. Поэтому публично-правовые отношения имеют императивный, внедоговорный характер.

Существование публичных образований как одного из важнейших условий обеспечения прав на общественные блага делает их обязательным участником публично-правовых отношений в отличие от частноправовых. Для публичного права также характерными являются правоотношения, определяющие однообразное правило поведения, основанные на одностороннем запрете и обязывании. Публичное право в отличие от частного права при регулировании отношений, связанных с обеспечением общего (публичного) или общегосударственного интереса, предполагает наделение государства правом применять насилие в отношении частных лиц.

С затратной точки зрения публичные правоотношения обеспечивают создание и предоставление частным лицам публичных средств, необходимых для обеспечения их общественных нужд (оборона, правопорядок, дороги, здравоохранение, образование, услуги, предоставляемые государственными и муниципальными органами власти и т. п.). Публичное право здесь можно рассматривать как инструмент правового обеспечения оборота благ публичных образований (государства, муниципалитетов и др.) в интересах частных лиц. При этом для каждого конкретного частного лица это предоставление осуществляется как бы на безвозмездной основе. Однако здесь необходимо понимать, что средства публичных образований формируются путем использования их имущества (доменов) и фискальных сборов при активном участии в этом тех же частных лиц.

Таким образом, институциональный подход к анализу существа и содержания правоотношений позволяет по-новому взглянуть на природу и предпосылки возникновения и существования дихотомии права. В этой связи можно говорить о том, что институциональный анализ места и роли права в общественной практике позволяет рассматривать его как важный социальный

инструмент обеспечения оборота имеющихся в обществе ресурсов (благ). Кроме того, присущий институционализму транзакционный подход к рассмотрению общественных отношений позволяет выделить частное и публичное право в качестве разновидностей данного социального инструмента, которые обеспечивают реализацию стандартных транзакций между участниками общественной практики по горизонтали и вертикали общественных отношений. Частное право выступает как инструмент правового обеспечения отношений по поводу оборота благ частных лиц между ними и в их интересах. Публичное право следует рассматривать как инструмент правового обеспечения оборота благ публичных образований (государства, муниципалитетов и др.) в интересах образующих их частных лиц. Всё это по мере развития правовой системы общества способствовало выделению в ней частноправовой и публично-правовой составляющих.

Список литературы

1. Агапова И.И. Институциональная экономика: учеб. пособие. – М.: Экономистъ, 2006. – 254 с.
2. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. – 536 с.
3. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учеб. / под ред. А.А. Аузана. – М., 2006. – 416 с.
4. Ульямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирма, рынки, «отношенческая контракция» / науч. ред. В.С. Катъкало. – СПб.: Лениздат, 1996. – 709 с.
5. Шубников Ю.Б. Субъекты и объекты отношений как факторы развития социальных институтов // Мир экономики и права. – № 9. – 2013. – С. 23–29.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340.12:340.11

Л. Ю. Свистунова

Организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти: понятие, правовое закрепление и особенности в современных геополитических условиях

В статье анализируются организационно-правовые формы деятельности законодательных (представительных) органов в Российской Федерации. Осуществлена попытка проанализировать правовую природу и виды организационно-правовых форм деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти в Российской Федерации на современном этапе.

The paper analyzes the organizational and legal forms of activity of legislative (representative) bodies of the Russian Federation. An attempt was made to analyze the legal nature and types of organizational and legal forms of activities of legislative (representative) bodies of state authority in the Russian Federation at the modern stage.

Ключевые слова: представительный орган, парламент, организационно-правовые формы деятельности представительного органа.

Key words: the representative body, parliament, organizational legal forms of activity of a representative body.

Деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти осуществляется в особых, предусмотренных законодательством организационно-правовых формах, правовое закрепление и совершенствование которых зависит от множества факторов, приоритетными среди которых являются, во-первых, активизация законотворческого процесса с целью создания достойной правовой системы государства; во-вторых, совершенствование механизма взаимодействия органов государственной власти различных ветвей и уровней; в-третьих, выстраивание политико-правового диалога с различными властвующими субъектами и институтами гражданского общества, и в-четвертых, повышение качества и эффективно-

сти самих организационно-правовых форм деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти.

Приоритетность направлений, в которых развивается деятельность законодательных органов в государстве, предопределена тем, что результатом этой деятельности становятся законы. Следовательно, она должна быть не только четко регламентирована на всех этапах ее осуществления, но и эффективно организована. Необходимо нормативно урегулировать все возможные формы данной деятельности в целях достижения конечного результата – принятия качественных нормативных актов и создания четкой, непротиворечивой системы законодательства в нашем государстве. В юридической науке под формой деятельности государственного органа понимают постоянно и однозначно фиксируемые в нормативных актах выражения практической деятельности государственных органов.

Для определения понятия организационно-правовой формы деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти в Российской Федерации принципиально важно отделить юридические формы государственной деятельности от неправовых. Полагаем, что юридические формы государственной деятельности не могут существовать без форм права, содержащих общеобязательные установления (законы, иные нормативные акты, правовые обычаи и др.), однако они не могут сводиться или подменяться формами права. Как справедливо отмечает Н.И. Матузов, «в решении вопроса о сущности права, правовой системы необходима уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, нужно четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство»¹.

Подчеркивая необходимость четкого разграничения юридических и неправовых форм, мы поддерживаем позицию М.И. Байтина, который под неправовыми формами понимает однородную по своим внешним признакам деятельность органов государства, не влекущую за собой правовых последствий². Основываясь на теоретических положениях В.М. Горшенева³, мы

---

¹ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. С. 103.

² Байтин М.И. Актуальные проблемы теории государства и права на рубеже столетий // Гос-во и право на рубеже веков: Проблемы теории и истории: материалы Всерос. конф. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. С. 94–100.

³ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.

Горшенев В.М. Социалистическое управление народа: природа, содержание, проблемы // Проблемы соц. законности: республ. междуведомств. науч. сб. Вып. 20. Харьков: Вища шк., 1987. С. 27–35.

считаем, что юридические формы не могут и не должны пониматься вне юридического процесса, в связи с чем нас интересуют не правовые формы сами по себе, а правовые формы в процессе государственной деятельности. Специфика правовых форм государственной деятельности непосредственно сопряжена с понятием юридической деятельности и производной от нее государственной деятельностью. Поэтому мы рассматриваем юридическую форму государственной деятельности как комплексную юридическую категорию, которая обеспечивает опосредование правом различных неправовых общественных явлений, нуждающихся в юридической регламентации, означающую способ существования и выражения содержания норм материального права, реализуемый в виде определенной деятельности субъектов правоотношений с соблюдением установленных законом правил и процедур⁴.

Юридические формы государственной деятельности существенно отличаются друг от друга содержанием выполняемых задач и, соответственно, характером действий, способов, методов, средств их решения, а также направленностью юридических процедур и последовательностью их использования. С развитием демократических институтов и становлением правового государства отчетливо обнаруживается тенденция к увеличению числа форм государственной деятельности и соответственно усложнению их классификации. Эта тенденция не является случайной, а сформировалась в результате развития всей государственности, в частности усложнения государственной деятельности по масштабности и содержанию задач и функций, демократизации общества, возрастания роли законодательных органов как федерального так и регионального уровня и т. д.

Организационные формы деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти подчинены осуществлению их задач, функций и полномочий. При определении понятия организационной формы следует исходить из того, что работа в законодательном органе выполняется как депутатами индивидуально или совместно, так и с привлечением других субъектов. Каждая организационная форма отличается относительной самостоятельностью и обособленностью, одновременно являясь фрагментом общей организации деятельности законодательного (представительного) органа. Устойчивость и стабильность организационных форм деятельности достигается путем их закрепления в нормах права, тем самым они приобретают статус организационно-правовых форм деятельности зако-

---

⁴ Масальтина С.В. Совершенствование юридических форм государственной деятельности в процессе политико-правовой модернизации // История гос-ва и права. 2009. № 3. С. 2.

нодательного (представительного) органа.

При определении форм деятельности в советский период употреблялась различная терминология. Например, Л. А. Григорян считал, что термин «организационные формы» поглощает собой термин «правовые формы», так как вся деятельность Советов должна быть предусмотрена правовыми актами⁵. И.М. Чехарин, в свою очередь, считал, что это «различие в терминологии не является принципиальным, так как каждая организационная форма деятельности Советов или уже закреплена правовыми актами, или же, получив права гражданства на практике, должна быть закреплена ими. Предпочтительнее поэтому, писал ученый, формы деятельности Советов называть организационно-правовыми»⁶. Представляется, что данная позиция заслуживает внимания и применительно к организационно-правовым формам деятельности современных законодательных (представительных) органов государственной власти.

Все организационно-правовые формы деятельности подразделяются в зависимости от их роли и значения в реализации компетенции законодательного (представительного) органа. В большинстве парламентов современных государств одни формы деятельности связаны с решением вопросов общей компетенции (это в первую очередь сессии как основная организационно-правовая форма), другие применяются в рамках реализации отдельных функций (деятельность постоянных комитетов, фракций законодательного органа) или отдельного блока полномочий (совместные заседания комитетов в законодательном процессе).

Необходимо отметить, что особенности правового закрепления, а также соподчиненность и взаимосвязь организационно-правовых форм деятельности законодательного органа, позволяют ставить вопрос об их системе, только в рамках которой возможно обеспечение эффективного распределения материальных, профессиональных и организационных ресурсов, имеющихся в распоряжении представительного органа, широкое использование опыта и знаний депутатов, работников аппарата и привлекаемых специалистов – ученых и практических работников. Кроме того, организационные формы необходимы, чтобы в каждый конкретный период деятельности сосредоточить внимание законодательного (представительного) органа на главном, не упуская из вида всего объема задач, стоящих перед ним; обеспечить разумное сочетание коллегиальности и коллективности в решении вопросов,

---

⁵ Григорян Л. А. Советы – органы власти и народного самоуправления. М.: Юрид. лит., 1965. С. 91.

⁶ Чехарин И. М. Постоянные комиссии местных Советов. М.: Юрид. лит., 1975. С. 15.

относящихся к полномочиям органа в целом, с индивидуальной деятельностью каждого его звена, каждого элемента, включенного в данный процесс.

В итоге система организационно-правовых форм должна охватывать весь спектр необходимых действий, направленных на реализацию задач и функций органа. Все организационно-правовые формы органично взаимосвязаны, дополняют друг друга, представляя единый, согласованный механизм организационной работы. Выпадение из этого механизма одного из звеньев (одной организационно-правовой формы) способно привести к сбою эффективного функционирования законодательного (представительного) органа в целом.

Организационно-правовые формы деятельности представительного органа производны от его функций и во многом определяются содержанием его многогранной работы. Они носят конкретно-исторический характер, поскольку приспособлены к выполнению задач и функций, стоящих перед представительным органом государственной власти на каждом историческом этапе его развития. Именно поэтому в период коренной перестройки государственного аппарата на основе принципа разделения властей были восприняты все наиболее эффективные и целесообразные формы деятельности как отечественных Советов, так и представительных органов государственной власти зарубежных стран. Необходимо отметить, что изменение задач и функций представительных (законодательных) органов неизбежно сказывается на используемых ими организационно-правовых формах работы, обуславливая необходимость соответствующей модификации и совершенствования последних.

Сказанное позволяет согласиться с мнением И.А. Азовкина, высказанным в литературе в начале 70-х гг. прошлого века, что «организационно-правовые формы – это типичные проявления жизнедеятельности органов, с помощью которых они находят оптимальные варианты решений по выполнению своей компетенции и в которые облекается ее конкретное содержание»⁷.

Основным содержанием, которым наполняется каждая организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти является, как правило, представительство и законотворческая деятельность, т.е. выражение воли и интересов, представляемых посредством деятельности его законных представителей. Поэтому с позиций функциональной характеристики законодательного органа все его организационно-правовые формы деятельности могут быть признаны универсальными, они могут быть использованы как для решения внутриорганизационных вопросов органа, так и для выполнения внешних функций в

---

⁷ Азовкин И.А. Местные Советы в системе органов власти. М.: Юрид. лит., 1971. С. 220.

рамках соответствующей компетенции. Только использование всех форм в умелом их сочетании позволяет в полной мере решить все задачи и достичь цели деятельности законодательного органа.

Но с точки зрения компетенционной составляющей организационно-правовые формы деятельности законодательного органа все же различаются и, следовательно, именно объем и в определенной степени характер полномочий выступают тем главным критерием, по которому их следует систематизировать.

К этому основному критерию присоединяется уровень правового закрепления статуса той или иной организационно-правовой формы. Анализ источников свидетельствует о том, что формы деятельности законодательных органов учреждены различными по юридической силе нормативными актами. Это различие обусловлено не только положением законодательного органа в системе народного представительства (т. е. нормативными актами, регламентирующими их конституционно-правовой статус), но имеет место разнообразие нормативных правовых актов, закрепляющих правовой статус соответствующей формы. Это подтверждается анализом исторических документов и действующего законодательства Российской Федерации в целом и отдельных субъектов Российской Федерации.

Вовлечение отдельного гражданина, общественных объединений, общества в целом в деятельность законодательных (представительных) органов, в процесс «создания законов, имеющих огромное значение для страны, затрагивающих интересы широких слоев граждан»⁸, является необходимым условием развития системы организационно-правовых форм деятельности парламента на современном этапе. С другой стороны, деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти в определенном смысле зависит от уровня культуры в обществе, в том числе политической и конституционной. По мнению В.Т. Кабышева, «от уровня зрелости политической культуры зависит уровень развитости демократии всего нашего гражданского общества», поскольку «именно уровень политической культуры масс, степень ее развития определяют сегодня успех модернизации российского государства и общества»⁹.

---

⁸ *Муравьев А.А.* Развитие системы регионального управления Российским федеративным государством. М.: ОАЗИС-Дизайн, 2007. С. 64.

⁹ *Матузов Н.И., Малько А.В., Кабышев В.Т. и др.* Психология власти: механизм реализации и ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н.И. Матузова, О.И. Цыбулевской. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академия права, 2011. С. 206.

Все организационно-правовые формы деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти подчинены осуществлению законодательными органами их задач, функций и полномочий. Каждая организационно-правовая форма отличается относительной самостоятельностью и обособленностью, одновременно являясь частью общей организации деятельности законодательного органа.

Организационно-правовые формы деятельности палат Федерального Собрания Российской Федерации можно условно разделить на основные и вспомогательные. В рамках основных организационных форм осуществляется непосредственная выработка и принятие решений в пределах компетенции Государственной думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ, предусмотренных Конституцией РФ 1993 г., а вспомогательные формы представляют собой способы информационного обмена между палатами парламента, парламента в целом и другими субъектами права. Иными словами, основные формы работы парламента призваны обеспечить реализацию компетенции парламента, а вспомогательные – обеспечить парламент полной и достоверной информацией, необходимой для принятия обоснованных, взвешенных решений, а также довести содержание принятых решений до сведения общественности. К основным организационно-правовым формам деятельности палат Федерального Собрания Российской Федерации относятся: сессия: пленарные заседания палат, заседания депутатских групп и фракций, заседания Совета соответствующей палаты, заседания парламентских комитетов и комиссий, парламентские слушания; парламентские расследования; «правительственный час», «час заявлений»; индивидуальная работа депутатов в парламенте и избирательных округах.

Среди вспомогательных организационно-правовых форм деятельности можно выделить личный прием граждан и должностных лиц; работу с заявлениями, жалобами и обращениями граждан; проведение пресс-конференций и интервью; организационные формы деятельности, связанные с участием в межпарламентских мероприятиях; участие депутатов Государственной думы РФ и членов Совета Федерации в научных, межпарламентских, ежегодных и специализированных конференциях и встречах; зарубежные визиты делегаций депутатов и парламентского руководства и другие мероприятия, связанные с законодательной деятельностью палат.

Однако исследование нормативных актов свидетельствует о том, что правовое закрепление организационных форм деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти трудно признать достаточным и завершенным, учитывающим весь положительный опыт деятельно-

сти зарубежных парламентов и представительных органов советского периода. Действующие нормы конституционного права не закрепляют в полной мере основные качественные характеристики применяемых в современной практике организационно-правовых форм. Такое положение приводит к снижению эффективности деятельности законодательных (представительных) органов в целом.

Тем не менее, совокупность применяемых на современном этапе организационно-правовых форм деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти подчеркивает характерные особенности становления и развития представительной демократии в нашем государстве.

Список литературы

1. Азовкин И.А. Местные Советы в системе органов власти. – М.: «Юрид. лит.», 1971.
2. Байтин М.И. Актуальные проблемы теории государства и права на рубеже столетий // Гос-во и право на рубеже веков. (материалы Всеросс. Конф.). Проблемы теории и истории. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001.
3. Горшенев В.М. Социалистическое управление народа: природа, содержание, проблемы // Проблемы соц. Законности: республик. междуведом. науч. сб. Вып. 20. – Харьков: Вища шк., 1987.
4. Григорян Л. А. Советы – органы власти и народного самоуправления. – М.: «Юрид. лит.», 1965.
5. Матузов Н.И., Малько А.В., Кабышев В.Т. и др. Психология власти: механизм реализации и ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н.И. Матузова, О.И. Цыбулевской. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. академия права, 2011.
6. Масальгина С.В. Совершенствование юридических форм государственной деятельности в процессе политико-правовой модернизации // История гос-ва и права, – 2009. – № 3. – С. 2.
7. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003.
8. Муравьев А.А. Развитие системы регионального управления Российским федеративным государством. – М.: ОАЗИС-Дизайн, 2007. – С.64.
9. Чехарин И. М. Постоянные комиссии местных Советов. – М.: Юрид. лит., 1975.

Понятие и содержание конституционного принципа свободного перемещения финансов и капиталов

В статье рассматривается конституционный принцип свободного перемещения финансов и капиталов в условиях международных экономических санкций. С помощью отдельных концепций автором постулируется тезис о том, что существующий в Российской Федерации подход к правовому регулированию свободы перемещения капиталов объясняется комплексом обязательств государства перед гражданами в условиях санкционной политики.

In this article, the author examines the constitutional principle of free movement of capital and finance in the conditions of international economic sanctions. On the basis of the author's concept of the article concluded that the Russian legal regulation of freedom of movement of capital is due to a complex of government obligations to the citizens in a sanctions policy.

Ключевые слова: свобода перемещения финансов; свобода перемещения капиталов; принцип единства экономического пространства; право на перемещение капиталов.

Key words: freedom of movement of finance; freedom of movement of capital; the principle of a single economic space; history of domestic constitutional law; the right of movement of capital.

В российском конституционном законодательстве свобода перемещения финансовых средств и капиталов напрямую не названа в качестве правового принципа. Её возведение в разряд основных начал отечественного права свойственно в большей степени таким отраслям, как гражданское и финансовое право. Поэтому большинство исследований в данной области касаются особенностей реализации данной свободы в специальных правоотношениях с их проекцией на весь конституционный строй Российской Федерации.

Такой подход обоснован исторической традицией, в соответствии с которой в отечественном праве длительное время передвижение капиталов вообще не регламентировалось на законодательном уровне (как в Российской империи) либо частично затрагивалось в финансовом праве (в советский пе-

риод). Вследствие этого в российской правовой науке сложились классические и неоклассические концепции, объясняющие сущность свободного передвижения финансов и капиталов.

Прежде всего классический подход говорит о руководящей роли государства в контроле над финансовыми потоками в стране и, соответственно, императивном характере норм, регламентирующих соответствующие правоотношения [17, с. 61]. Данная модель в полной мере была свойственна СССР, что нашло отражение в его бюджетном и гражданском законодательстве и, как следствие, в сложившейся практике их применения. В системе, в которой все финансовые институты учреждены государством и подчиняются только ему, иного механизма правового регулирования уже невозможно представить. Исходя из этого, свободное перемещение финансов и капиталов понимается как установленная государством возможность граждан и хозяйствующих субъектов определять направления использования своих материальных ценностей в территориальном масштабе [9, с. 72].

Указанная возможность рассматривается в качестве субъективного права лишь постольку, поскольку его воспринимает государство как центральный субъект финансовых правоотношений. В силу данной особенности на него возлагается функция определения границ применения этого права в виде порядка, сроков, объектно-субъектного состава, механизмов реализации и других значимых элементов.

Неоклассический подход свойственен современному этапу правового регулирования перемещения капиталов и в отличие от прежнего подхода придаёт значение частным интересам, но с сохранением определяющей роли государства [18]. Каждый субъект, обладающий капиталом, имеет право определять направления его использования на территории государства, но с учётом ограничений и запретов, установленных законодательством [7]. Тем самым свобода перемещения финансовых средств присутствует изначально в правовом статусе гражданина, однако её воплощение всецело зависит от государственных стандартов в этой сфере.

В обоих подходах прослеживается отраслевое закрепление принципов правового регулирования имущественных отношений. Так, в аспекте классического восприятия свободы перемещения капиталов присутствует исключительно финансово-правовой механизм, в котором постулируется идея публичного интереса в реализации данных отношений и сильного государственного контроля над имущественным состоянием граждан и хозяйствующих субъектов [12]. Напротив, неоклассическая концепция реализована в цивилистических воззрениях построения единого экономического простран-

ства за счёт свободного перемещения по стране финансов и капиталов, но с учётом государственной безопасности [19].

Для сравнения, в западной правовой науке преимущественно доминирует либеральный подход к признанию свободы перемещения финансов и капиталов неотъемлемым элементом правового статуса личности, независимым от государства [21, с. 10, 11]. Это связано с преобладающей долей механизма саморегулирования данных отношений со стороны финансовых институтов и организаций. Однако в рамках европейской правовой мысли в последние годы всё чётче прослеживается необходимость усиления государственного участия в построении системы регуляторов, направленных на обеспечение беспрепятственного передвижения капиталов, во многом за счёт международных соглашений [20].

Именно акцент на взаимосвязь возможности перемещения капиталов и прав граждан выводит рассматриваемый принцип на конституционный уровень. При этом классическая концепция в большей степени объясняет такое выражение публичного интереса в поддержании единства экономического пространства в государстве, которое невозможно без свободного перемещения финансовых средств внутри страны [11, с. 51]. В подтверждение своей позиции сторонники данного подхода приводят пример из действующей Конституции Российской Федерации. Так, в ч. 1 ст. 8 свободное перемещение капиталов значится в одном ряду с необходимостью обеспечения единого экономического пространства. Более того, последнее поставлено на первое место в перечне базовых экономических ценностей Российского государства, тем самым является определяющим в механизме правового регулирования.

Последователи неоклассической концепции выводят принцип свободного перемещения капиталов из субъективных прав и свобод российского гражданина. Поскольку человек и его права объявлены высшей ценностью (ст. 2), значение приобретают гарантии государства в области частной собственности (ст. 34 и 35). Следовательно, принцип беспрепятственного передвижения финансов и капиталов определяет правовой статус личности, а не конституционный строй в целом [8].

В рамках российской Конституции декларируется лишь гарантия свободного перемещения товаров, услуг и финансов, но не субъективная свобода личности. Прямого закрепления за какими бы то ни было субъектами подобных возможностей действующие конституционные нормы не демонстрируют. Следовательно, сложно утверждать о неотъемлемости свободы передвижения финансов и капиталов в конституционно-правовом положении граждан. Равным образом в Конституции не сформулировано условий, при

наличии которых субъект правоотношений может воспользоваться данной свободой. Очевидно лишь одно – государство оставило за собой право определять как круг участников, так и критерии, при которых возможно свободное обращение капиталов.

Из этого объяснимо и стремление государства зафиксировать в Конституции собственные обязательства, связанные с реализацией свободы перемещения финансов и капиталов. Так, в ч. 1 ст. 74 установлен запрет на существование таможенных барьеров внутри страны для обеспечения свободного передвижения товаров, услуг и финансовых средств. Публичный компонент выступает в данном вопросе определяющим в силу того обстоятельства, что таможенное регулирование находится в исключительном ведении федерального центра.

Стоит отметить, что таможенные ограничения не рассматриваются при этом в качестве элемента конституционно-правового статуса личности [16]. Поскольку первичным инструментом поддержания заявленной свободы экономического пространства выступает отсутствие внутренней таможи между субъектами Российской Федерации, следует констатировать исключительность роли государства в обеспечении заявленного принципа.

Подтверждает данный тезис ч. 2 ст. 74 Конституции Российской Федерации, в которой зафиксировано монопольное право государства определять случаи, ограничивающие действие свободы перемещения финансов и капиталов. При этом основаниями такого ограничения выступают сугубо публичные ценности – общественная безопасность, жизнь и здоровье людей, обеспечение охраны природы и культурные ценности. В этом аспекте отсутствует частный интерес отдельно взятого гражданина, поскольку государство, вмешиваясь в свободное передвижение капиталов, исходит из защиты всего населения, т. е. из интересов социума, а не индивида. Следовательно, выдвижение даже в рамках гражданского законодательства свободы перемещения товаров и финансов необходимо рассматривать не как элемент частно-правового статуса личности, а как определённые рамки для самого государства, которое при данных обстоятельствах может и должно ограничивать осуществление гражданских прав в пользу обеспечения общественной безопасности.

Таким образом, содержанием принципа свободного перемещения финансов и капиталов выступает государственная деятельность по поддержанию надлежащего порядка в области применения различных механизмов по использованию принадлежащего гражданам, хозяйствующим субъектам и публично-правовым образованиям имущества в территориальном масштабе.

Соответственно, государство определяет пределы такой свободы за счёт запретов и ограничений, необходимых для обеспечения общественной безопасности, жизни и здоровья населения, охраны экологии и культурных ценностей.

Именно такой посыл содержится в абз. 2 п. 5 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Внешне данная норма дублирует конституционные положения в области принципа свободного перемещения финансов и капиталов. Однако в ГК РФ делается уточнение, что подобная свобода обеспечивает гражданский оборот «на всей территории Российской Федерации». Вместе с тем в Конституции установлено, что в Российской Федерации гарантируется свободное перемещение капиталов без привязки к территориальному критерию.

Многие исследователи констатируют, что данные формулировки полностью идентичны, поскольку Российская Федерация подразумевает исключительно территориальный аспект [5]. Но представляется целесообразным подчеркнуть различие между указанными нормами. В частности, гражданское законодательство в силу специфики предмета своего регулирования ограничивает применение принципа свободного перемещения финансов и капиталов национальными территориальными рамками. Напротив, конституционные положения содержат более широкое восприятие свободы передвижения имущественных ценностей как в отношении территории страны, так и в межгосударственном отношении. Это означает, что Российская Федерация, установив такой конституционный принцип, гарантирует его реализацию не только по собственным законам, но и по нормам международного права, которые, в свою очередь, также являются частью российской правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Исходя из этого, государству достаточно уточнить подобным образом в рамках собственного законодательства, что гражданский оборот и свободное перемещение капиталов – несимметричные категории. Кроме того, в рамках гражданского права данный принцип направлен на частных лиц, в то время как его конституционное выражение существенно расширяет субъектный состав данных правоотношений. В частности, вряд ли можно утверждать, что положения ГК РФ в обеспечении свободного передвижения капиталов применимы к муниципальным образованиям, субъектам Российской Федерации и Российской Федерации как участникам гражданского оборота. Напротив, их финансово-хозяйственная деятельность выведена из предмета гражданского права и регламентируется совершенно иным образом в рамках публич-

но-правовых отраслей (бюджетное, налоговое, административное, муниципальное право).

Ещё одним аргументом в пользу выдвинутого тезиса о несовпадении смыслов конституционно-правового принципа свободного перемещения финансов и капиталов с соответствующими гражданско-правовыми основами служит наглядный пример с реализацией международных экономических санкций в 2014–2015 гг.

Так, применение секторальных ограничений со стороны зарубежных стран привели к краткосрочному коллапсу банковских операций в отдельных финансовых институтах Российской Федерации. Среди пострадавших организаций оказались и крупные банки, обслуживающие государственные интересы в области промышленности – банк «Россия», «СМП Банк», а также их дочерние и партнёрские финансовые компании [3]. Санкционное воздействие выразилось в отключении данных субъектов от международных платёжных систем Visa и MasterCard, в связи с чем клиенты этих банков имели значительные проблемы с осуществлением переводов и расчётными операциями [10, с. 130]. Примечательно, что сбоя не наблюдалось во внутринациональных платежах, а наибольший ущерб составили заграничные транзакции [2, с. 10].

Тем не менее, за сравнительно короткий срок (в июле 2014 г.) был реализован закон о создании национальной платёжной системы, принятый ещё в 2011 г. [15]. В частности, поправки в данный нормативно-правовой акт, внесённые в октябре 2014 г., обязали совершать все финансовые переводы, внутринациональные и международные, через специальный центр по платёжным и клиринговым операциям [14]. В течение 2015 г. между данным центром и международными платёжными системами были заключены и частично реализованы соглашения в области обеспечения финансовых платежей при помощи новой национальной системы.

Проиллюстрированный пример демонстрирует реализацию конституционного принципа свободного перемещения финансов и капиталов в его широком содержании. Учитывая то обстоятельство, что во внутренних платежах существенных проблем в период обострения отношений Российской Федерации с США и Европейским союзом не возникало, следует признать, что действие рассматриваемого принципа в большей мере было направлено в 2014–2015 гг. на международные обязательства. И такая политическая позиция обоснована тем фактом, что вне зависимости от направления движения капиталов отправной точкой всегда считается российская территория. Следовательно, и национальные платежи, и международные банковские транзакции подпадают

под действие соответствующих конституционных положений, гарантирующих от имени государства беспрепятственное перемещение финансов.

Напротив, бездействие российских властей на фоне подобных событий повлекло бы обоснованное ст. 8 Конституции право граждан и хозяйствующих субъектов на защиту свободы передвижения капиталов. При этом виновной стороной выступила бы Российская Федерация, а не страны, которые ввели экономические санкции, поскольку в конституционном плане именно наше государство возложило на себя обязанность обеспечивать реализацию заявленных гарантий.

Особенности смыслового выражения принципа свободного перемещения финансовых средств и капиталов предопределены его взаимодействием с другими конституционными положениями, направленными на обеспечение государственного строя и прав граждан. При этом на фоне общеконституционных принципов (таких, как принцип равноправия, приоритета прав человека, демократии и др.) рассматриваемая свобода всегда представляется специальной, более узкой по своей сущности, поскольку допускается её значительное ограничение в той мере, в которой это необходимо для охраны базовых государственно-правовых ценностей. Напротив, оснований для ограничения общих принципов Конституция Российской Федерации не предусматривает. В этой связи представляется целесообразным провести сравнительный анализ принципа свободного перемещения финансов и капиталов лишь со смежными специальными принципами, направленными на поддержание в России основ конституционной экономики.

В научной литературе отмечается, что принципы отечественного конституционного права, несмотря на своё многообразие, всегда должны рассматриваться в единстве и в качестве неотъемлемых фундаментальных правил, по которым происходит правовое регулирование отношений, затрагивающих конституционные основы Российского государства [1]. Вместе с тем отдельные исследователи полагают, что выделение какого-либо специфического содержания в принципе свободного обращения финансов и капиталов в настоящее время не имеет прагматического значения, и по данной причине рассматривают его как одну из составляющих принципа единства экономического пространства [6].

Действительно, в ст. 8 Конституции Российской Федерации, содержащей основы конституционной экономики, в качестве ключевых объявлены гарантии обеспечения единой в экономическом плане территории, свободного обращения финансов и капиталов, государственного поощрения конкуренции и свободного занятия экономической деятельностью. С точки зрения

юридической техники в данном перечислении наблюдается переход от общего к частному, в основе которого выдвинут тезис о том, что каждая последующая гарантия со стороны государства направлена прежде всего на достижение задачи поддержания единого экономического пространства [13].

Однако следует отметить, что общим знаменателем декларируемых в ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации государственных обязательств выступает не единство пространства, а сама национальная экономика. В частности, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что поддержка конкуренции позволит добиться единообразного экономического развития всех российских регионов. Как раз напротив, социалистический подход в прежних конституциях относительно монополизации ключевых экономических кластеров в стране позволял обеспечить большего консолидирующего в пространственном плане эффекта, чем тот, который можно наблюдать в настоящее время.

Равным образом некорректно ставить знак равенства между свободной экономической деятельностью и единым пространством по той причине, что касаются данные принципы совершенно двух разных интересов, реализуемых в их основе. Так, свобода экономической деятельности выступает частно-правовой категорией, а поддержание единства экономического пространства – публично-правовой областью. Но вместе они позволяют поддерживать российскую экономику на том уровне, который предписывают конституционные нормы.

Исходя из этого, принцип свободного перемещения финансов и капиталов также не может являться факультативным, второстепенным, «дочерним» по отношению к принципу единого экономического пространства. Их следует рассматривать как равнозначные и ценные в одинаковом объёме при осуществлении со стороны государства правового регулирования экономических отношений.

Выделение в конституционном праве более важных или менее значимых принципов малопродуктивно по причине совпадения их функционального предназначения. Как известно, принципы права представляют собой определённые законодателем рамки, которые всегда необходимо учитывать при воздействии на те или иные общественные отношения с регулирующим эффектом [4]. Подобным же образом совпадает и юридическое выражение принципов, и механизм их реализации, и последствия их нарушения. Игнорирование принципов конституционного права влечёт неизбежное нивелирование целей и задач данной отрасли. Следовательно, расположение в конституционных нормах определенных гарантий на первом или «втором» местах не означает придание им соответствующего значения.

Несмотря на расположение принципов единого экономического пространства и свободного перемещения финансов и капиталов в рамках одной статьи Конституции Российской Федерации, их смысловое содержание значительно различается. В таком подходе присутствует рациональное обоснование причинно-следственных связей между публично-правовой категорией «единое экономическое пространство» и частно-правовым институтом свободы перемещения финансов и капиталов. В первом случае речь идёт о принципе, который ориентирован, прежде всего, на государственную власть, на обеспечение конституционного строя, на поддержание общих стандартов в области регулирования экономических отношений. Во втором же случае говорится в большей степени о субъективной свободе.

Список литературы

1. Астафичев П.А. Баланс конкурирующих принципов, интересов и ценностей в конституционном праве России // Науч. ведомости Белгородск. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. – 2014. – № 30 (193). – С. 79–85.
2. Баграмян Т.С. Уязвимость российского банковского сектора к экономическим санкциям со стороны ЕС и США // Актуальные вопр. в науч. работе и образовательной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 10 т. – Тамбов, 2015. – С. 10–11.
3. Барковский А.Н., Алабян С.С., Морозенкова О.В. Последствия западных санкций и ответных санкций РФ // Рос. внешнеэкон. вестн. – 2015. – № 9. – С. 3–7.
4. Брызгунова Л.А., Живодрова Н.А. Понятие конституционных принципов экономической системы в советском государственном праве // Евразийский юрид. журн. – 2012. – № 8 (51). – С. 80–85.
5. Ефремов А.А. Свободное перемещение финансовых средств в системе конституционной экономики // Реформы и право. – 2009. – № 2. – С. 3–16.
6. Зернов И.В., Митрофанов А.В. Государственно-правовые гарантии и регламентация принципа единства экономического пространства // Вестн. Пензенск. гос. ун-та. – 2015. – № 2 (10). – С. 59–63.
7. Зернов И.В., Чеснокова Ю.В. К вопросу о реализации принципа единства экономического пространства Российской Федерации // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – 2015. – С. 52–55.
8. Ижаев О.А. Правовая природа социально-экономических прав человека и гражданина в Российской Федерации // Проблемы права. – 2015. – № 1 (49). – С. 31–35.
9. Карасева М.В. Финансовое правоотношение: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 1998. – 304 с.
10. Корнейчук Б. Локализация хозяйственных рисков, порожденных международными санкциями // Экон. политика. – 2014. – № 6. – С. 126–136.

11. Кузовкин Д.В. Обеспечение единства экономического пространства Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 199 с.
12. Лопотун Б.Н. Сущность и значение финансового контроля для обеспечения прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности правового государства // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 7 (127). – С. 88–100.
13. Мусалова З.М. Формирование единого экономического и правового пространства как основа единства Российской Федерации // Закон и право. – 2010. – № 9. – С. 14–16.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 22.10.2014 № 319-ФЗ // СЗ РФ. – 27.10.2014. – № 43. – Ст. 5803.
15. О национальной платежной системе: федер. закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // СЗ РФ. – 04.07.2011. – № 27. – Ст. 3872; 05.01.2015. – № 1 (ч. I). Ст. 14.
16. Оганесян С.М. Особенности конституционно-правового статуса человека и гражданина в России // Мир юрид. науки. – 2012. – № 5. – С. 29–32.
17. Осипов С.К. Государственно-правовые основы валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 193 с.
18. Селемен С.В. Содержание принципа свободного перемещения финансовых средств на территории РФ // Наука и мир. – 2014. – Т. 2. – № 5 (9). – С. 123–125.
19. Шевцов С.Г. Свобода и усмотрение в гражданском праве // Совр. право. – 2012. – № 4. – С. 77–80.
20. Day J. Insolvency and Corporate Restructuring // The In-House Lawyer. 2008. – Febr. – P. 73–75.
21. Jack Glen. International Comparison of Stock Trading Practices. Paper presented at the World Bank Conference on Stock Markets, Corporate Finance and Economic Growth, February 16. 17. 1995. P. 2 // Рот А., Захаров А., Златкис Б., Миркин Я., Борн Б., Бернанд Б., Баренбойм П., Хит А. Основы государственного регулирования финансового рынка: учеб. пособие для юрид. и экон. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – 216 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.724

А. Я. Горковенко

Юридические противоречия между уставом общества с ограниченной ответственностью и корпоративным договором

В статье рассматривается вопрос о снижении роли устава в обществе с ограниченной ответственностью в связи с имеющими место противоречиями между ним и условиями корпоративного договора. Несмотря на то, что условия устава должны выполняться всеми участниками общества, корпоративный договор может ему противоречить. Но так как устав не является законом, вопрос о недействительности корпоративного договора рассматривается по общим правилам недействительности сделок (ст. 168 ГК РФ).

The article deals with the issue of reducing the role of the charter of a limited liability company, in connection with possible contradictions him under a corporate contract. Despite the fact that the conditions of the charter must be carried by all members of the company, the corporate agreement may contradict him, because the statute is not the law, the question of the invalidity of the corporate contract is considered by the general rules of invalidity of transactions (Art. 168 of the Civil Code).

Ключевые слова: устав, корпоративный договор, закон, общество с ограниченной ответственностью, участник общества, недействительный договор, Гражданский кодекс Российской Федерации.

Key words: Charter, Corporate contract, Act, Limited Liability Company, Member of the society, Invalid contract, The Civil Code of the Russian Federation.

Увеличение объема производства, развитие частной собственности, наличие интересов субъектов гражданских правоотношений в извлечении прибыли ведет к открытию новых юридических лиц. Наиболее распространенной организационно-правовой формой юридических лиц в современной России являются общества с ограниченной ответственностью, учредительным документом которых является устав. В уставе определяются наименование общества, его местонахождение, размер уставного капитала, состав и

компетенция исполнительных органов, порядок принятия решений и иные сведения¹. Участники общества обязаны исполнять требования законодательства и обязанности, предусмотренные уставом. В противном случае они могут быть исключены в судебном порядке из общества².

В установленном законом и уставом порядке, участники общества вправе на внеочередном общем собрании внести изменения в устав. В частности, внести изменения в порядок проведения дальнейших собраний участников общества, в компетенцию исполнительных органов, возложить на всех или отдельно взятых участников дополнительные обязанности. Новые правила внесенные в устав станут обязательными для участников общества после регистрации изменений устава в государственном регистрационном органе. Для регистрации изменений устава требуется подача самого устава, оплата государственной пошлины, а также нотариально удостоверенного унифицированного заявления по форме 13001³.

Из изложенного следует, что 1) устав является локальным нормативным актом общества; 2) устав содержит в себе императивные начала обязательные для всех участников общества; 3) устав не может быть изменен в частных интересах, т. е. в интересах отдельно взятых участников или третьих лиц.

Логично было бы также сделать вывод, что нормы, закрепленные в уставе общества, обладают большей юридической силой по отношению к другим локальным источникам корпоративных отношений. Однако данный вывод некоторые юристы считают ошибочным, поскольку корпоративный договор, заключенный между участниками общества, в случае противоречия его условий уставу, подлежит исполнению надлежащим образом. Так, А.В. Асташкина пишет: «Корпоративный договор не должен содержать положения, противоречащие уставу хозяйственного общества. Однако возникновение таких противоречий не влечет недействительность данного договора, что снижает значение устава как учредительного документа⁴».

Возникшая коллизия между уставом и корпоративным договором объясняется тем, что, во-первых, законодатель умышленно указал в п. 7 ст. 67.2

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08 февр. 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

³ Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств: приказ ФНС России от 25 янв. 2012 г. № ММВ-7-6/25@ // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнительной власти. 2012. № 44.

⁴ Асташкина А.В. Особенности корпоративного договора // Юрист. 2015. № 9.

ГК РФ, что «Стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества», во-вторых, сложившаяся судебная практика верно указывает, что, поскольку устав не является законом, то противоречащие ему сделки не могут быть признаны недействительными⁵.

Поскольку корпоративный договор, несмотря на противоречие его положений условиям устава, является действительным, возникает вопрос, является ли корпоративный договор сделкой и должна ли его действительность определяться по нормам о недействительности сделок? Некоторыми юристами-теоретиками высказывается позиция, что исходя из анализа п. 2 ст. 67.2 ГК РФ и п. 3, п. 4 ст. 66.3 ГК РФ, корпоративный договор является ничем иным, как решением общего собрания участников. «Приведенная норма, – по мнению В.К. Андреева и В.А. Лаптева, – позволяет прийти к выводу, что корпоративный договор скорее решение собрания, чем договор, поскольку волеизъявление участников формируется не на взаимной, встречной основе. Вопрос о нарушении корпоративного договора, о его недействительности следует решать по нормам о недействительности решения собрания (ст. 181.3 ГК РФ), а не по правилам недействительности сделок⁶».

Если поддержать данную позицию, то возможно вновь восстановился бы юридический баланс между уставом общества и корпоративным договором. Устав вновь возымел бы свое значение для общества, свое однозначное юридическое превосходство над остальными локальными нормативными актами корпораций, в частности над корпоративным договором, который в свою очередь стал бы некоторым дополнением к уставу с обязательным не противоречием ему.

Согласиться с данной позицией не представляется возможным, так как в корпоративном договоре может быть предусмотрена лишь обязанность в дальнейшем голосовать определенным образом на общем собрании. При этом предусмотренная обязанность сама по себе не является решением общего собрания. Более того, корпоративный договор заключается в простой письменной форме, тогда как принятое общим собранием участников обще-

---

⁵ Поскольку устав общества не является законом или иным правовым актом, следовательно, сделки, совершенные с нарушением положений устава, не могут быть признаны недействительными на основании ст. 168 ГК РФ, в удовлетворении исковых требований отказано// Федеральный арбитражный суд Уральского округа. Постановление от 14 февр. 2007 г. Д. № Ф09-673/07-С4.

⁶ Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: моногр. М.: Проспект, 2015. С. 122.

ства с ограниченной ответственностью решение подтверждается путем нотариального удостоверения, если иное не предусмотрено уставом⁷.

К тому же применение к корпоративному договору норм о недействительности решения собрания весьма проблематично. Так, сложным представляется признать корпоративный договор недействительным, если он заключен при отсутствии необходимого кворума или по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания, либо допущено нарушение равенства прав участников собрания при его проведении⁸.

Таким образом, корпоративный договор является консенсуальной двусторонней или многосторонней сделкой, для заключения которой не требуется передача каких-либо документов, подтверждений в исполнение условий договора, а согласование существенных условий сторонами основано на доверии, т. е. никак не связано с решением общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью.

Сделка представляет собой осознанные, целенаправленные, волевые действия физических и юридических лиц, совершая которые, они стремятся к достижению определенных правовых последствий⁹. Несмотря на то что корпоративный договор является сделкой, осложненной корпоративным элементом, «вероятно, никто не будет спорить с признанием корпоративного договора разновидностью гражданско-правовой сделки, соглашения двух и более лиц, что предполагает применение к такому договору общих положений о договоре и (договорных) обязательствах¹⁰». Учитывая предмет корпоративного договора, правовые последствия его заключения лежат в сфере корпоративных отношений. При этом кредиторы общества и иные третьи лица могут заключить договор с участниками об осуществлении последними своих корпоративных прав определенным образом. К этому договору будут применяться такие же правила, как и к корпоративному договору, т. е. третьи лица могут заключить фактически корпоративный договор с участниками общества. Таким образом, корпоративный договор, имея корпоративный элемент, преследует цель удовлетворения частных, личных интересов, но не интересов корпорации, не интересов всех субъектов корпоративных правоотношений.

---

⁷ П. 3 ч. 3 ст. 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁸ Ст. 181.4, 181.5 ГК РФ.

⁹ Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть : учеб. для студ. вузов / Ем В.С. и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 439.

¹⁰ Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестн. Высш. арбитражного суда Российской Федерации. 2012. № 10. С. 22–29.

Поскольку договор об осуществлении корпоративных прав может быть заключен с третьими лицами, к нему применяются правила корпоративного договора, при этом возникает вопрос о точности самого термина «корпоративный договор». Некоторыми юристами также ставится под сомнение верность термина: «Представляется, что изолированное использование данного термина без дополнительного уточнения некорректно, поскольку корпоративным (иными словами, договором в отношении корпорации) может быть поименован и учредительный договор, и договор о создании общества. Более точным, по нашему мнению, было бы использование термина “договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ”, поскольку он четче отражает предмет данного договора – определение договором порядка осуществления корпоративных прав участников хозяйственных обществ¹¹». Данную позицию стоит признать верной по ряду причин:

1. все вышеприведенные дефиниции (учредительный договор, договор о создании общества, корпоративный договор) не имеют принципиальных отличий;

2. термин «договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ» более точно определяют суть этого документа;

3. поскольку законодатель определил, что к договору с участниками об осуществлении последними своих корпоративных прав с третьими лицами, применяются правила корпоративного договора, поэтому термин «договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ» шире термина «корпоративный договор»;

4. термин «договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ» «вбирает» в себя все остальные: корпоративный договор, учредительный договор, договор о создании общества, уставной договор и др.

При этом, вне зависимости от точности терминологии, корпоративный договор введенный в гражданское законодательство, не теряет своей значимости в корпоративных правоотношениях.

Заключение участниками между собой корпоративного договора может использоваться для упрощения процедуры внесения изменений в положения устава общества. Так, определенный уставом порядок отчуждения доли уставного капитала может быть фактически изменен в заключенном корпоративном договоре. Например, в уставе может быть закреплено преимущественное право участников общества на отчуждаемую долю третьим лицам.

---

¹¹ Корпоративное право: актуальные проблемы / под ред. Д.В. Ломакина. М.: Инфортропик Медиа, 2015. С. 93.

Для «обхода» проведения общего собрания участников общества, составления заявления и подачи документов в государственный регистрационный орган участники могут заключить корпоративный договор в простой письменной форме, в котором будет указано, что участники отказываются от преимущественного права на покупку доли. Такая возможность, еще раз уменьшает значение устава и подтверждает юридическое превосходство корпоративного договора над уставом общества.

Таким образом, юридическое превосходство корпоративного договора оставляет преимущество за уставом только в положениях устава, дублируемых из действующего законодательства, и в общих положениях о наименовании и местонахождении общества, размере его уставного капитала и в других общих положениях. При этом общие положения (наименование, местонахождения и т. п.) и информация об участниках, постоянно действующем исполнительном органе содержатся в ЕГРЮЛ¹². Следует отметить, что в выписке из ЕГРЮЛ содержится больше общей информации об организации, чем в уставе этой организации. В уставе, как правило, отсутствует информация о ее участниках, о единоличном исполнительном органе, отсутствуют номера ОГРН, ИНН, КПП. В то же время выписка из ЕГРЮЛ содержит эти общие сведения: указано кто является участником в обществе и какой размер доли принадлежит каждому, кто является постоянно действующим исполнительным органом (руководителем) в обществе, также другие общие сведения.

В такой ситуации можно сделать вывод, что устав общества теряет свои императивные начала и приобретает лишь информационный характер – с одной стороны, дублирует нормы права, с другой стороны, является своего рода дубликатом с меньшим количеством информации выписки из ЕГРЮЛ, в остальной же части он может быть нарушен или изменён путем заключения корпоративного договора.

При таком уменьшении значения роли устава в обществе можно было бы предположить, что устав общества следует полностью вывести из числа учредительных документов. Так, в 2009 г. законодатель вывел из перечня учредительных документов учредительный договор, что негативным образом на деятельности обществ с ограниченной ответственностью ни коем образом не сказалось. Однако такая же позиция с уставом все же неприемлема, так как

---

¹² Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по предоставлению сведений и документов, содержащихся в Едином государственном реестре юридических лиц и Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей: приказ Минфина России от 15 янв. 2015 г. № 5н (Зарегистрировано в Минюсте России 12 мая 2015 № 37242).

он утверждается при создании общества до момента, когда в ЕГРЮЛ появляется информация об обществе, т. е. является единственным локальным нормативным актом общества с информацией о нем. При этом корпоративный договор, по сути своей подменяющий устав, может просто отсутствовать в обществе, т. е. может быть заключен или не заключен, так как к нему применяются общие положения о договорах, что означает, в частности, наличие добровольного волеизъявления сторон на его заключение.

Устранение конкуренции между уставом и корпоративным договором, а также исключение возникновения прямых либо косвенных противоречий между ними, возможно путем применения одной из следующих правовых моделей:

1) оставить в уставе только информационный характер с изложением в нем общих положений, таких как наименование общества, местонахождение, размер уставного капитала, иные общие положения, при этом корпоративному договору придать характер детального регулятора корпоративных отношений, с подробным изложением порядка деятельности организации, прав и обязанностей участников и третьих лиц;

2) наделить участников общества либо третьих лиц правом на судебную защиту о признании корпоративного договора недействительным в случае нарушения их прав и противоречий положениям устава.

Таким образом, либо корпоративный договор должен стать своего рода конституцией в обществе с ограниченной ответственностью при уменьшении значения устава, либо устав сохраняет за собой прежнее назначение, а на корпоративный договор вводятся ограничения.

Обе приведенные модели могут быть полноценно реализованы только на законодательном уровне, путем внесения соответствующих поправок в гражданское законодательство, во всех остальных случаях юридические противоречия, юридическая конкуренция между уставом и корпоративным договором неизбежно сохранятся.

Список литературы

1. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: моногр. – М.: Проспект, 2015. – 122 с.
2. Асташкина А.В. Особенности корпоративного договора // Юрист. – 2015. – № 9.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гуцин В.В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право. – М.: Эксмо, 2006. – 458 с.

5. Еремичев И.А., Павлов Е.А. Корпоративное право. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – 438 с.
6. Корпоративное право: актуальные проблемы / под ред. Д.В. Ломакина. – М.: Инфортропик Медиа, 2015. – 256 с.
7. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования: моногр. / отв. ред. Е.Д. Тягай. – М.: Норма Инфра-М, 2014. – 143 с.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рос. юрид. образование. – 2010. – 381 с.
9. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.
10. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
11. Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств: приказ ФНС России от 25.01.2012 № ММВ-7-6/25@ // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнительной власти. – 2012. – № 44.
12. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью: информ. письмо Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 24.05.2012 № 151 // Вестн. Высш. арбитражного суда Российской Федерации. – 2012. – № 8. – Ст. 416.
13. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестн. Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2012. – № 10. – С. 22–29.
14. Чернышев Г. Особенности корпоративных споров в рамках процесса недружественного поглощения. – М.: Викор-медиа, 2007. – 107 с.

Основания самозащиты гражданских прав собственниками

В статье рассматриваются основные вопросы, касающиеся самозащиты гражданских прав, а также определяются пределы самозащиты и условия ее применения.

The article considers the main issues relating to self-defense of civil rights. And also determines the limits of self-defense and its conditions of use.

Ключевые слова: самозащита, управомоченное лицо, пределы самозащиты, соразмерность нарушения.

Key words: self-defense, authorized person, the limits of self-defense, proportionality of the violation.

Гражданское законодательство предоставляет управомоченным субъектам необходимую свободу поведения, которая обеспечивает определенную возможность защищать свои нарушенные права. Самозащита – способ защиты гражданских прав, т. е. реакция на противоправные действия другой стороны. Применение данного способа защиты должно освобождать от ответственности за причиненный вред лицу, нарушившему или нарушающему права и интересы защищаемого.

Статья 14 ГК РФ содержит требования, предъявляемые к правомерной самозащите, в частности это требование о соразмерности действий управомоченного лица действиям нарушителя и требование о недопустимости выхода управомоченного за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения.

Разъяснения прилагаемой нормы даются в комментариях к Гражданскому кодексу Российской Федерации, т. е. путем самозащиты лицо защищает свое право и интересы собственными действиями, не прибегая к помощи суда и иных органов.

Комментируемая статья допускает использование данного способа при наличии в совокупности трех условий: а) нарушения права или возможности (опасности) его нарушения; б) необходимости пресечения (предупреждения)

нарушения; в) применения мер, соответствующих характеру и содержанию правонарушения.

Этим условиям отвечает защита прав и интересов собственными силами при захвате имущества или иных противоправных действиях нарушителя. Действия обладателя права в защиту личных и имущественных прав не признаются противоправными, если они совершены в состоянии необходимой обороны. Иными словами, следует выделить три критерия, которые необходимо принимать во внимание при определении границ правомерной самозащиты.

Первый критерий связывает нас с оценкой действий правонарушителя, второй – с определением соотношения между благами, нарушенными и защищенными, третий направляет нас на оценку действий самого управомоченного лица. При этом первый и третий критерии основываются на требовании ст. 14 ГК РФ о недопустимости выхода за границы действий, необходимых для пресечения нарушения. Установление таких пределов (границ) достигается лишь на основе полной и всесторонней оценки как действий правонарушителя, так и самого управомоченного.

Содержание первого критерия состоит в оценке:

- способа, который применяется при нарушении права правонарушителем (например, нападение на личность или имущество управомоченного);
- характера действий правонарушителя (интенсивности, внезапности нападения, физических способностей нарушителя и т. д.).

Суть второго – в соотношении (оценке) защищенного и нарушенного блага. В соответствии с п. 2 ст. 14 ГК способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Превышение пределов необходимой обороны возможно в отношении выбора средств защиты, интенсивности обороны и ее своевременности. Превышение пределов необходимой обороны – это явное несоответствие средств защиты характеру и опасности нападения. Однако это несоответствие не следует понимать механически, нужно учитывать степень и характер опасности, силы и возможности обороняющегося, а также волнение, которое возникает у последнего в такой сложной обстановке.

Превышением пределов обороны может быть превышение интенсивности защиты над интенсивностью нападения, например излишняя поспешность или чрезмерная активность в применении оборонительных средств, когда речь идет об угрозе нападения. Несвоевременность использования оборонительных средств может быть связана не только с поспешностью, но и с их применением после того, как нападение закончилось и уже ничто не грозит обороняющемуся.

Правовыми последствиями действий в состоянии необходимой обороны с точки зрения гражданского права является то, что причиненный нападавшему вред не подлежит возмещению. Иначе решается этот вопрос при превышении пределов необходимой обороны, поскольку речь идет уже о неправомерных действиях, влекущих гражданско-правовую ответственность. Но и здесь учитывается посягательство потерпевшего на законные интересы оборонявшегося лица, хотя бы и превысившего пределы необходимой обороны.

Действительно, соразмерность применительно к предмету самозащиты означает причинение вреда менее значительного, нежели предотвращенного. Соразмерность материальных благ определяется путем соизмерения их стоимости. Другое дело, когда нужно соотнести значимость нематериальных и материальных благ. Нематериальные блага представляют собой, безусловно, большую ценность, по сравнению с материальными, поэтому при нанесении вреда жизни, здоровью человека при защите собственности мы можем увидеть превышение пределов самозащиты. В дальнейшем, уже в процессе рассмотрения дела в суде, учитываются и иные условия правомерности. На основании рассмотренных в совокупности условий правомерности выносится решение или об освобождении от ответственности, или о привлечении к ней.

Третий критерий выполняет общие функции осуществления гражданских прав в границах, определенных нормами права, и сочетает в себе как субъективные так и объективные моменты: с одной стороны его суть в недопущении злоупотребления правом, а с другой стороны – в соблюдении порядка (последовательности) защиты гражданских прав. Таким образом, выявляются самостоятельные условия, которые необходимо учитывать при определении правомерной самозащиты.

При определении правомерной самозащиты к условиям, закрепленным в ст. 14 ГК РФ (о соразмерности действий управомоченного действиям нарушителя и о недопустимости выхода управомоченного за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения), на наш взгляд, необходимо добавить еще два условия: о недопущении злоупотребления правом и о необходимости соблюдения порядка (последовательности) защиты гражданских прав.

Согласно п.10 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 25 самозащита также может заключаться в воздействии на имущество правонарушителя,

в том случае, если она обладает признаками необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ)¹.

По Уголовному кодексу (ст. 37) необходимая оборона – это защита личности и прав обороняющегося от общественно опасных посягательств. В соответствии со ст. 1066 ГК вред, причиненный при самозащите в состоянии необходимой обороны без превышения ее пределов, не подлежит возмещению.

Возможно применение мер самозащиты и в состоянии крайней необходимости, которую ст. 1067 ГК трактует как опасность, угрожающую самому обладателю прав или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами. Такие действия, как и действия в состоянии необходимой обороны, ГК РФ не признает противоправными. Однако если в состоянии крайней необходимости причинен вред, то он, как правило, подлежит возмещению. Самозащитой действия в состоянии крайней необходимости могут признаваться, если ценность защищенных прав превышает причиненный вред. Например, огнестрельное ранение грабителя фруктов в саду едва ли может рассматриваться как действие, соразмерное нарушению.

Судебная практика не признает самозащиту правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный. Выход субъекта за пределы субъективного права при его осуществлении приводит к возложению на него ответственности, в общем виде это отказ в защите принадлежащих субъекту гражданских прав (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Все вышеизложенное позволяет нам обозначить специальные положения, касающиеся непосредственно злоупотребления правом, как условия применения правомерной самозащиты.

Во-первых, самозащита в некоторых случаях сопровождается причинением правонарушителю вреда. Такая самозащита не является злоупотреблением права при условии соблюдения некоторых ограничений. В литературе приводится пример, когда собственник в целях охраны своего владения огородил его колючей проволокой, пропустив через ограду электрический ток. По мнению В. П. Грибанова, «очевидно, что принятие таких мер “охраны” своего имущества преследует не только цели его охраны, но и имеет задачей причинение вреда, причем не только правонарушителю, но и любому другому лицу или животному, которое прикоснется к такого рода ограде. Не гарантирован от такого последствия и сам собственник» [2, с. 33]. Г. А. Свердлык и Э. Л. Страунинг попыта-

---

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 п.10.

лись определить такие границы, используя следующую конструкцию: не нарушены пределы самозащиты, если «применяемое при самостоятельной защите имущества техническое приспособление не предназначено для причинения вреда или заведомо не создает серьезного риска причинения смерти или тяжкого телесного повреждения. Применение технического приспособления должно быть признано правомерным, если его обычно применяют для такой цели или управомоченным лицом приняты разумные меры предосторожности к тому, чтобы поставить вероятных нарушителей в известность о возможности применения технического средства» [6, с. 40].

Рассмотрев конструкцию, предложенную авторами, можно сказать, что осуществление самозащиты, сопряженное с причинением вреда нарушителю, возможно и не будет злоупотреблением правом при следующих условиях:

а) такое средство обычно применяется для охраны от неправомерного посягательства на собственность (имущество) управомоченного;

б) управомоченным лицом приняты меры предосторожности при возможном применении названных средств в случае неправомерного посягательства.

Во-вторых, неправомерная самозащита (при несоблюдении условий о недопущении злоупотребления правом) имеет место только при умысле управомоченного. В-третьих, превышение пределов правомерной самозащиты при злоупотреблении правом ведет к отказу в защите принадлежащих управомоченному прав – общая санкция, которая в каждом конкретном случае имеет особый порядок реализации.

Следующее условие – условие о соблюдении порядка (последовательности) защиты гражданских прав. В п. 10 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 25 говорится о том, что возможность самозащиты не исключает права такого лица воспользоваться иными способами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, в том числе в судебном порядке, т. е. это защита нарушенных прав с помощью признания права; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным решения собрания; признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда; прекращения или изменения правоотношения; неприменения судом акта государственного ор-

гана или органа местного самоуправления, противоречащего закону; иными способами, предусмотренными законом².

Получается, что существует два возможных варианта действий, который собственник вправе предпринять. Первый – приоритет (первенство) судебной защиты. Применение исключительного порядка защиты (чьё содержание охватывается лишь случаями необходимой обороны и крайней необходимости) возможно только в силу сложившихся «особых условий», когда обращение в юрисдикционный орган не представляется возможным. И второй – приоритет в применении «самостоятельных действий управомоченным лицом». Управомоченное лицо, не имеющее возможности осуществить «право своей властью», использует для защиты иные, предусмотренные законом формы защиты.

Так какой вариант должен выбрать собственник, защищая свое нарушенное право?

Прежде всего, ответ на поставленный вопрос необходимо искать на теоретическом уровне, в самой сущности метода гражданско-правового регулирования. Именно поэтому выбор способа защиты всегда лежит на управомоченной стороне. И это общее правило устанавливает порядок (последовательность) защиты гражданских прав. Однако для осуществления этого правила применительно к самозащите необходимо наличие ряда оснований.

Первое основание. Для применения самозащиты нарушенных прав, как уже говорилось ранее, необходимо учитывать некоторые условия. Остановимся на более подробном их рассмотрении. Значение первого условия состоит в допустимом применении самозащиты, иными словами, когда возможность применения самозащиты прямо предусмотрена в законе или в договоре. Это подтверждается и некоторыми современными авторами. Так, Л. А. Обушенко пишет: «Отсутствие исчерпывающего перечня способов самозащиты гражданских прав... создает почву для произвольного отнесения к упомянутым способам тех или иных действий. А такой подход не соответствует установке Гражданского кодекса РФ: согласно ст. 12, защищать субъективное гражданское право можно только способами, предусмотренными законом» [5, с. 33].

Нетрудно заметить, что такое условие устанавливает определенные ограничения в применении самостоятельных действий, основанием которых не являются ни закон, ни договор, получается – они неправомерны.

---

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 ...

В таком случае число предусмотренных законом случаев применения самозащиты существенно сужается. Особенно это проявляется при отграничении действий фактического порядка: в законе предусмотрено лишь несколько из них, в частности, случаи применения необходимой обороны и причинения вреда в состоянии крайней необходимости, действия лица в чужом интересе без поручения, случаи применения удержания вещи кредитором (которые могут быть дозволены и ограничены и договором – п. 3 ст. 359 ГК РФ), снос самовольной постройки (ст. 222 ГК РФ) и некоторые другие. Возможность применения действий юридического порядка может быть дозволена (и ограничена) договором (например, на это указывает ст. 310 ГК РФ – в отношениях между предпринимателями).

Второе условие заключается в необходимом применении самостоятельных действий, когда такое неприменение (промедление) затрагивает существенные права стороны. Иная интерпретация обозначенного условия: применение самозащиты направлено на исключение убытков, которые могут возникнуть в случае ее неприменения.

Третье условие говорит об одностороннем характере самостоятельных действий, когда для их применения не требуется принуждения.

Второе основание для применения общего правила о порядке (последовательности) защиты заключается в следующем: самозащита осуществима по усмотрению управомоченной стороны, если иной порядок защиты гражданских прав не предусмотрен законом.

В современной литературе приводится пример, когда гражданка обратилась в прокуратуру с жалобой на якобы самоуправные действия, выразившиеся в ее принудительном выселении из квартиры. При проверке оказалось, что имелось вступившее в законную силу решение суда по гражданскому делу о выселении заявительницы из квартиры, которое она не спешила исполнить. Тогда истица в отсутствие ответчицы вынесла ее вещи в безопасное место. При этом какого-либо имущественного ущерба причинено не было. Действия истицы, отчаявшейся в ожидании исполнения судебного решения, признаны прокуратурой правомерными в соответствии с требованиями ст. 14 ГК РФ.

Относительно данного случая, закон обязывает проводить выселение только при определенных условиях. Выселение состоит из освобождения помещения, указанного в исполнительном документе, от выселяемого, его имущества, домашних животных и запрещения выселяемому пользоваться данным помещением. Выселение производится в присутствии понятых, в необходимых случаях – при содействии органов внутренних дел с обязательной описью имущества, производимой судебным приставом. А последний случай

применим только на основании судебного решения принудительно судебным приставом-исполнителем в процессе исполнительного производства.

Последствием несоблюдения условия о порядке защиты гражданских прав является привлечение к уголовной (в случае причинения существенного вреда) или административной (при непричинении существенного вреда). Даже свидетельство полного непричинения вреда, а значит неприменение уголовной или административной ответственности, не дает нам повода утверждать о применении таких действий в рамках самозащиты.

Третье основание. Выбор самозащиты управомоченным лицом возможен в случаях, когда не требуется объективной и независимой оценки его действий юрисдикционным органом (в целях охраны прав обязанной стороны – правонарушителя).

Из проведенного анализа пределов самозащиты следует вывод: возможность применения самозащиты должна быть четко ограничена условиями, при которых самозащита становится правомерной. Однако ни ст. 14 ГК РФ (в действующей редакции), ни Постановление Пленума Верховного суда РФ № 25 не способны точно разъяснить определение правомерности самозащиты и отграничить ее в некоторых случаях от противозаконных действий. Условия, предусмотренные в ст. 14 ГК РФ, ориентированы прежде всего на определение правомерности действий в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости и не могут в полной мере обозначить границы правомерности для иных действий (как фактических, так и юридических). И только на основе накопленного теоретического материала можно точно определить условия правомерности всех (применимых на практике) способов самозащиты и отграничить их от противозаконных действий.

Подводя итог, можно сказать, что результаты исследования привели нас к следующим выводам. Самозащита, в нашем понимании, представляет собой совокупность предусмотренных законом или договором односторонних и самостоятельных действий юридического и фактического порядка, направленных на защиту нарушенных прав управомоченного лица в установленных законом или договором пределах.

Что касается основных условий правомерности (обозначенных нами выше), то полагаем, что в силу существования специальных норм, регулирующих применение санкций, действий в состоянии крайней необходимости, необходимой обороны и иных способов самозащиты, общая норма о самозащите должна указывать на закон. В специальных нормах должны быть закреплены конкретные условия применения того или иного способа

самозащиты. Основные условия правомерности могут быть отражены в разъясняющем постановлении высшей судебной инстанции.

Список литературы

1. Гонгало Б. М. Обеспечение исполнения обязательств. – М.: Спарк, 1999.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М.: Статут, 2000.
3. Максимов В.А. Публичное обещание награды в деятельности полиции // Роль гражданского законодательства в обеспечении основных направлений деятельности МВД России: сб. ст. вузовской науч.-практ. конф. (26 дек. 2014 г.) – СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2015. – С. 42–48.
4. Максимов В.А., Матросов А.А., Шелайкин Р.С. Гражданско-правовые средства стимулирования поведения граждан и сотрудников ОВД в борьбе с преступностью: сб. науч. ст. и докл. по результатам междунар. науч.-практ. конф. Калифорнии, США «Научный поиск в современном мире: теоретические основы и инновационный подход» при поддержке V&M Publishing. – Калифорния, США. 20 апр. 2015 г. – С. 103–110.
5. Обушенко Л. А. Самозащита как форма защиты права частной собственности. – М.: Статут, 2000.
6. Свердлык Г. А., Страунинг Э. Л. Способы самозащиты гражданских прав и их классификация // Хоз-во и право. – 1999. – № 1.

**Технологическое присоединение к электрическим сетям:
выбор заявителем категории надежности электроснабжения**

Процедура заключения и выполнения договора технологического присоединения, появившегося в законодательстве в ходе легально завершившейся в 2011 г. реформы электроэнергетической отрасли, требует исчерпывающего законодательного регулирования, устранения допущенных недостатков в целях минимизации злоупотреблений со стороны сетевых организаций.

The procedure of concluding and execution of grid connection agreements, which appeared in legislation as a result of the legally completed reform of the electricity sector in 2011, requires a comprehensive legislative regulation to eliminate the shortcomings in order to minimize potential abuse made by network organizations.

Ключевые слова: электроэнергетика, сетевые организации, технологическое присоединение, категории надежности энергопринимающих устройств.

Key words: power, network organizations, grid connection, the category of reliability of power devices.

Реформа электроэнергетической отрасли России ознаменовалась принятием Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [10] (далее – Закон об электроэнергетике), в котором впервые в отечественной истории развития электроэнергетики появилось понятие «технологическое присоединение». Физическое действие, производимое сетевой организацией на основании соответствующего договора, направленное на установление фактического контакта между энергопринимающими установками лица, намеренного получать электроэнергию, и электрическими сетями, становится тем условием, при наличии которого правоотношения с поставщиками электрической энергии «приходят в движение» [3, с. 27].

В советской модели электроснабжения, экстраполированной в конструкцию договора энергоснабжения, предусмотренную Гражданским кодексом РФ [2], отношения с энергоснабжающей организацией по присоединению к сети не выделялись в отдельную сделку. Электроснабжение

осуществлялось на основании единого договора на пользование электрической энергией, заключаемого между энергоснабжающей организацией и потребителем. Присоединение энергоустановок потребителей к сетям энергоснабжающей организации носило разрешительный характер и не требовало заключения отдельного договора. Резкое падение объемов инвестиций в электроэнергетику, вызванное экономическим кризисом, функциональное изнашивание основных фондов отрасли привели к быстрому снижению рентабельности работы существовавшей модели электроснабжения. В ходе последующей за перестройкой реформы электроэнергетики единая энергоснабжающая организация, предусмотренная гражданским законодательством, утратила свою актуальность в связи с превентивным разделением естественно-монопольных (передачи электроэнергии и оперативно-диспетчерского управления) и потенциально конкурентных секторов (производства и сбыта электрической энергии). На появившиеся сетевые организации, оказывающие услуги по передаче электрической энергии, предполагалось возложить обязанности по присоединению энергоустановок потребителей. Возникла ситуация, схожая с канадским опытом, где «электроэнергетический эксперимент» в провинции Онтарио был начат в 1992 г. и в 2002 г. завершен вследствие пятикратного увеличения цен на электроэнергию. Экономическая нецелесообразность подобного решения, способного повлечь за собой многократное увеличение тарифов на электрическую энергию, подтолкнула законодателя к введению нового института в деятельность сетевых организаций, в виде взимания платы за обеспечение доступа к электросети. С позиции РАО «ЕЭС России» новый способ финансирования капитальных вложений сетевых организаций должен был стать временной мерой по выходу из сложившейся кризисной ситуации. Вслед за законом об электроэнергетике Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 были утверждены «Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам к электрическим сетям» [9] (далее – Правила технологического присоединения). Период реформирования согласно Федеральному закону от 26 марта 2003 г. №36-ФЗ «Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период <...>» [6] предполагалось завершить к 1 января 2011 г. Однако фактически переходный период не был завершен, не были достигнуты основные цели проведенных реформ, деятельность сетевых организаций продолжает оставаться убыточной. Технологическое присоединение является основным

способом привлечения денежных средств в отраслевой сектор передачи электроэнергии. В то же время недостаточная законодательная регламентация порядка технологического присоединения при исполнении договоров провоцирует злоупотребления со стороны сетевых организаций.

Лицо, намеренное обеспечить доступ к электросети, направляет заявку в сетевую организацию с указанием характеристик присоединяемого оборудования и желаемых параметров электроснабжения. В договоре технологического присоединения, заключенном по итогам рассмотрения полученной заявки, отражаются конечные условия подлежащего производству сетевой организацией присоединения. Так, технологическое присоединение осуществляется по одной из трех категорий надежности энергопринимающих устройств, обуславливающих обязательства сетевой организации по поддержанию постоянного электроснабжения в отношении присоединенных объектов. Характеристики категорий надежности даны в Правилах устройства электроустановок, утвержденных приказом Министерства энергетики РФ от 8 июля 2002 г. № 204 [7] (далее – ПУЭ -7) до вступления в силу Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [5]. К первой категории надежности относятся энергопринимающие устройства, перерыв электроснабжения которых способен повлечь за собой угрозу жизни и здоровью людей, угрозу безопасности государства, значительный материальный ущерб. В данной категории выделяется особая группа электроприемников, бесперебойная работа которых необходима для безаварийных остановок производства с целью предотвращения угрозы жизни людей, взрывов и пожаров. Перерыв электроснабжения энергопринимающих устройств, отнесенных ко второй категории надежности, влечет за собой массовый брак продукции, простои, нарушение нормальной жизнедеятельности части населения. Электроснабжение установок, отнесенных к первой и второй категориям, по общему правилу должно происходить в постоянном режиме от двух независимых взаимно резервирующих источников питания. Технологическое присоединение по третьей категории надежности характеризуется наличием одного источника электроснабжения и производится в отношении всех энергопринимающих устройств, не отнесенных к первой или второй категории. Перерыв электроснабжения устройств, отнесенных к третьей категории надежности, необходимый для ремонта системы электроснабжения, допускается на срок до одних суток.

По смыслу положений Правил технологического присоединения, регулирующих порядок заключения договора, первоначальный выбор категории надежности энергопринимающих устройств производится заявителем само-

стоятельно, исходя из функциональной потребности энергообъекта в бесперебойном электропитании, и отражается в заявке на технологическое присоединение. Обязательства сетевой организации по установлению согласованной первой или второй категории надежности электроснабжения в отношении объектов заявителя требуют выполнения дополнительного комплекса мероприятий в рамках производимого технологического присоединения и указываются в заключаемом договоре. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что сетевые организации уклоняются от производства дополнительных мероприятий по договорам, в одностороннем порядке изменяют согласованные сторонами категории надежности электроснабжения. Так, ОАО «Центропттекстиль» (заявитель) обратилось с жалобой на нарушение ОАО «Ленэнерго» (сетевая организация) ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4], выразившемся в установлении в отношении энергопринимающих устройств заявителя категории надежности, не соответствующей условиям договора. Управление Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу решением от 19 июня 2013 г. №12/8683 [14] отказало в возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства в связи с отсутствием признаков нарушения. Заявитель не согласился с принятым решением и обратился в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением о признании указанного решения недействительным. Решением от 21 января 2014 г. по делу № А56-56623/2013 [13] в удовлетворении заявленных требований было отказано. Как следует из материалов дела и установлено судом, заявитель является собственником комплекса объектов недвижимости, в том числе семиэтажного складского здания. В договоре технологического присоединения с сетевой организацией была согласована вторая категория надежности электроснабжения энергопринимающих устройств заявителя. Сетевая организация выдала заявителю акт о технологическом присоединении, в котором в одностороннем порядке установило третью категорию надежности, сославшись на то, что электроснабжение объектов заявителя не соответствует второй категории надежности, согласно требованиям ПУЭ-7 не требует, по мнению сетевой организации, резервирующего источника питания. Заявитель посчитал, что изменение категории надежности нарушает его законные права и интересы и не может быть расценено как совершенное в допустимых пределах осуществления гражданских прав. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд постановлением от 29 мая 2014 г. [12], решение суда первой инстанции оставил без изменения, апелляционную жалобу заявителя без удовлетворения. Арбитражный суд Се-

веро-Западного округа постановлением от 19 сентября 2014 г. [11] отказал в удовлетворении требований заявителя, мотивировав отказ тем, что оборудование заявителя не соответствует требованиям о наличии двух независимых взаимно резервирующих источников питания, перерыв электроснабжения энергопринимающих устройств заявителя не приведет к массовому недоотпуску продукции, массовым простоям рабочих, механизмов и промышленного транспорта, нарушению нормальной деятельности значительного количества городских и сельских жителей, в связи с чем в отношении энергопринимающих устройств заявителя не может быть установлена вторая категория надежности электроснабжения. Доводы заявителя о возможности самостоятельного выбора категории надежности энергопринимающих устройств, по мнению судов, следуют из ошибочного толкования норм материального права.

Решения правоприменительных органов по рассмотренному спору основаны на характеристиках категорий надежности электроснабжения, приведенных в ПУЭ-7. Однако описание категорий не содержит конкретных показателей, являющихся основанием для отнесения энергопринимающих устройств к той или иной категории надежности, и не ограничивает права заявителя на ее установление по собственному усмотрению и, что немаловажно, за свой счет. Так, перерыв в электроснабжении энергопринимающих устройств первой категории способен повлечь за собой значительный материальный ущерб. Очевидно, что выражение причиненного ущерба имеет оценочный характер. Фактические обстоятельства в рассмотренном примере позволяют предположить, что суточный перерыв электроснабжения комплекса недвижимости может послужить причиной как массового брака производимой предприятием продукции, так и простоя деятельности организации, влекущего крупные убытки. Согласно Методическим указаниям по определению размера платы за технологическое присоединение к электрическим сетям [8] размер платы определяется с учетом запрашиваемой заявителем категории надежности электроснабжения. Согласованная сторонами третья категория надежности энергопринимающих устройств не увеличивает рассчитанный в общем порядке размер платы за технологическое присоединение. При выборе первой или второй категории надежности электроснабжения заявитель принимает на себя обязательства по оплате технологического присоединения по повышенной цене, рассчитанной в соответствии с отдельными формулами или тарифными ставками с учетом производимых сетевой организацией расходов по созданию дополнительных источников питания.

В соответствии со ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства. Одностороннее установление сетевой организацией третьей категории надежности электроприемников заявителей вопреки согласованным договорным условиям свидетельствует о нарушении принятых по договору обязательств и является основанием для применения мер ответственности к виновной стороне. Однако недостаточная законодательная конкретизация порядка заключения и выполнения договора технологического присоединения влечет за собой возникновение сложностей и допущение ошибок в правоприменительной деятельности.

Несмотря на легальное окончание периода реформирования электроэнергетической отрасли, установившаяся несовершенная структура правовых отношений субъектов электроэнергетики свидетельствует о необходимости действительного продолжения реформ. «Наличие в электроэнергетике современной нормативно-технической базы и механизмов ее постоянной актуализации является необходимым условием реализации курса на модернизацию и инновационное развитие отрасли» [1, с. 22]. Приведенный пример показывает, что право заявителя самостоятельно выбирать категорию надежности энергопринимающих устройств требует прямого законодательного закрепления в Правилах технологического присоединения в целях исключения злоупотреблений доминирующим положением хозяйствующим субъектом, обосновываемых документом описательного характера. Любой выявленный недостаток законодательной регламентации процесса технологического присоединения, влекущий за собой нарушение прав и законных интересов потребителей электроэнергии, должен быть устранен путем восполнения оставленного пробела.

Список литературы

1. Бондаренко А.Б. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере электроэнергетики // Правовой энергет. форум. – 2015. – № 2. – С. 18–23.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32.
3. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 182.
4. О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.).
5. О техническом регулировании: федер. закон от 27 дек. 2002 г. – № 184-ФЗ // Рос. газета. – 2002. – № 245.

6. Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов РФ в связи с принятием Федерального закона «Об электроэнергетике»: федер. закон от 26 марта 2003. № 36-ФЗ // Парламентская газ. – 2003. – № 58.

7. Об утверждении глав Правил устройства электроустановок: приказ Минэнерго РФ от 8 июля 2002 г. № 204 // Вестн. Госэнергонадзора. – 2002. – № 3.

8. Об утверждении Методических указаний по определению размера платы за технологическое присоединение к электрическим сетям: приказ ФСТ России от 11 сент. 2012 г. № 209-э/1 // Рос. газета. – 2012. – № 277.

9. Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 861 // Рос. газета. – 2005. – № 7.

10. Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003. – № 35-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 13.

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 сент. 2014 г. по делу № А56-56623/2013 [электрон. ресурс] // Консультант Плюс: справ.-правовая система (8 янв. 2016 г.).

12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2014 г. по делу № А56-56623/2013 [электрон. ресурс] // Консультант Плюс: справ.-правовая система (8 янв. 2016 г.).

13. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21 января 2014 г. по делу № А56-56623/2013 [электрон. ресурс] // Консультант Плюс: справ.-правовая система (8 янв. 2016 г.).

14. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу от 19 июня 2013 г. № 12/8683 [электрон. ресурс]. – URL: <http://solutiones.fas.gov.ru/>

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.976:343.341

И. Г. Гутиева

Взаимосвязь наркобизнеса и организованной преступности

В статье анализируется взаимосвязь и взаимодействие наркобизнеса с организованной преступностью, носящей международный характер, а также раскрываются основы противодействия наркопреступности в Российской Федерации.

In the article the interrelation and interaction of drug trafficking with the organized crime having the international character is analyzed and also bases of counteraction of narcocrime in the Russian Federation reveal.

Ключевые слова: наркопреступность, наркобизнес, организованная преступность, антинаркотическая политика, национальная безопасность.

Key words: narcocrime, drug trafficking, organized crime, anti-narcotic policy, national security.

Проблема наркомании была и остается одной из самых масштабных и планетарных проблем современного общества, которую по праву именуют «эпидемией» [4]. Она затрагивает не только интересы отдельного человека и гражданина, но и интересы всего общества и государства в целом. Проблема распространения наркотиков ведет к неизбежной моральной деградации общества, разрушению жизни самих людей, больных наркоманией и их близких, происходит гибель генофонда страны. Вместе с тем нельзя считать наркоманию проблемой одного конкретного государства, с каждым годом она приобретает все больше выраженный транснациональный характер.

Современная наркоситуация в стране и мире, характеризующаяся процессами глобализации незаконного распространения наркотиков, ухудшающимися основными показателями наркомании и наркотизма, связанных с ними преступности, иных девиаций, социальных болезней и т. д., представляет серьезную угрозу безопасности человека, общества и государства. Налицо глобальный характер наркоэкспансии, которая представляет реальную и всевозрастающую угрозу всей человеческой цивилизации.

Развитие наркоситуации в Российской Федерации в последние годы убедительно указывает на то, что наркобизнес продолжает занимать прочные позиции в сфере теневой экономики, оказывая разрушительное воздействие на социальные и нравственные устои общества. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ становится серьезным препятствием на пути прогрессивных процессов в сфере международной политики и торгово-экономических отношений мирового сообщества [2].

Реальностью сегодняшнего дня является тесная взаимосвязь наркобизнеса с организованной преступностью, что обусловлено высокой доходностью производства и распространения наркотиков и их прекурсоров в связи с отсутствием серьезной конкуренции на данном сегменте рынка. По оценкам специалистов, незаконный оборот наркотических средств позволяет при минимальных затратах получать прибыль, составляющую более 1000 %. В России деньги, полученные от наркобизнеса, наркогруппировки направляют: на организацию будущих операций наркобизнеса и приобретение недвижимого имущества; подкуп государственных служащих; в банковскую сферу; на приобретение оружия, боеприпасов; на организацию политических кампаний – выборов, референдумов – для лоббирования криминальных интересов; на создание подставных юридических лиц; для покупки драгоценностей и предметов роскоши, ценных бумаг.

Преступные организации, специализирующиеся на наркобизнесе, формируются, как правило, по национальному признаку и носят транснациональный характер, что выделяет наркопреступность в особый вид преступности, который наносит комплексный ущерб не только личности и отдельным государствам, а имеет выраженный глобальный характер, представляющий угрозу всему мировому сообществу.

Наркопроизводство стало транснациональной угрозой. В мире существует два глобальных центра производства наркотиков – Афганистан и государства Южной Америки (Колумбия, Перу, Боливия). Если в Афганистане сосредоточено 90–95 % всего мирового производства героина, то в Южной Америке локализовано производство 100 % кокаина в мире.

На сегодняшний день основной поток наркотиков идет в Российскую Федерацию из Средней Азии, что обусловлено недостаточностью усилий государственных властей Центрально-Азиатского региона в деле пресечения мощного потока опиатов из Афганистана. Существует ряд преступных группировок транснационального характера, которые обеспечивают не только транзит наркотиков через страны Центральной Азии, но и их сбыт в городах России. Так, например, в Новосибирске были задержаны пятеро уроженцев

Кыргызской Республики – участники преступной группы, организовавшие контрабандный канал сбыта высококонцентрированного героина из Средней Азии. Изъятые у них наркотическое средство находилось в заводских упаковках с клеймом и печатью одного из крупных афганских наркокартелей. Нелегальные рынки опиатов и кокаина, поступающие с указанных территорий, представляют одну из современных транснациональных угроз, связанных с наркопреступностью.

Вместе с тем случаи привлечения к ответственности иностранных граждан за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, достаточно редки, что позволяет признать успешной деятельность международных преступных групп на территории Российской Федерации, а также способствует дальнейшей интеграции транснациональных наркоорганизаций и их упрочнению на российской территории.

В настоящее время в Российской Федерации закон допускает депортацию, т. е. принудительную высылку иностранных граждан из России, за незаконный оборот, потребление, пропаганду наркотических средств, психотропных веществ (ст. 6.8, 6.9, 6.13 КоАП РФ). Вместе с тем нельзя не признать обоснованной позицию, согласно которой меры противодействия в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров на территории России, недостаточно эффективны [1].

К сожалению, в Российской Федерации существуют объективные причины для развития незаконного оборота наркотических средств. С одной стороны, контрабанда наркотиков осуществляется с целью их распространения на территории России, с другой стороны – территория России используется для транзита наркотиков в Европу, Северную Америку и некоторые государства Азиатско-Тихоокеанского региона.

В целях противодействия наркопреступности в Российской Федерации реализуется Стратегия государственной антинаркотической политики до 2020 г. [5], содержащая все необходимые предпосылки для разработки и реализации правовой модели антинаркотической деятельности, в соответствии с которой все мероприятия по противодействию наркопреступлениям, в том числе совершаемым транснациональными преступными организациями, включают в себя два важных и равных по значимости элемента [5]. Первый – сокращение спроса, второй – снижение предложения на немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ. Незаконный оборот наркотиков построен на законе рынка – «спрос рождает предложение». Чем больше изымается из незаконного оборота наркотиков при сохранении

спроса на них, тем выше их стоимость и тем еще более привлекательным становится регион для очередных наркопоставок. Как правило, наркосиндикаты легко и быстро восстанавливают свои ряды, в первую очередь за счет наркозависимых, которые вовлекают в потребление новичков и становятся очередными наркодилерами.

Деятельность транснациональных преступных группировок и организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров, официально признана угрозой национальной безопасности Российского государства. Наркобизнес наносит урон общественному порядку, экономической безопасности и порядку управления Российской Федерации. Следовательно, первоочередной задачей государства и его органов является выявление и ликвидация преступных группировок, специализирующихся на наркобизнесе, привлечение к ответственности производителей и распространителей наркотиков и их прекурсоров, а также проведение своевременной и действенной антинаркотической государственной политики.

Список литературы

1. Геляхова Л.А. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений // Теория и практика обществ. развития. – 2015. – № 19. – С. 92–93.
2. Гутиева И.Г. Пределы экстремизма и правовые основы противодействия его проявлениям // Теория и практика обществ. развития. – 2014. – № 17. – С. 73–74.
3. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 09 июня 2010 г. № 690 (ред. от 01 июля 2014 г.) // СЗ РФ. – 2010. – № 24. – Ст. 3015; 2014. – № 27. – Ст. 3754.
4. Романова Л., Ролик А. Приоритетные направления в профилактике распространения наркотиков // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 104.
5. Хатаева М.А. Развитие законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в России // Журн. рос. права. – 2010. – № 12. – С. 63.

Терроризм: понятие, причины и современные тенденции

В статье проводится анализ понятия «терроризм». Рассматриваются основные причины и условия данного феномена, а также основные направления по предупреждению терроризма на современном этапе.

The article analyzes the concept of terrorism. The main reasons and conditions of this phenomenon, as well as the main directions of improving the prevention of terrorism at the present stage.

Ключевые слова: терроризм, причины терроризма, противодействие терроризму, террористическая угроза, антитеррористическое законодательство.

Key words: terrorism, causes of terrorism, counter terrorism, terrorist threat, anti-terrorism legislation.

Проблема существования такого явления, «как терроризм» впервые стала предметом обсуждения ученых в мире более ста лет назад, на рубеже XIX и XX вв. Однако события последующих десятилетий отодвинули ее на второй план и лишь в конце двадцатого века данный вопрос вернул себе актуальность¹, став объектом пристального изучения и обсуждения не только специалистов и политиков, но и законодателя.

В настоящее время большинство специалистов приходят к пониманию, что борьба с терроризмом не может быть кратковременной кампанией и относиться к деятельности в отношении нее лишь отдельных государств. Являясь серьезной угрозой, терроризм требует принятия основательных мер, носящих комплексный характер и включающих в себя огромные человеческие и материальные ресурсы. Вместе с тем, несмотря на масштабность проблемы, сегодня существует немало вопросов, оказывающих значительное влияние на эффективность принимаемых мер со стороны как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. В этой связи предупредительная деятельность должна быть связана не только с конкретными мерами, направ-

---

© Младшев Б. Е., 2016

¹ В 2010 г. в России было совершено 581 преступление террористического характера, в 2011 – 622; в 2012 г. – 637; в 2013 г. – 661; в 2014 г. – 1128 преступления. Официальный сайт МВД России. <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>. Дата обращения 29.11.2015.

ленными на объект воздействия. Не менее важным представляется и выработка понятийного аппарата, который бы отражал все особенности явления, поскольку трудно бороться с тем, что нельзя определить и наделить конкретными постоянными признаками.

Так, можно свидетельствовать, что хотя в отечественном и международном законодательстве понятие «терроризм» получило свое законное закрепление, с учетом отсутствия более или менее четкого общепринятого определения терроризма процесс выработки его дефиниции вряд ли может быть признан окончательно решенным. Нечеткость границ и неопределенность в его понятии может иметь серьезные последствия при его рассмотрении в контексте процессов уголовного правосудия².

Объективной сложностью в выработке общего понятия и отличительных признаков является то, что терроризм предстает как сложное, многомерное явление. В этой связи отдельные государства указывали не только на сложность и в определенной степени невозможность выработки единого понятия, но и на нецелесообразность этого, что связывалось зачастую результатом с разной оценкой тех или иных проявлений насилия. По этой же причине формировалось и различное понимание национальной безопасности, выводя терроризм за рамки вопросов, требовавших немедленного решения.

В настоящее время можно констатировать, что на протяжении всего прошлого века наравне с историей динамичными были и явления, сопровождавшие ее, одним из которых был терроризм. За десятилетия он приобрел не только новые черты, но и качественные характеристики его субъектов и объектов, способствуя и изменению представления о нем. Так, например, к одной из отличительных черт терроризма XXI в. относится тенденция к переходу внутреннего терроризма в терроризм международный.

Сложность и многообразность форм, в которых предстает терроризм в современном мире, позволяет утверждать, что механизм защиты от него невозможно построить, не изучив его природы, генезиса. При этом, учитывая глубокую взаимосвязь и взаимообусловленность как терроризма внутригосударственного, так и международного, весь комплекс причин и условий, их порождающих, будет во многом общий.

К одной из основных причин, способствующей проявлению насилия, следует отнести особенность построения общества, состоящего из множества различных социальных групп. Неравномерное распределение возможностей,

---

² Доклад 5 Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1976. С. 35–36.

объема социальных благ, властных полномочий, богатства могут приводить к развитию социальных конфликтов между различными социальными группами. Поэтому достаточно часто социальные конфликты приобретают политический характер. Способ же для разрешения данных конфликтов может сопровождаться применением насилия, в том числе и террористического.

При этом следует учитывать, что насилие порождается не просто социальным неравенством, а серьезными изменениями в системе распределения, когда нарушается динамическое равновесие социальных групп. Иногда для применения насилия необязательно нужны изменения глобального, государственного масштаба, как то: изменение модели управления государством, смена политического режима. Достаточно ухудшить социальное положение одной из групп, например в результате финансового кризиса, с целью заставить изменяться саму социальную структуру. Чем сильнее будут изменения, тем с большей вероятностью конфликты, созданные ими, будут разрешаться путем насилия.

Другой разновидностью причин, способных дезорганизовать социальную систему общества и стать источником проявления в нем насилия, могут быть конфликты, возникающие на почве этногенеза. Причем чем более разнообразно с этнической, национальной точки зрения общество, тем более опасно для него негативное воздействие. Насилие, применяемое в конфликтах данного рода, носит зачастую террористический характер, хотя вполне может перерасти и в гражданскую войну.

Опасный потенциал родоплеменных, этнических различий, по мнению многих исследователей, заключается в особенностях идентификации групп на их основе.

Огромное значение эмоциональных, познавательных факторов в определении группы, сформированной по этническому признаку, только усилит возможность развития конфликтов на межэтнической основе, когда в результате усвоения отрицательных стереотипов формы восприятия будут трансформироваться из пассивной в активную, облачая себя в крайние формы проявления неприятия. В качестве усиливающих межэтнические конфликты можно выделить факторы экономической, политической идеологической дискриминации отдельных этносов.

Межэтнический конфликт может быть связан, по мнению некоторых исследователей, и с проблемой групповой легитимности – связи коллективного самосознания и идентичности этноса (нации) с фактом существования политического образования в форме сложившейся государственности.

Таким образом, огромное значение для идентификации этносов имеют духовно-нравственные, эмоционально-психологические основания, что позволило некоторым авторам сделать вывод о том, что материальные аспекты межнациональных конфликтов самостоятельной роли не играют.

Одной из главных причин возникновения и распространения именно террористического насилия, как справедливо отмечают многие авторы, является изменение господствующего в мире мировоззрения³.

Огромное количество военных действий, приведших к бесчисленным человеческим жертвам, способствовали тому, что большинство стран мира провозгласили первостепенной ценностью человеческую жизнь. Государство рассматривается как гарант прав личности. В этих условиях активизировались и получили актуальность экстремистские течения, серьезным образом дестабилизирующие обстановку в обществе, и его разобщение. Многократно увеличилась возможность и для совершения террористического акта, одной из главных целей которого является вызвать тревогу среди населения, чувство незащищенности, страха. Все это позволяет говорить о том, что по степени общественной опасности терроризм становится выше даже уголовной преступности, что позволяет не только диктовать условия в определенных ситуациях, но и добиваться от власти вынужденных уступок в отношении террористов.

Еще одна острая и конфликтогенная проблема глобализации состоит в формировании нового модернизационного мира, в рамках которого найдется место отнюдь не каждому, т. е. в фатальном неравенстве условий проживания и перспектив развития как в целом между различными регионами мира, так и между различными социальными группами в рамках одного государства. С приходом нового тысячелетия сокращения пропасти между бедными и богатыми странами не произошло, и вряд ли ее возможно будет сократить.

Еще сильнее фатальное неравенство осознается теми, кто оказался за бортом глобализации. Невозможность уйти от бедности, вырваться за пределы привычного мира, нищеты, подняться на более высокую социальную ступень, вызывает озлобленность, неприменение, недовольство, обиду. Тем более, что информационный поток современного мира строится исключительно на рекламе богатства и роскоши. Успешность стала синонимом современного мира. На этом фоне средства массовой информации сделали

---

³ *Антонян Ю.М.* Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 185.

неравенство в доходах и в уровне жизни еще более видимым, многократно увеличив число людей и стран, знающих об этом контрасте.

Это в свою очередь способствует приобретению терроризмом все более глобальных масштабов, иногда не соответствующих реальному положению дел. Приоритеты отбора новостей всегда склоняются в сторону совершенного террористического акта, так как общество в большей степени сегодня реагирует на информацию, которая способна произвести сенсацию, напугать. В этом направлении СМИ непреднамеренно выполняют роль пропагандиста, создавая предпосылки для роста волнений в обществе, нагнетания обстановки напряженности, а иногда и оказывают воздействие на лиц, ответственных за принятие решения во исполнение требований террористов.

Среди тенденций терроризма на современном этапе представляется возможным выделить следующие: развитие средств транспорта и международных сообщений, совершенствование информационных технологий, внутреннюю иерархию и децентрализацию многих террористических организаций, расширение террористическими организациями своего влияния за пределами одного государства. Таким образом, можно констатировать, что терроризм в традиционном его понимании при всей его общественной опасности не мог угрожать фундаментальным основам государства и общества, в то время как современный, основанный терроризм, использующий последние технологии, способен вызвать системный мировой кризис и прежде всего в странах с развитой информационной инфраструктурой.

Ситуация осложняется еще и тем, что происходит сращивание политического и «уголовного» терроризма на фоне слияния и сотрудничества нелегальных и легальных структур экстремистского толка с националистическими, религиозно-сектантскими, фундаменталистскими и другими сообществами на основе взаимовыгодных интересов. Многие террористические организации помимо основной деятельности практикуют формы криминальной деятельности. Прежде всего речь идет о захвате заложников, но есть факты и откровенного грабежа, мошенничества, фальшивомонетничества, иных тяжких преступлений.

Еще одной особенностью современного терроризма, безусловно, осложняющей борьбу с этим явлением и увеличивающей его общественную опасность, является связь терроризма и организованной преступности. Несмотря на то что средства и цели преступных и террористических организаций совершенно различны, еще в конце прошлого века было отмечено движение в направлении слияния, которое к настоящему времени стало практически необратимым.

Таким образом, одна из современных тенденций развития терроризма в этой области заключается в том, что политические, религиозные, сепаратистские и иные террористические организации все чаще прибегают к криминальной деятельности насильственного и террористического характера. Результаты данной деятельности с успехом используются самими организованными группировками как при решении вопросов политического характера, так и для достижения также корыстных целей. Усиление слияния указанных двух направлений позволяет предположить, что в будущем эта тенденция в развитии терроризма только усилится.

Эти и другие особенности современного терроризма свидетельствуют о возрастающих масштабах и степени социальной опасности этого явления.

Как показывает практика, государство и его структуры зачастую оказываются беспомощными перед неожиданными и безусловно организованными действиями террористов. Чтобы избежать более опасных последствий, которыми грозят террористы, государствам зачастую приходится идти на переговоры с преступниками и выполнять хотя бы часть их требований, а это уже опасный прецедент – преступник добился цели и остался безнаказанным. Особенно опасна такая тенденция в рамках политического терроризма⁴, поскольку требования, выдвигаемые террористами, носят политический характер. Известны случаи, когда после долгих лет противостояния ряду националистических террористических организаций удалось добиться удовлетворения части своих требований.

Все это позволило некоторым авторам утверждать, что терроризм превратился в одну из активнейших ветвей международной политики. Однако согласиться с этим сложно, поскольку даже в тех случаях, когда лидеры террористических организаций становятся президентами или премьер-министрами своих стран, они прежде всего отказываются от террористического насилия и принимают политические правила игры, принятые на международной арене, поскольку в противном случае страна рискует остаться в изоляции от других стран со всеми исходящими отсюда последствиями.

Здесь не следует забывать, что особенность террористической деятельности – абсолютная убежденность ее участников в непреодолимой возможности достижения своей цели в будущем, поэтому любая уступка или иной более или менее значимый результат террористической деятельности воспринимается как лишнее подтверждение этой идеи.

---

⁴ *Боташева А.К.* Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегия противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 13–16.

Террористические акты, совершенные в странах Европы и в России в последние годы позволяют говорить о том, что у человечества на данном этапе еще слабое представление, с какими формами и проявлениями террористической деятельности ему придется столкнуться в будущем. Эффективного механизма, способного противостоять данному явлению, еще нет, а исследования в данной области не соответствуют социальной реальности и будучи политически мотивированными, не всегда носят объективный характер.

Для того чтобы одолеть терроризм, в настоящее время мало просто бороться с его непосредственными проявлениями – необходимо нейтрализовать главные причины, которые содействуют его возникновению и созреванию. Наибольших результатов терроризм может достигать только при поддержке определенных сил на международной арене и общественного мнения внутри страны, что иногда имеет место быть при попытке решения с его помощью различных внутри и внешнеполитических проблем.

Таким образом, можно заключить, что терроризм остается актуальной проблемой современности, требующей серьезного внимания. Чтобы эффективно бороться с международным терроризмом, необходимо знать его истоки, причины возникновения и возможные последствия.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 1998.
2. Боташева А.К. Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегия противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
3. Доклад V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. – Нью-Йорк, 1976. – С. 35–36.

Криминологические аспекты преступности мигрантов в России в условиях глобализации

В статье проводится криминологический анализ особенностей миграционной преступности в России на современном этапе развития страны с учетом глобализационных процессов в различных сферах жизнедеятельности общества и государства.

The article presents a criminological analysis of the characteristics of the migration of crime in Russia at the present stage of development of the country, taking into account globalization processes in various spheres of life of society and the state.

Ключевые слова: миграционная преступность, нелегальная миграция, криминальная миграция, преступность иностранных граждан, миграционная политика.

Key words: immigration crime, illegal migration, criminal migration, criminality of foreign nationals migration policy.

Одной из проблем, с которой столкнулась Россия в конце двадцатого – начале двадцать первого века стала ситуация, связанная с существенным сокращением численности населения.¹ Среди основных причин особо следует отметить рост смертности² и снижение рождаемости, которые происходили на фоне обострения глобальных геополитических противоречий. В условиях тотальных изменений в политической, социально-экономической, правовой, демографической и иных сферах формировалась и современная миграционная ситуация в России.

Кардинальные изменения существенно модифицировали не только условия жизни людей, а также различные общественные институты, но и коренным образом повлияли на рынок труда, способствуя формированию миграционных потоков с новыми качественными характеристиками. В немалой

© Чех А. О., 2016

¹ Численность населения страны по сост. на 1 янв. 1992 г. составляла 148,5 млн чел., по сост. на 1 янв. 2000 г. – 146,9 млн чел. Сокращение за 1992–2000 гг. составило 1,6 млн чел. По сост. на 1 янв. 2010 г. численность населения России – 141,9 млн чел. Сокращение численности населения в 2000–2010 гг. составило 5 млн чел.! <http://www.gosbook.ru/node/50427> дата обр. 21.11.2015.

² По уровню смертности на 1000 человек населения Россия в июле 2009 г. находилась на 12-м месте с конца в глобальном рейтинге. Там же.

степени этому способствовал тот факт, что Российская Федерация, имеет границы с 16 сопредельными государствами, общая протяженность которых составляет более 60 тыс. км, где надлежащий контроль на некоторых участках долгое время практически отсутствовал. Таким образом, прозрачность границ в совокупности с отсутствием четкого правового механизма, несовершенство нормативно-правового регулирования вопросов пребывания на территории Российской Федерации создали благоприятные условия для неконтролируемого процесса, связанного с вновь приехавшими лицами.

Начавшись в девяностые годы к середине двухтысячных ситуация приобрела статус проблемной и сегодня относится к числу одной из основных в рамках определения стратегии развития общества и национальной безопасности. Глобализационные процессы последних лет, связанные с активным вовлечением в мировой хозяйственный и, как следствие, миграционный оборот, увеличение народонаселения стран Азии, с одной стороны, в совокупности с высоким уровнем бедности большинства стран СНГ, с другой, способствовали увеличению экономической привлекательности Российской Федерации³. Основным последствием стало увеличение миграционной нагрузки, которую в первую очередь получили густонаселенные районы страны с высоким уровнем социально-экономического развития, что одновременно стало одной из главных причин увеличения криминогенности данных регионов и роста отдельных видов преступлений, совершаемых выходцами из других стран. В результате сложилась ситуация, когда на территории страны незаконно находятся несколько сот тысяч человек, причем основную их массу составляют нелегальные иммигранты, в значительной своей части нарушающие законодательство Российской Федерации. Нередко данные лица совершают и преступления уголовного характера различной степени тяжести.

Одной из отличительных черт преступлений иностранных граждан в России является их пространственная распространенность. Максимальная концентрация этих преступлений приходится на долю наиболее развитых регионов: Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского и Сибирского, федеральных округов Российской Федерации, где, как было отмечено выше, в результате увеличения плотности миграционного потока на фоне общего роста криминальных проявлений также резко возросла преступность иностранных граждан. Среди новых направлений, куда в последние годы стала прибывать многочисленная армия иностранных граждан и лиц без

---

³ *Дамаскин О.В.* Национальная безопасность и миграционная политика // Миграционное право. 2007. № 3.

гражданства, можно выделить территорию Южного федерального округа, а в перспективе к таким регионам, с резким увеличением его привлекательности, как представляется, можно будет отнести и полуостров Крым.

В настоящее время статистические данные, отражающие сведения о преступности мигрантов, весьма противоречивы. По разным данным количество преступлений, совершаемых мигрантами, колеблется от 3–5 % до 10–12 % в общей структуре преступности. Вместе с тем следует отметить, что проведенные исследования и анализ документов в различных силовых ведомствах дают основание утверждать, что указанные данные не противоречат действительности. Такой разброс в статистических данных объясняется спецификой учитываемых преступлений как в структуре всей преступности, так и применительно к крупным городам, где уровень преступности с участием мигрантов существенно выше⁴.

Вместе с тем, не занижая актуальности данной проблемы, необходимо признать, что в структуре общей преступности преступления, совершенные лицами из других государств, имеют сравнительно небольшой удельный вес. Так, в последние годы существенно изменилась качественная сторона миграционной преступности, что связано с повышением общественной опасности указанных преступлений в результате увеличения числа тяжких и особо тяжких преступлений, среди которых наибольший прирост имеют такие виды, как кражи, мошенничество, грабежи, разбои, изнасилования, угон автотранспорта, хулиганство и др.⁵

В целом преступность мигрантов можно классифицировать как по масштабам и характеру, так и отталкиваясь от этих лиц гражданства – признака, который в статистической отчетности отражает страну из которой иностранцы мигрируют в Россию. В настоящее время миграционную преступность принято рассматривать в рамках двух основных миграционных потоков, идущих в Россию.

Наименьшее влияние на криминальную обстановку страны оказывают мигранты из Монголии, Китая, Кореи, Вьетнама, а также приехавшие из аф-

---

⁴ Данный факт подтверждается анализом фактов нераскрытых преступлений, таких как изнасилования, грабежи и разбойные нападения на несовершеннолетних. Потерпевшие более чем в 70 % случаев в качестве примет преступников указывают кавказскую или азиатскую внешность. Таким образом, реальный уровень преступлений, совершенных мигрантами, может достигать 60–70 %. См.: Выступление руководителя Главного следственного управления СК России по Москве В. Яковенко, на коллегии ГСУ, посвящ. итогам работы в 2013 г. URL:<http://vz.ru/news/2014/1/29/670160.html>.

⁵ *Кобец П.Н.* Борьба с преступностью иностранных граждан и лиц без гражданства: опыт и проблемы: моногр. М., 2002. С. 28.

риканских государств и стран Европы. В структуре преступности мигрантов на них приходится не более 5 % от всех совершенных преступлений. Совсем иная картина применительно к гражданам, приехавшим в Россию из стран бывшего Союза и являющимся государствами-донорами миграции. На граждан государств ближнего зарубежья приходится практически 95 % всех раскрытых преступлений, субъектами которых являются иностранцы, в том числе 0,3 % – граждане государств Балтии⁶.

Преобладание преступлений, совершенных гражданами государств, образовавшихся в связи с распадом Советского Союза, указывает на тесную связь преступности иностранцев с трудовой миграцией из этих стран, притом не вообще с трудовой миграцией, а с незаконной трудовой миграцией. На 90 % преступность граждан государств ближнего зарубежья представлена незаконными трудовыми мигрантами или потерявшими работу лицами⁷. Более половины всех преступлений совершаются группами лиц как единого этнического сообщества, так и межнациональными группировками. Лидерство преступлений, совершенных в группе, стабильно держат грузины (19,4), за ними следуют армяне (7,7) и азербайджанцы (1,6)⁸.

Возрастание уровня криминальной активности мигрантов вызывает широкий общественный резонанс, провоцирует разжигание ксенофобии, ненависти по признакам расы, национальности и вероисповедания, как следствие, в последнее время отмечается увеличение количества преступлений экстремистского характера, что не может не вызывать серьезную обеспокоенность⁹. Как свидетельствует официальная статистика, в 2012 г. было возбуждено 260 уголовных дел по ст. 280, 282–282.2 УК. В 2013 г. таких уголовных дел было возбуждено уже 402, что почти на 40 % больше чем в предыдущий год. Аналогичным образом обстояло дело и с подозреваемыми лицами по таким уголовным делам. Так, если в 2012 г. из 325 фигурантов по экстремистским статьям были осуждены 208 чел., то в 2013 г. из 454 чел. осуждено – 309. В 2014 г. было совершено 1034 преступления экстремистской направленности¹⁰.

---

⁶ Чирков Д.К., Литвинов А.А., Антонов-Романовский Г.В. Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации. // *Вопр. безопасности*. № 3. 2013. С. 188–190.

⁷ Там же. С. 191, 192.

⁸ Кобец П.Н. Указ. соч. С. 58.

⁹ Официальный сайт ВС РФ. URL:<http://supcourt.ru> (дата обр. 20.11.2015).

¹⁰ Официальный сайт МВД России. URL:<https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обр. 22.11.2015).

Обратная сторона данного процесса – рост преступлений, совершенных в отношении самих мигрантов, в особенности со стороны несовершеннолетних и молодежи. Наибольшее число таких проявлений отмечено в Москве, Санкт-Петербурге, а также Московской области, что, на наш взгляд, является результатом все увеличивающейся националистической пропаганды в среде несовершеннолетних. Как следствие, большинство экстремистских преступлений совершено именно несовершеннолетними¹¹.

К основным причинам криминализации приезжих следует отнести тот факт, что большинство иностранных граждан очень быстро лишаются мест работы и проживания и, оставшись без средств к существованию, идут на тяжкие преступления. В особенности это проявляется в крупных городах, где и очень много приезжих, и уровень жизни весьма высокий, что осложняет решение вопросов с трудоустройством и получением «квалифицированной» работы. Также существенное значение играет ряд субъективных факторов, связанных в основном с тем, что значительную долю преступлений совершают иностранные граждане, наиболее социально дезадаптированные в новых для себя условиях проживания и работы.

К фактору, способствующему широкомасштабной вынужденной миграции с дальнейшей криминализацией приезжающих, следует отнести и резкое обострение межнациональных отношений в середине девяностых и двухтысячных годов. Последствия криминализации мигрантов влекут за собой ряд явлений, объективно затрудняющих работу органов внутренних дел по предупреждению, раскрытию и профилактике преступлений и защите граждан.

На обострение криминогенной ситуации, безусловно, влияет и отсутствие четкой системы учета и регистрации иностранных граждан, в том числе и граждан СНГ, въехавших на территорию Российской Федерации, а также недостаточный контроль за передвижением этих лиц со стороны органов внутренних дел и миграционной службы.

Следует отметить и низкое количество выявленных преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции», что указывает на неэффективную деятельность правоохранительных органов Российской Федерации в рамках пресечения деятельности организованных преступных групп, занимающихся незаконным ввозом и легализацией иммигрантов, происходящей в условиях декларирования необходимости ужесто-

---

¹¹ *Бастрыкин А.* Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России // *Право и безопасность.* М., 2009. С. 14.

чения контроля в данном секторе со стороны государства. Как результат в стране действуют десятки структур, оказывающих незаконные, зачастую мошеннические посреднические услуги по легализации незаконно въехавших или пребывающих на российской территории иностранцев, в том числе и для совершения преступлений.

В этих условиях необходимо осознавать, что любая политика – это прежде всего определенные решения и способы их реализации в конкретной сфере жизнедеятельности общества. Это инструмент воздействия на различные социальные процессы, в число которых входит и миграция населения.

В этой связи политика в области миграции является системой установленных государственными структурами идей и концептуально объединенных средств, которые позволяют, прежде всего государству, а также другим общественным институтам, соблюдая определенные принципы, достигать поставленных целей. При этом данная политика не должна сводиться только к системе мер, регулирующих данный процесс. Она в первую очередь должна осуществляться в соответствии с теми принципами, которые составляют фундаментальные основы государства.

Также необходимо учитывать, что либеральными данные меры также не должны быть. Отсутствие жесткости в решении вопросов миграционных процессов может из весьма относительного блага превратиться в беду для Российской Федерации, подобно той, что начинают ощущать на себе страны ЕС и США.

Так, например, в результате проведенного опроса жителей Германии, проведенного в 2005 г. Университетом Бильфельда, выяснилось, что почти 70 % немцев испытывают дискомфорт от засилья их страны иностранцами, и почти каждый второй гражданин уверен, что для спасения экономики правительство должно начать выдворение избыточной рабочей силы из числа иммигрантов. Каждый третий признался, что чувствует себя иностранцем в собственной стране. В целом, по мнению социологов, уровень ксенофобии в немецком обществе только за пять лет с 2000 по 2005 гг. вырос почти на 20 %. Как следствие, в последнее время можно наблюдать, как активно ужесточают меры в отношении миграционной политики и другие страны Европы. Так, например, Италия, Испания, Франция, Австрия и Швейцария существенно усложнили процесс в части, касающейся выдачи шенгенских

виз, а также перекрытия нелегальных каналов переброски иммигрантов через границу¹².

Сегодня особенно актуальной представляется работа в данном направлении сегодня, на фоне обостряющихся межнациональных конфликтов, когда на первый план выходят вопросы политики. При этом не следует исключать опыт демократических стран, еще недавно так активно провозглашавших целесообразность либеральной иммиграционной политики, а сегодня также активно пытающихся, но уже практически безуспешно, предотвратить массовый наплыв иностранных переселенцев, не только размывающих социально-этнические основы государственности, но и угрожающих их политическому устройству и территориальной целостности.

Список литературы

1. Бастрыкин А. Противодействие преступности мигрантов – один из основных факторов укрепления безопасности России // Право и безопасность. – М., 2009.
2. Дамаскин О.В. Национальная безопасность и миграционная политика // Миграционное право. – 2007. – № 3.
3. Кобец П.Н. Борьба с преступностью иностранных граждан и лиц без гражданства: опыт и проблемы: моногр. – М., 2002.
4. Кутьин А.Д. Миграция в России: проблемы, прогнозы и перспективные направления государственной политики // Миграционное право. – 2006. – № 3.
5. Чирков Д.К., Литвинов А.А., Антонов-Романовский Г.В. Об особенностях преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации // Вопросы безопасности. – № 3. – 2013. – С. 188–190.

---

¹² Кутьин А.Д. Миграция в России: проблемы, прогнозы и перспективные направления государственной политики // Миграционное право. 2006. №3.

Проблемы противодействия рецидивной преступности

Социальная сущность рецидива преступлений, как правило, свидетельствует о большой общественной опасности личности преступника, устойчивых антисоциальных установках, а нередко и о сформировавшемся преступном профессионализме. В статье рассматриваются тенденции роста преступности лиц, ранее совершивших преступления, причины и условия рецидивной преступности. Раскрываются меры по пресечению данного негативного социального феномена, выявляются перспективные пути совершенствования уголовного законодательства.

The social essence of relapse of crimes, as a rule, shows the great public danger of the criminal, steady antisocial installations, and often about the generated criminal professionalism. The article discusses trends in the growth of crime persons who have committed crimes, the causes and conditions of recidivism. Disclosed measures for the suppression of this negative social phenomenon, and identified promising ways of improvement of criminal legislation.

Ключевые слова: рецидивная преступность, рецидив, организованная преступность.

Key words: Recurrent criminality, relapse, organised crime.

Рецидивная преступность представляет собой один из наиболее опасных видов преступности. Ее повышенная общественная опасность обусловлена тем, что совершение лицом более одного преступления свидетельствует о том, преступник все более упорно стремится продолжать преступное поведение и в его сознании укрепляются преступные навыки, взгляды и убеждения.

На фоне снижения количества раскрытых преступлений за последние пять лет наметилась тенденция ежегодного роста преступности лиц, ранее совершавших преступления. Этой категорией лиц в 2014 г. совершено 632,3 тыс. преступлений, что в 1,2 раза больше, чем в 2010 г. (531 тыс.) [7].

В январе-августе 2015 г. зарегистрировано 1538,3 тыс. преступлений, или на 5,9 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост реги-

стрируемых преступлений отмечен в 67 субъектах Российской Федерации, снижение – в 16 субъектах.

Выявлено 710 тыс. лиц, совершивших преступления (+5,4 %), удельный вес лиц без постоянного источника дохода в январе-августе 2015 г. увеличился с 65,9 до 66,5 %, а удельный вес ранее судимых лиц уменьшился с 31 до 28,9 %.

Каждое второе (54,1 %) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое третье (30,7 %) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать первое (4,8 %) – несовершеннолетними или при их соучастии [7].

Согласно сведениям УМВД России по Белгородской области, количество раскрытых преступлений, совершенных отдельными категориями лиц, за шесть месяцев 2015 г., составляет 4784, а 2014 г. – 4537, преступлений, совершенных ранее судимыми лицами в 2015 г. – 2477, а в 2014 г. – 2151.

Методика анализа рецидивной преступности предполагает изучение как количественных, так и качественных ее характеристик. Общепринятые подходы к такому изучению связаны прежде всего с анализом и оценкой уровня рецидивной преступности, который определяется количеством преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, и числом таких лиц. При этом (поскольку преступность, в том числе рецидивная, под влиянием различных взаимодействующих факторов постоянно меняется) необходимо изучение тенденций ее изменения, т. е. динамики преступности по определенным периодам (десятилетиям, пятилетиям, отдельным годам). Важно также определить регионы, где такая преступность получила наибольшее развитие, т. е. анализ географии рецидивной преступности. Выбор тех или иных объектов изучения определяется целями и задачами, стоящими перед исследователями. Но вместе с тем, когда речь идет о рецидивной преступности, непременным условием ее изучения является сравнительный анализ соотношения рецидивной и первичной преступности. Анализ предполагает расчет удельного веса (доли) рецидивной преступности в общем числе зарегистрированных преступлений, дела о которых закончены производством в отчетном периоде, и доли в общем числе выявленных преступников – тех, кто ранее совершал преступления.

Освободившись из мест лишения свободы, бывшие осужденные возвращаются в общество с приобретенными в заключении знаниями, которые не всегда носят положительный характер. Поэтому в данном случае государство должно обращать внимание на таких лиц, стремиться к тому, чтобы они вели правопослушный образ жизни и не совершали вновь преступлений.

Таким образом, рост «профессионализма» современных рецидивистов прежде всего связан с повышением степени общественной опасности совершаемых ими преступлений, которые в значительной мере сочетаются с ростом особо опасного рецидива.

Особенности, причины и условия рецидивной преступности зависят от типа криминального рецидива. Причины неоднократного совершения преступлений лицами, чья преступная деятельность оставалась без надлежащего реагирования правоохранительных органов, группируются вокруг такого мощнейшего криминогенного фактора, как безнаказанность.

Следует отметить, что успешная борьба с рецидивной преступностью предполагает применение не только взаимосвязанных и скоординированных правовых и организационных мер, но и одновременного осуществления мероприятий социального характера, направленных на устранение условий и причин, способствующих совершению преступлений лицами, ранее судимыми.

Основная работа в данном направлении выполняется органами внутренних дел, которые должны решать следующие задачи:

- выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений лицами, ранее судимыми, особенно теми из них, кто отбывал наказание в виде лишения свободы;
- обеспечение неотвратимости наказания, стимулирование у граждан законопослушного поведения;
- выявление и постановка на учет лиц, в том числе совершивших особо опасные преступления;
- осуществление контроля за своевременным прибытием, документированием и регистрацией лиц, освобождаемых из мест лишения свободы;
- создание и активное использование информационного банка данных о рецидивистах;
- оказание содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, отбывшим наказание;
- обязательный и постоянный постпенитенциарный контроль и надзор [4].

В деятельности органов внутренних дел по предупреждению рецидивной преступности можно выделить два основных направления профилактики рецидивной преступности:

- 1) установление причин и условий, способствовавших совершению судимыми лицами повторных преступлений, и принятие мер по их устранению в пределах своей компетенции;
- 2) контроль в пределах своей компетенции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленный для них в соответствии с законом

ограничений и участие в предусмотренных законом случаях в контроле за поведением осужденных, которым назначены виды наказания, не связанные с лишением свободы, либо наказание назначено условно [1].

На рецидив преступлений таких лиц во многом влияет неудовлетворительная обстановка в исправительных учреждениях, а именно:

- наличие отрицательно характеризующихся осужденных, которые негативным образом влияют на остальных заключенных, в том числе путем пропаганды средств и способов потребления наркотических средств;
- объективная невозможность привлечения всех осужденных к труду, особенно в колониях, находящихся за пределом городской черты;
- недостатки воспитательного воздействия;
- недостатки в системе лечения наркоманов и т. д. [6].

С целью предупреждения рецидива преступлений со стороны определенной категории освобождаемых или освобожденных лиц из мест лишения свободы Государственной думой был принят, а затем одобрен Советом Федерации Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (далее – Федеральный закон). В итоге же необходимо принятие законодательного акта, который определяет основания и условия индивидуальной работы с лицами, нуждающимися в интенсивном профилактическом воздействии со стороны правоохранительных органов, а также степень их ответственности за уклонение от соблюдения ограничений, устанавливаемых в судебном порядке, с одновременным внесением изменений в ведомственную нормативно-правовую базу, конкретизирующую организацию контроля за профилактируемыми лицами.

Примером комплексного подхода к снижению уровня рецидивной преступности на региональном уровне можно считать формирование и деятельность в Белгородской области комиссии УМВД по контролю и организации работы с ранее судимыми лицами.

По данным УФСИН России по Белгородской области из числа лиц, осужденных Белгородскими судами к наказаниям, не связанных с изоляцией от общества, 72 из них в период отбывания наказания совершили повторные преступления.

Также следует учитывать и тот факт, что согласно информации, представленной УФСИН России по Белгородской области, в 2013–2014 гг. на свободу из исправительных учреждений нашей области вышло 1302 осужденных. При этом обобщенные данные свидетельствуют о том, что в большинстве случаев повторное совершение преступления допускается в

течение первых лет после освобождения. Это явление обосновывается тем, что профилактические меры, которые применяются в правоохранительной деятельности в настоящее время, свидетельствуют о наличии серьезных проблем.

Безусловно, не следует оставлять без внимания и происходящее в последнее время качественное ухудшение характеристик личности осужденных к лишению свободы, которые отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. В отношении значительной части не удастся достичь целей наказания, и они продолжают сохранять высокую степень общественной опасности после освобождения из исправительного учреждения.

Проблема социальной адаптации лиц, отбывающих уголовное наказание, всегда интересовала не только криминологов и специалистов уголовно-исполнительного права, но и все российское общество, поскольку она имеет как теоретическое, так и практическое значение.

У лиц, освободившихся из мест лишения свободы, низкий профессиональный уровень и неподготовленность в сложившихся экономических условиях к достойной конкуренции на рынке труда, поэтому они сталкиваются с большими проблемами в процессе трудоустройства. В результате это может способствовать повторному совершению преступлений.

Следует отметить, что УУУП и ПДН* УМВД России по Белгородской области в целях предупреждения рецидивной преступности в территориальные органы 2015 г. было направлено 20 организационно-распорядительных документов – указаний и обзоров о проведении различных мероприятий в части повышения эффективности контроля и профилактической работы с ранее судимыми лицами, в том числе ОПМ «Надзор», указаний по контролю за лицами, освобождающимися из исправительных учреждений.

Ежемесячно в отделы направляются списки лиц, освобождающихся из исправительных учреждений, во исполнение приказа УМВД России Белгородской области от 23.05.2013 № 238, которым утверждена «Инструкция по проведению мероприятий в отношении лиц, освобождённых из мест лишения свободы» ежедневно осуществляется контроль прибытия и постановки на учёт этих лиц после освобождения для установления административного надзора.

В целях исполнения распоряжения губернатора Белгородской области от 14 мая 2012 г. № 300-р «Об утверждении механизма взаимодействия заинтересованных органов по выявлению и социальной реабилитации (адаптации)

---

* Управление организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних.

неработающих и не имеющих постоянного источника доходов граждан», приказом УМВД России по Белгородской области от 6 декабря 2012 г. утверждена комиссия УМВД по контролю и организации работы с ранее судимыми лицами, утверждено положение данной комиссии, задачей которой является оценка результатов работы комиссий территориальных органов по профилактике ранее судимых, мерах по их социальной адаптации и трудоустройству.

Подводя итог, отметим, что противодействие преступности и такой ее наиболее опасной формы, как рецидивная преступность, является в настоящее время одной из важнейших задач политики государства. В современных условиях актуальна необходимость скорейшего разрешения данных проблем, что должно выражаться в разработке комплекса правоприменительных, общесоциальных и законодательных мер с учетом результативности их действия на допенитенциарной, пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях уголовной ответственности.

Список литературы

1. Болотин В.С. Рецидивная преступность: параметры оценки, основные показатели и проблемы нормативно-правового регулирования деятельности по ее предупреждению // Политика и право. – 2008. – № 4. – С. 84–85.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – Т. 2. – 704 с.
3. Конституция Российской Федерации (прин. всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗРФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Криминология: учеб. / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 800 с.
5. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федер. закон от 06.04.2011 № 64 – ФЗ.
6. Родионов А.И. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как мера предупреждения рецидивной преступности // Закон и право. – 2012. – № 6. – С. 70.
7. Состояние преступности январь-декабрь 2014 г.; январь-август 2015 г. – URL:<http://mvd.ru/Presscenter/statistics/reports/item/1258312>>.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

И. И. Лодыженская, Г. П. Панфилов

Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления

В статье рассматриваются позиции Конституционного суда РФ относительно применения в уголовном процессе института досудебного соглашения о сотрудничестве. Приводится судебная практика и статистика по данному вопросу. Обращается внимание на коллизию приговоров, вынесенных в общем порядке и в процедуре особого порядка принятия судебного решения. Предлагаются пути разрешения указанных проблем.

The article covers the positions of the Constitutional court of the Russian Federation regarding the application of the institute pre-trial cooperation agreement in criminal procedure. Judicial practice and statistics are provided on this issue. Attention is paid to a conflict of judgments provided in the general procedure and in the procedure of the special order. The ways to solve these problems are offered.

Ключевые слова: позиция Конституционного суда РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве, особый порядок принятия судебного решения, преюдиция.

Key words: position of Constitutional court of the Russian Federation, pre-trial cooperation agreement, the procedure of a special order, prejudice.

Развитие правового регулирования в современной России осуществляется с учетом иностранных правовых институтов и их приспособления к отечественным реалиям. Как справедливо заметил известный германский цивилист Р. фон Иеринг, «только глупец отвергнет хинную кору на том основании, что она выросла не на его капустнике» [7, с. 7]. Вместе с тем применение любого нового института, даже успешно используемого в иностранных условиях, не означает отсутствия проблем, как известных в практике его применения, так и принципиально новых, появление которых вызвано спецификой местных условий. Досудебное соглашение о сотрудничестве этой участи не избежало.

На досудебной стадии к таким проблемам, в частности, относятся недостаточная регламентация порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и последствиях его нарушения, отсутствие действующего механизма, препятствующего оговору и самооговору обвиняемого, применимость данного института к изобличению не соучастников, а исполнителей других преступлений и другие проблемы [11, с. 5–6].

Принципиальным для решения является вопрос о целях, с которыми институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в российскую правовую систему. Именно он определяет многие частные черты правового регулирования. Распространенной точкой зрения является то, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве создан в целях способствования раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений, доказывание по которым затруднено. К ним относятся различные формы организованной преступности, коррупционные преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [12]. Эту цель при введении гл. 40.1 в УПК РФ декларировал и законодатель. В свете этого досудебное соглашение о сотрудничестве должно выступать инструментом не массовым, а применимым лишь в отдельных случаях, число которых невелико [19, с. 873].

Однако такой вывод не соответствует не только российской, но и иностранной судебной практике. Так, в 2010–2011 гг. наиболее распространенными составами, в отношении которых применялось производство в порядке гл. 40.1 УПК РФ, являлись кражи, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, экологические преступления и мошенничества. При этом доля преступлений небольшой степени тяжести в 2011 г. составляла 55,27 % (тяжких и особо тяжких – 33,3 %) от общего числа – 2969 – таких преступлений. В 2012 г. доля тяжких и особо тяжких преступлений составила 59,3 %, что ближе к декларируемым целям института, но также явно им не соответствует [4, с. 156].

Более обоснованной представляется позиция тех авторов, которые объясняют существование досудебного соглашения о сотрудничестве необходимостью упрощения и ускорения уголовного судопроизводства [2, с. 29–30].

Нетрудно заметить, что два изложенных выше подхода противоречат друг другу и не могут существовать одновременно. В случае необходимости повышения борьбы с организованной преступностью и тяжкими, особо тяжкими преступлениями, необходимо вслед за высказанными предложениями ограничить круг составов, в отношении которых может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, установить запрет на применение этой формы уголовного судопроизводства в отношении организаторов пре-

ступлений, лидеров преступных сообществ и организованных групп [6, с. 64]. Если же исходить из целей упрощения судопроизводства и процессуальной экономии, такие ограничения устанавливаться не должны, следует расширить применение гл. 40.1 УПК и на дознание, вопреки правовой позиции Верховного суда РФ, выраженной в Постановлении Пленума от 28.06.2012 № 16, что предлагают сделать ряд авторов [12; 15, с. 55–57].

Одна из проблем судебной практики касается назначения наказания. В ряде случаев наказание, назначенное по совокупности преступлений, при заключённом досудебном соглашении о сотрудничестве оказывается таким же, как при рассмотрении уголовного дела в общем порядке. Такой случай стал поводом для подачи конституционной жалобы. Конституционный суд¹ не усмотрел оснований для признания части третьей ст. 69 УК РФ и части пятой ст. 317.7 УПК РФ противоречащими Конституции РФ. Как указал в определении КС РФ, «правила назначения наказания по совокупности преступлений не выходят за рамки уголовно-правовых средств, которые федеральный законодатель вправе использовать для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, а также, будучи взаимосвязанными с другими положениями уголовного закона, в том числе предусматривающими правила назначения более мягкого наказания при выполнении обвиняемым взятых на себя по досудебному соглашению о сотрудничестве обязательств, не допускают избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения».

Такая аргументация, безупречная формально-логически, полностью противоречит цели института досудебного соглашения о сотрудничестве. Если считать, что нормы гл. 40.1 должны помочь в борьбе с организованной преступностью, преступлениями против интересов государственной службы, торговлей наркотиками, то нужно учитывать, что большинство из этих преступлений, во-первых, являются тяжкими или особо тяжкими, а во-вторых, речь в этих случаях будет идти именно о совокупности преступлений. Таким образом, обвиняемые лишаются гарантий назначения в их отношении более мягкого наказания, т. е., теряют стимул к заключению досудебных соглаше-

---

¹ Определение Конституционного суда РФ от 16 июля 2015 г. № 1598-О.
URL:<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision205944.pdf>.

ний о сотрудничестве. В итоге данный правовой институт оказывается недействующим.

Если же считать, что досудебные соглашения о сотрудничестве преследуют цель процессуальной экономии и освобождения судов от длительного рассмотрения большого количества уголовных дел небольшой и средней тяжести, противоречия при назначении наказания удастся избежать. Но действительно ли досудебные соглашения о сотрудничестве служат целям процессуальной экономии?

Норма п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, которая устанавливает право следователя выделить материалы в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство, в настоящее время высшими судами толкуется как императив². Отметим, что до появления разъяснений Пленума ВС РФ в 2012 г., практика судов по этому вопросу не была единообразной [14, с. 661; 17, с. 170–171].

Следует констатировать, что при совершении преступлений в соучастии суд вынужден рассматривать не одно уголовное дело, а несколько. Так, при расследовании взрыва, произошедшего в 2010 г. во Владикавказе, досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено с 8 из 12 обвиняемых, т. е. пришлось провести девять судебных разбирательств вместо одного [8]. При этом, несмотря на упрощенную форму судопроизводства, судья всё равно по каждому делу должен удостовериться в том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, является обоснованным и подтверждается доказательствами, собранными по делу.

В итоге при существующем правовом регулировании досудебное соглашение о сотрудничестве не является и экономичным способом осуществления правосудия. Оно не выполняет ни одной из целей, для достижения которых могло служить, а потому в текущем виде является крайне неудачным процессуальным институтом.

Возможно три подхода к решению проблемы: выделение такого дела во всех случаях (позиция Верховного и Конституционного судов РФ), выделение дела в отдельных ситуациях (что следует из буквы закона), или же судеб-

---

² П. 5 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16. Как на императивное правило указывает на п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ и Конституционный суд РФ: «Уголовное дело в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, выделяется в отдельное производство (пункт 4 части первой статьи 154 УПК Российской Федерации)» (Определение Конституционного суда РФ от 16.07.2015 № 1798-О. URL:<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision206227.pdf>).

ное разбирательство в рамках одного дела во всех ситуациях (данную концепцию можно назвать доктринальной [8]).

Перед КС РФ ставился вопрос о конституционности п. 4 ч. 1 ст. 154 и гл. 40.1 УПК РФ³. Заявитель утверждал, что содержащиеся в них положения, допуская выделение из уголовного дела о преступлении, совершенном в соучастии, в отдельное производство другого уголовного дела в отношении одного из подозреваемых или обвиняемых, заключившего с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве, позволяют рассмотреть новое уголовное дело в отсутствие участников основного уголовного дела, при том что результат этого рассмотрения затрагивает их интересы, а потому нарушает их права, гарантированные ст. 17, 19, 45–50, 118, 120 и 123 Конституции РФ. Не находя оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, суд указал, что закрепленное в законе право следователя выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, направлено на защиту интересов лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и не нарушает права иных подозреваемых и обвиняемых по тому же делу.

В качестве основного аргумента в пользу такого выделения уголовного дела обычно указывают на необходимость обеспечения безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве [10, с. 49]. Остаётся неясным, каким образом такое разделение способствует этому – в силу принципа непосредственности исследования доказательств такое лицо всё равно будет вызвано для допроса в рамках «основного» дела, т. е. степень опасности для него в результате этого снижена не будет. К тому же, вопрос применения мер безопасности в российском праве в достаточной степени урегулирован законом.

Противники выделения уголовного дела обращают внимание на возникающее при этом ненужное дублирование доказательств в материалах сразу нескольких уголовных дел, что может осложнить их рассмотрение [1].

Возражения, которые приводятся в отношении этого, носят паллиативный характер и указывают на необходимость сосредоточения производства по всем таким уголовным делам в руках одного следователя или же в тщательной координации действий нескольких следователей руководителем следственного органа [17, с. 171]. Даже если согласиться с этим, такая коор-

---

³ Определение Конституционного суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1177-О.
URL:<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision165852.pdf>

динация означает ещё большее расходование времени и сил на расследование преступления в процедуре, которая это расследование призвана упростить.

Другим аргументом против принятого ВС РФ решения являются возникающие в результате него коллизии с процессуальным статусом заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве лица, уже осужденного и допрашиваемого по «основному» делу. В случае когда приговор в отношении такого лица вступил в законную силу, КС РФ предлагает рассматривать его в другом процессе в качестве свидетеля⁴. В соответствии с правовой позицией КС РФ, согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, что направлено на установление пределов судебного разбирательства, диктуемых интересами обвиняемого, целями реализации им права на защиту. Соответственно, лица, уже осужденные по уголовным делам, не могут при рассмотрении уголовного дела по обвинению другого лица обладать процессуальным статусом обвиняемых, а потому и давать показания в этом уголовном деле по правилам допроса обвиняемого; не могут, следовательно, оглашаться и ранее данные ими показания в порядке и по основаниям, предусмотренным ст. 276 УПК РФ. Процедура допроса указанных лиц, в том числе тех, уголовные дела по обвинению которых были выделены в отдельное производство и в отношении которых по результатам состоявшегося судебного разбирательства был вынесен вступивший в законную силу обвинительный приговор, а равно оглашение ранее данных ими показаний должны обеспечивать право обвиняемого на эффективную судебную защиту, включая право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, что гарантируется, помимо прочего, ст. 278 и 281 УПК РФ, не предусматривающими каких-либо изъятий из установленного порядка доказывания по уголовным делам, согласно которому, в частности, в основу обвинительного приговора могут быть положены лишь доказательства, не вызывающие сомнения с точки зрения их достоверности и соответствия закону.

Такое решение соответствует практике некоторых европейских стран. В Италии такой соучастник в другом процессе тоже рассматривается в качестве свидетеля, но в случае если приговор суда в его отношении ещё не вступил в законную силу, такому свидетелю не разъясняется его ответственность

---

⁴ Определение Конституционного суда РФ № 2951-О от 23 дек. 2014 г.
URL:<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision185218.pdf>

за дачу заведомо ложных показаний. В Швейцарии такого соучастника допрашивают в качестве не свидетеля, а «осведомлённого лица» [3].

Указанный аргумент против выделения дела обратил внимание на противоречивость существующего подхода – нормы для экстраординарной ситуации начинают применяться как общее правило, что уже может говорить об ошибочности занятого ВС РФ подхода. Представляется, что такой вопрос должен находиться в дискреции следователя, который в любом случае должен обосновать необходимость выделения уголовного дела в отношении такого соучастника, что также будет способствовать более ограниченному применению этой меры. В связи с этим следует согласиться с предложением профессора Н.П. Кирилловой, считающей, что: «В целях минимизации судебных ошибок при рассмотрении уголовных дел в порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ, законодателю следует рассматривать выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как исключение из общего правила, предусмотреть процедуру использования доказательств, полученных по выделенному уголовному делу, при расследовании и рассмотрении основного дела» [9, с. 208].

Еще одной проблемой данной категории дел является вопрос преюдиции. К счастью, эту проблему законодатель решил хотя бы отчасти путём внесения изменений в ст. 90 УПК РФ – её действие больше не распространяется на приговоры, постановленные в порядке ст. 317.7 УПК. Существовавшее же до этого положение вещей давало основание иностранным средствам массовой информации расценивать преюдициальность вынесенных в порядке гл. 40.1 приговоров как средство осуществления карательной государственной политики [13].

В основном юридическое сообщество позитивно оценило внесённые в УПК РФ изменения [18], но, например, Комитет Государственной думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в своих заключениях на проект федерального закона № 490833-6 в первом и во втором чтении отметил, что нет оснований считать вынесенные в порядке ст. 317.7 приговоры менее обоснованными, а также, что в свете правовой позиции КС РФ, выраженной в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П, признание и отрицание преюдиции не могут быть абсолютными, и сама возможность преодоления законной силы судебного решения должна быть исключительной.

Интересно отметить, что сам КС РФ воспринимает внесённые в ст. 90 УПК РФ изменения как усиление гарантии права на судебную защиту «лиц,

не участвовавших в рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства (раздел X УПК Российской Федерации)»⁵.

То, что законодатель предпринял попытку решить возникшую проблему, заслуживает похвалы, но то, как он это сделал, вызывает скорее недоумение.

В отношении любого судебного постановления действует презумпция его истинности, которая опирается на факт установления судом объективной истины [16, с. 153–197]. Истинность принятого судебного решения базируется на гарантиях, которые предоставляет детально урегулированная процессуальная форма. Следовательно, если законодатель считает, что порядок рассмотрения дел не обеспечивает объективность, реформировать нужно именно этот порядок, а не пресекать его негативные последствия.

В судебной практике можно встретить показательные коллизии. Это относится к случаям, когда в отношении одного из соучастников дело было рассмотрено в порядке гл. 40.1 УПК РФ, а в отношении остальных был вынесен оправдательный приговор на основании вердикта присяжных⁶. В итоге два судебных приговора в соответствии с принципами уголовного судопроизводства объективно-истинных противоречат друг другу.

Отметим, что вследствие внесённых законодателем изменений существенно усложнилась задача мотивировки изменения судебных решений при их противоречии. Впервые в Обзоре надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ за второе полугодие 2012 года в качестве основания пересмотра вынесенного в порядке гл. 40.1 приговора выступил прецедент, когда «два судебных решения содержали противоположные выводы относительно установления факта существования одного и того же преступного сообщества»⁷.

В более поздних судебных решениях содержатся не менее сомнительные с юридической точки зрения мотивировки: «судебное решение, если существенно значимые обстоятельства, являющиеся предметом рассмотрения по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия»⁸.

---

⁵ Определение Конституционного суда РФ от 16.07.2015 № 1798-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision206227.pdf>.

⁶ См., напр.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 13.11.2014 № 33-АПУ14-24сп, которым было отменено оправдательное решение, вынесенное с участием присяжных заседателей, при заключённых досудебных соглашениях о сотрудничестве // Консультант-плюс: справ.-правовая система.

⁷ URL:http://www.vsrp.ru/Show_pdf.php?Id=8587

⁸ Определение Верховного суда РФ от 18.02.2014 № 4Д13-38 // Консультант-плюс: справ.-правовая система.

В связи с этим встает проблема пределов и оснований вмешательства вышестоящих инстанций в приговоры, постановленные в порядке гл. 40.1 УПК РФ.

С точки зрения прецедентной практики ЕСПЧ существование приговоров с противоположными выводами в отношении одного преступления не может считаться нарушением положений Конвенции, так как является следствием максимально полного действия презумпции невиновности [3]. Лицо должно понимать, на что идет при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, поэтому такое решение допустимо⁹. Такой подход, к тому же, стимулирует заключающее досудебное соглашение о сотрудничестве лицо к сообщению правдивой информации и приводит к недопущению самооговора.

Кроме того, в практике встречаются случаи, когда лицо сообщает ложные сведения или отказывается выступать в качестве свидетеля в другом процессе, тогда как приговор в отношении него уже вступил в законную силу [5, с. 96].

Порядок пересмотра вынесенного в порядке гл. 40.1 приговора изложен в ст. 317.8 УПК РФ, которая отсылает к разд. XV Кодекса, но не указывает на конкретный вид производства, который должен применяться в данном случае. Следует учесть, что пересмотр приговоров, вступивших в законную силу в кассационном и надзорном порядке, предполагает исправление ошибок, допущенных судами нижестоящих инстанций. Осуждение лица, заключившего досудебное соглашение, в порядке, предусмотренном ст. 316 УПК РФ, назначение ему наказания в установленных пределах, нарушением закона не является. Следовательно, применение кассационного и надзорного порядка пересмотра приговоров невозможно.

Формально рассматриваемая ситуация не входит и в перечень новых и вновь открывшихся обстоятельств, содержащийся в ст. 413 УПК РФ, поэтому применение норм гл. 49 УПК РФ оказывается невозможным.

Для разрешения подобной коллизии представляется необходимым сделать следующее. Если лицо при рассмотрении «основного дела» отказалось от ранее данных показаний, изменило их, это следует рассматривать как новые обстоятельства, которые могут повлечь отмену приговора в отношении этого лица в порядке гл. 49 УПК РФ. Суд, при постановлении приговора по «основному делу», оценивая доказательства, должен сделать в приговоре вывод о том, являются ли показания лица, заключившего соглашение, значимыми для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по «основному делу», или в силу каких-то обстоятельств – нет, и в связи с этим исполнено ли лицом досудебное со-

---

⁹ Определение Конституционного суда РФ от 23.10.2014 № 2391-О по делу гражданина Р.Ф. Перевертайло. URL:<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision179221.pdf>.

глашение. Если суд придет к выводу, что нет, то надо предусмотреть в законе данный приговор как основание к пересмотру ранее вынесенного приговора в силу новых обстоятельств.

Таким образом, необходимо изменить ст. 305 и 307 УПК РФ, дополнив содержание обвинительного или оправдательного приговора выводами суда о ценности показаний лица, заключившего досудебное соглашение. Кроме того, в ч. 4 ст. 413 УПК РФ об основаниях возобновления производства по уголовному делу в силу новых обстоятельств дополнить пунктом о приговоре, установившем неисполнение лицом досудебного соглашения о сотрудничестве.

Отметим, что такое решение проблемы не будет противоречить и конституционно-правовому смыслу приведённых норм, выявленному КС РФ в определении от 19.11.2015 № 2581-О, касающемся оспаривания ст. 413 УПК РФ, где указано, что применение гл. 49 УПК РФ «направлено не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение возможности исследования фактических обстоятельств, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу»¹⁰.

Список литературы

1. Александров А.С., Колесник В.В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Рос. следователь. – 2013. – № 19. – С. 16–22.
2. Вальшина И.Р. Некоторые проблемные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве и пути их решения // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 5. – С. 29–32.
3. Визентин М. Презумпция невиновности в контексте прецедентной практики Европейского суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. – 2015. – № 1. – С. 258–280.
4. Веницкий Л.В., Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 156.
5. Головинская И.В., Головинский М.М. Особенности практики применения норм Главы 40.1 УПК РФ (к пятилетию введения института досудебного соглашения о сотрудничестве) // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. – 2014. – № 2. – С. 92–97.
6. Ермаков А.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве: требуется ли совершенствование законодательства? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 10. – С. 64–66.

---

¹⁰ Определение Конституционного суда РФ от 19.11.2015 № 2581-О по жалобе гражданина Мальгина А.Б. URL:<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision181873.pdf>.

7. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875.
8. Каретников А. Нужен ли особый порядок судебного рассмотрения уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве? // Законность. – 2013. – № 10,11.
9. Кириллова Н.П. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и в случае его нарушения // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2009. – № 6 (287). – С. 203–208.
10. Кирсанов А.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Анализ, практика, выводы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
11. Ковалёв Р.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
12. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика. – М.: Юстицинформ, 2014.
13. Кречетников А. В басманных судах преюдиция – царица доказательств [Электрон. ресурс] // Би-би-си – URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2013/04/130422_russia_prejudgment (дата обр.: 08.03.2016).
14. Нехороших М.Е. Некоторые проблемы правового регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве [Электрон. ресурс] // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. – 2015. – С. 659–668. – URL: <http://www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100156771> (дата обр.: 11.03.2016)
15. Ортиков Е. Досудебное соглашение о сотрудничестве при проведении дознания // Законность. – 2012. – № 11. – С. 55–57.
16. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. докт. юрид. наук Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 75–197. (авт. главы – Сычева О.Н.).
17. Тисен О.Н. Выделение уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве : практические проблемы и коллизии судебной практики // Вестник ОГУ. – 2013. – № 3. – С. 169–173.
18. Чушенко Д.Н. Преюдициальность судебных актов при особом порядке принятия судебного решения // Наука и образование: хоз-во и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 8.
19. Шаталов А.С. Принятие судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, проблемы, тенденции, перспективы // Уголовное судопроизводство: теория и практика; под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрайт, 2011.

К вопросу о понятии «раскрытие преступления» в криминалистике и уголовном процессе

В статье исследована проблема использования понятия «раскрытие преступления» в криминалистике и уголовном процессе. На основе проведенного анализа вносится предложение о включении понятия «раскрытие преступления» в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

In the article questions of the concept "solve the crime" in criminalistics and criminal procedure. Based on the analysis done is brought the proposal to include the concept of "solve the crime" in the procedural criminal law.

Ключевые слова: раскрытие преступления, изобличение преступника, цель расследования преступления.

Key words: solving the crime, incrimination, purpose of crime investigation.

В юридической науке употребление понятий «расследование» и «раскрытие» преступления и их соотношение традиционно вызывает вопросы. Несмотря на длительность всей дискуссии, единства во взглядах до сих пор не наблюдается. Прежде, чем выразить авторское отношение к указанным понятиям, будет логичным указать некоторые существующие точки зрения, отраженные по большей части в литературе советского периода.

Расследование в самом общем виде – познание объективной действительности, т. е. событий, имевших место в прошлом. Каждое событие, в том числе и преступление, в силу взаимосвязи с окружающей обстановкой обязательно оставляет в этой обстановке свои следы – своеобразные отпечатки события¹.

Само понятие «расследование преступления» не определяется в уголовно-процессуальном законодательстве, однако по смыслу его можно определить как стадию уголовного процесса, в ходе которой органами дознания и предварительного следствия осуществляются предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия и принимаются решения с целью собирания и проверки доказательств, быстрого и полного раскрытия преступлений,

---

© Низамов В. Ю., 2016

¹ См.: Васильев А.Н. Советская криминалистика. М.: Знание, 1970. С. 8, 16.

привлечения в качестве обвиняемых лиц, их совершивших. В ходе расследования принимаются меры по предупреждению и пресечению преступлений, выяснению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступления, а также меры, обеспечивающие возмещение причиненного преступлением материального ущерба². Как следует из данного определения, расследование преступления является частью «доказывания» в уголовном процессе.

Семантика слова «раскрыть» в контексте «раскрыть тайну» в Толковом словаре В. Даля означает «открыть, узнать, обнаружить»³. В толковом словаре С.И. Ожегова термин «раскрыть» определяется как «обнаружить, сделать известным, объяснить»⁴. Понятие «раскрытия преступления» бытует в юридической науке сравнительно давно. Оно имело место и в дореволюционной России в формулировке концепта «раскрытие преступного деяния»⁵. Хотя само понятие «раскрытие» в дореволюционном законодательстве не определялось. Уголовно-процессуальное законодательство советского периода до 1958 г. понятие «раскрытие преступления» не употребляет.

В 1929 г. И.Н. Якимов «раскрытие преступления» объяснил как «выяснение личности преступника, объекта его посягательства и преступной деятельности по так называемым косвенным доказательствам и уликам»⁶. Позже основоположник теории идентификации в криминалистике С.М. Потапов, расширил это определение, не ограничиваясь лишь косвенными доказательствами: «раскрыть преступление – значит собрать и исследовать все доказательства, которые после их оценки служат достаточным основанием правильно разрешать стоящие перед вынесением приговора вопросы»⁷.

Почву для всплеска дискуссий по поводу понятия «раскрытие преступлений» дало его упоминание в уголовно-процессуальном законодательстве в 1958–1960 гг. (ст. 2, 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 2, 3, 127¹ УПК РСФСР). Возникновение в статьях УПК РСФСР и союзных республик вышеупомянутого словосочетания с неотраженной на законодательном уровне его содержательной стороны привело к различному толкованию.

---

² Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев; ред. кол.: М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. М.: Сов. энцикл., 1984. С. 315.

³ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: ТЕРРА. 1995. С. 64.

⁴ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз. 1986. С. 572.

⁵ Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства. СПб, 1900. С. 29.

⁶ *Якимов И.Н.* Криминалистика. Уголовная тактика. М.: Изд-во НКВД, 1929. С. 161.

⁷ *Потапов С.М.* Введение в криминалистику. М.: Изд-во РИО ВЮАКА, 1946. С. 10.

А.Н. Васильев, обращаясь к соотношению дефиниций «расследование» и «раскрытие» преступлений, указал: «Расследование преступления – общее понятие, охватывающее установление всех существенных обстоятельств расследуемого события, в том числе установление виновных лиц и состава преступления в их деянии или отсутствие состава преступления, влекущего за собой прекращение дела. Под раскрытием преступления принято понимать лишь обнаружение преступления и установление виновных, что является главным в расследовании преступлений»⁸. Сложно согласиться с приведенным мнением А.Н. Васильева относительно слишком широкой интерпретации понятия «расследования» и того, что же является главным в расследовании преступлений, однако его позиция относительно содержания дефиниции «раскрытие» преступления в целом представляется убедительной.

Несколько позднее к проблеме трактовки понятия «раскрытие преступления» обратились Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткулин в работе «Предварительное следствие в советском уголовном процессе»: «Назрела, на наш взгляд, необходимость пересмотреть само понятие раскрытия преступления, понимая под ним не только установление события преступления и изобличение виновных лиц, но и выяснение всех обстоятельств дела, в том числе полное исследование причин и условий, которые способствовали совершению данного преступления»⁹. На это определение «раскрытие преступления» справедливо отреагировал И.Ф. Герасимов: «... такое широкое толкование раскрытия преступления обязательно должно включать и судебное исследование, в ходе которого наиболее полно и всесторонне выясняются все указанные автором вопросы. Но в таком случае раскрытие преступления отождествляется с предметом доказывания и задачами уголовного судопроизводства»¹⁰.

Свою трактовку термина «раскрытие» предложил один из ярчайших отечественных криминалистов А.М. Ларин: «Раскрыть преступление – это значит превратить неизвестное в известное, это значит в событии, где лишь предполагалось преступление, найти ранее скрытые черты, доказывающие, что преступление действительно совершено, и указать виновника этого преступления или доказать, что действия, принятые сначала за преступные, в действительности состава преступления не содержат»¹¹.

---

⁸ *Васильев А.Н.* Введение в курс советской криминалистики. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 4.

⁹ *Жогин Н.В., Фаткулин Ф.Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1965. С. 38.

¹⁰ *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1975. С. 40.

¹¹ *Ларин А.М.* Работа следователя с доказательствами. М.: Юрид. лит. 1966. С. 81.

С криминологических позиций отразил свой взгляд на понятие «раскрытие преступления» И.И. Карпец. Очевидно, что раскрытие совершенных преступлений с позиции криминологии представляет собой этап борьбы с преступностью наряду с предупреждением преступлений, исправительной работой над лицами, совершившими преступления. Раскрытие преступлений лежит главным образом на оперативных работниках и следователях. И.И. Карпец так трактует понятие «полное раскрытие преступления»: в случае совершения убийства, когда оперативные работники находят убийцу, завершается первый этап раскрытия преступлений¹². По отчетным данным оно должно быть показано как преступление раскрытое, поскольку аппарат уголовного розыска выполнил в целом свою задачу. Все последующие действия – выявление причин преступления, мотивов его совершения, установление соучастников и лиц, прикосновенных к преступлению, и другие действия осуществляются в основном следователем. И определение «полное раскрытие» скорее характеризует стадию расследования преступления, чем раскрытие его, ибо оно уже раскрыто (преступник найден). Таким образом, И.И. Карпец разграничивает «полное раскрытие» и «раскрытие» преступления, что позволяет четко определить функции следственных и органов, осуществляющих ОРД. «Полного раскрытия преступления, а в процессуальном значении, – установлении истины по делу, – указывает И.И. Карпец, – можно требовать от следственных органов, ибо выявленные обстоятельства совершения преступления должны получить процессуально закрепленную форму, что в полной мере могут сделать лишь следователи. Поэтому термин «полное раскрытие» преступления нам представляется излишним, ибо он поглощается теми задачами, которые стоят перед следственными аппаратами, т. е. полным, всесторонним и объективным расследованием преступления»¹³. В свою очередь расследование преступлений следственными аппаратами – также один из важных этапов в борьбе с преступностью. Резюмируя точку зрения И.И. Карпеца, укажем, что дефиницию «раскрытие преступления» в чистом виде он связывает исключительно с установлением личности преступника. Само понятие «раскрытие преступления» исключительно оперативно-розыскное и под ним понимается деятельность по добыванию информации, дающей основание к выдвижению оперативными работниками версии о совершении преступления определенным лицом. А. И. Михайлов и Л. А. Сергеев при определении данного концепта исходили из того, что под раскрытием

---

¹² Карпец И.И. Проблема преступности. М.: Юрид. лит. 1969. С. 151.

¹³ Там же. С. 152.

следует понимать установление всех обстоятельств, характеризующие в целом состав преступления. Установление же обстоятельств, подлежащих доказыванию, преследует более широкие цели: оно обеспечивает еще условия для правильного разрешения дела, определения справедливого наказания виновным и выполнения других задач уголовного судопроизводства. Отсюда А.И. Михайлов и Л.А. Сергеев делают вывод, что «под раскрытием преступления в уголовном процессе следует понимать установление путем доказывания времени, места, способа совершения преступного деяния, лица, совершившего это деяние, и его виновности, а также других обстоятельств, поскольку они относятся к составу преступления. Полное раскрытие преступления означает установление всех его эпизодов и всех лиц, виновных в его совершении»¹⁴. Весьма оригинально указанные авторы определяют момент, когда преступление можно считать раскрытым. Подводя раскрываемость преступления к установлению достоверной истины по делу, А.И. Михайлов и Л.А. Сергеев утверждают, что фактически раскрытие преступления (полное или частичное), как правило, происходит к моменту привлечения лица к уголовной ответственности. Поэтому хоть для суда выводы следователя в обвинительном заключении не имеют характера истины, однако их подтверждение в приговоре свидетельствуют об их соответствии действительности. Тогда преступление следует считать раскрытым с момента вынесения обвинительного заключения. Вряд ли можно согласиться с данным утверждением. Возникают два возражения. Во-первых, если выводы следователя о раскрытии преступления требуют подтверждения в суде, то почему бы и момент раскрытия не связать с вступлением приговора в силу. Например, С. Остроумов и С. Панченко считают весь процесс производства по делу, завершающийся вступлением в законную силу приговора суда, раскрытием преступления¹⁵. Во-вторых, с такой позиции, по сути, речь идет не о раскрытии преступления как юридическом факте, а о признании судом уже происшедшего факта раскрытия преступления. Не лишен смысла и тот аргумент против такой позиции: к моменту некоторые обстоятельства, имеющие отношение к делу, могут быть установлены и в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, но имеет ли это отношение к раскрытию преступления? Думается, что нет.

---

¹⁴ Михайлов А.И., Сергеев Л.А. Процессуальная сущность раскрытия преступлений // Сов. гос-во и право. 1971. № 4. С. 113.

¹⁵ Остроумов С., Панченко С. Критерии оценки раскрытия преступлений // Социалистическая законность. 1976. № 9. С. 51–52.

Нельзя согласиться также и с тем, что преступление считается раскрытым с момента избрания меры пресечения до предъявления обвинения. Возникновение подобного мнения чаще связывают с тем обстоятельством, что когда к подозреваемому в преступлении лицу применяется такая мера пресечения, то обвинение, как правило, все равно будет предъявлено. Как справедливо отметил Н. Майоров, хоть и закон предоставляет право избирать ту или иную меру пресечения к подозреваемому, это вовсе не значит, что преступление раскрыто, так как предстоит еще большая работа для полного изобличения преступника¹⁶.

Большой вклад в определение «раскрытие преступления» внес И.Ф. Герасимов, который одним из первых обратил внимание на то, что раскрытие преступлений как деятельность может охватывать деятельность определенных лиц, в частности оперативных работников, еще до возбуждения уголовного дела: «Раскрытие преступлений – одна из главных задач уголовного судопроизводства, состоящая в установлении преступного события и лица, совершившего преступление, в результате деятельности, осуществляемой, как правило, в форме предварительного расследования (дознание, предварительное следствие), но в отдельных случаях начинающейся с непроцессуальных действий до возбуждения уголовного дела. Преступление считается раскрытым, когда собраны доказательства, достаточные для привлечения лица в качестве обвиняемого»¹⁷.

С нашей точки зрения, некоторая противоречивость позиции И.Ф. Герасимова заключается в том, что он одновременно отчасти выводит деятельность по раскрытию преступления (ее начало) из разряда процессуальной и, с другой стороны, отрицает такую возможность. Так, И.Ф. Герасимов уточняет, что преступление не может быть раскрыто лишь с помощью оперативно-розыскных мер: «Раскрытие преступлений – правовое понятие, поэтому выполнение этой задачи может носить только процессуальный характер. Тем более что доказательства, которые необходимы для того, чтобы признать преступление раскрытым, должны быть получены только в ходе процессуальных действий. Таким образом, оперативно-розыскные данные в любом случае должны быть проверены в ходе следственных действий»¹⁸.

Также в самом определении «раскрытие преступления» И.Ф. Герасимов не указывает, кем именно должны быть установлены преступное событие и лицо, совершившее преступление, – органами следствия или органами, осу-

---

¹⁶ Майоров Н. Учет раскрытия преступлений // Соц. законность. 1970. № 2. С. 43.

¹⁷ Герасимов И.Ф. Указ. соч. С. 50.

¹⁸ Там же. С. 48.

ществляющими ОРД. Так, И.М. Лузгин, к примеру, указал, что в гносеологическом смысле раскрыть преступление может любое лицо, не наделенное полномочиями следователя¹⁹. И.Ф. Герасимов, не соглашаясь с приведенным мнением, лишь указывает на компетентность лица, раскрывающего преступления, и невозможность каких-либо «гносеологических» и иных неюридических толкований данного понятия²⁰.

Определенной новизной в рассмотрении определения «раскрытие преступления» отличается авторская позиция В. А. Образцова, который отметил: «...задача раскрытия преступления в процессе расследования связывается с установлением преступника и всех обстоятельств, обусловленных предметом доказывания применительно к системе преступления, на основе собранных доказательств, достаточных для принятия решения об окончании предварительного следствия»²¹. В.А. Образцов также признал понятия раскрытие и изобличение соотносимыми. Задача изобличения возникает при наличии по меньшей мере трех условий: 1) преступник установлен; 2) вина преступника доказана; 3) до, после или в ходе преступления преступник совершил какие-либо акции, которые имеют значение для дела, в том числе для решения вопроса о его ответственности (умалчивание об обстоятельствах, отрицание виновности, ложные объяснения и др.)²².

Несколько другую трактовку понятия раскрытия преступлений предложил А.Р. Белкин, понимая под ним деятельность не только оперативного, но и следственного аппаратов. Причем такая деятельность, по его мнению должна быть совместной и на основе взаимодействия²³.

Существуют и другие взгляды на понятие «раскрытие преступления». В целом можно выделить основные точки зрения в несколько групп, условно упуская некоторые нюансы:

1. «Раскрытие преступления» – категория исключительно оперативно-розыскная и не имеет отношение к следственной работе. Ее содержание состоит в обнаружении преступления и изобличении виновного.

2. Понятие «раскрытие преступления» имеет отношение не только к оперативной работе, но и к следственной и определяется как процессуальная деятельность следователя и органов, осуществляющих ОРД и состоящая в

---

¹⁹ Лузгин И.М. Расследования как процесс познания.

²⁰ Герасимов И.Ф. Указ. соч. С. 48–49.

²¹ Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. С. 116.

²² Там же. С. 117.

²³ Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М.: НОРМА, 1999. С. 98–99.

положительном результате обнаружения, изъятия и фиксации доказательств, достаточного для привлечения лица, совершившего преступление к уголовной ответственности. Среди этой группы разделяются авторы, относящие момент достижения результата раскрытия преступления: а) к сбору достаточного объема доказательств для предъявления обвинения; б) к составлению и предъявлению обвинительного заключения.

3. Весь процесс производства по уголовному делу, заканчивающегося вступлением в силу приговора суда следует считать «раскрытием преступления».

Представляется необходимым обратиться к позиции современного законодателя. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс, вступивший в силу 1 июля 2002 г., понятие раскрытия преступления вообще проигнорировал. Это не значит, что данная категория стала неправовой. В настоящее время этот термин присутствует лишь в оперативно-розыском законодательстве.

Статья 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. в качестве одной из задач оперативно-розыскной деятельности устанавливает выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Далее эти нормы дублируются в нормативных актах, регулирующих деятельность тех или иных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Так, норма, изложенная в ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (от 8 января 1997 г. с последующими изменениями) устанавливает, что в соответствии с законодательством Российской Федерации в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность, задачами которой являются: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Ранее такой нормы уголовно-исправительное законодательство не знало.

Таким образом, позиция современного законодателя заключается в отнесении раскрытия преступления к тезаурусу законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Причем, буквальное толкование ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не дает ос-

нований для определения понятия «раскрытие преступления» через выявление и установление лица, совершившего преступления.

Однако, думается, что проблема с определением раскрытия преступления все же остается дискуссионной. Обратимся к нормам материального права. Так, в п. «и» ч.1 ст. 69 действующего Уголовного кодекса РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, признается «явка с повинной, активное содействие *раскрытию* (выделено нами В.Н.) преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления». То же можно сказать и о нормах ст. 75 УК РФ, предусматривающей в качестве основания освобождения от уголовной ответственности к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, если после совершения преступления способствовало раскрытию преступления. Также «раскрытие» употребляется еще в ряде статей УК РФ. И ведь совершенно не обязательно, что раскрытие преступления будет проходить лишь в условиях оперативно-розыскной работы, а не следственной. Тем не менее, следуя логическому толкованию, мы не можем определить «раскрытие преступления» в уголовно-процессуальном смысле.

Вряд ли с такой позицией законодателя следует согласиться. Мы усматриваем в этом несоответствие требованиям материального права к предоставляемым возможностям права процессуального. В УПК РФ содержится норма, предусмотренная ч.2 ст. 21 и устанавливающая: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Сходство указанной нормы с понятием «раскрытие преступления» очевидно.

Для решения указанного вопроса предлагаем свою редакцию ч. 2 ст. 21 УПК РФ: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по раскрытию преступления». При этом необходимо дополнить ст. 5 УПК РФ следующим образом: «Раскрытие преступления – установление прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем события преступления и изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления».

По поводу соотношения понятий «расследование» и «раскрытие» преступления мы согласимся с позицией, разграничивающей их как деятельность и цель²⁴.

Список литературы

1. Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1999.
2. Васильев А.Н. Введение в курс советской криминалистики. – М.: Изд-во МГУ, 1962.
3. Васильев А.Н. Советская криминалистика. – М.: Знание, 1970.
4. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. – Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1975.
5. Жогин Н.В., Фаткулин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1965.
6. Карпец И.И. Проблема преступности. – М.: Юрид. лит., 1969.
7. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. – М.: Юрид. лит., 1966.
8. Майоров Н. Учет раскрытия преступлений // Соц. законность. – 1970. – № 2.
9. Михайлов А.И., Сергеев Л.А. Процессуальная сущность раскрытия преступлений // Сов. гос-во и право. – 1971. – № 4.
10. Николайчик Н.И. Доказывание как процессуальная форма раскрытия преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1983.
11. Низамов В.Ю. Вопросы теории и практики расследования и раскрытия убийств прошлых лет: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2005.
12. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.
13. Остроумов С., Панченко С. Критерии оценки раскрытия преступлений // Соц. законность. – 1976. – № 9.
14. Потапов С.М. Введение в криминалистику. – М.: Изд-во РИО ВЮАКА, 1946.
15. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. – М.: Изд-во НКВД, 1929.

---

²⁴ Николайчик Н.И. Доказывание как процессуальная форма раскрытия преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1983. С. 5.

Особый порядок судебного разбирательства и назначение уголовного судопроизводства

В статье исследуется соотношение назначения уголовного судопроизводства и значимости особого порядка рассмотрения уголовных дел. По мнению автора, назначение уголовного судопроизводства отражается и в процедурах принятия судебного решения в рамках особых производств. Сформулирован подход к определению назначения уголовного судопроизводства.

The article investigates the relationship of purpose of criminal proceedings and the significance of the special procedure in criminal cases. According to the author, the purpose of criminal justice is also reflected in the procedures for the adoption of a judicial decision within specific industries. The approaches to the definition of purpose of criminal proceedings is formulated.

Ключевые слова: особый порядок, назначение уголовного судопроизводства, признание вины, компромисс, приговор, наказание.

Key words: a special procedure, the purpose of criminal proceedings, the admission of guilt, compromise, judgment, punishment.

Обновленная модель уголовно-процессуального законодательства, существенно расширившая возможности участников процесса по выбору способов защиты своих прав и самого порядка судопроизводства, породила к жизни особые процедуры, в оптимальном правовом режиме учитывающие интересы как отдельно взятой личности, так и государства в целом.

В дореформенный период интерес представителей научного сообщества и практических работников фокусировался на одном аспекте правоохранительной деятельности – публичных началах, в силу которых, в частности, «уголовный процесс имел своей целью осуществление материального права на наказание» [3, с. 27], причем даже самое справедливое наказание не исключало прерогативы государственных и общественных интересов при установлении обстоятельств для его назначения.

Принципиально новая модель уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, построенная не на карательной, а правозащитной и правообеспечительной платформе, актуализировала решение вопроса о дифференциации и гуманизации уголовно-процессуальной формы, переходе к щадящим и упрощенным судопроизводствам.

Реалии раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел вынуждают научное сообщество обратиться к возможному компромиссу (сочетанию, взаимодействию, взаимному влиянию) государственных, общественных и личных интересов в уголовном процессе, при неукоснительном следовании принципу состязательности, позволяющим сторонам своим активным воздействием влиять на результаты производства по уголовному делу и судьбу обвиняемого. В полной мере это относится к особому порядку судебных процедур.

Норма о назначении уголовного судопроизводства включена в гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства», следовательно, она отражает собой основное, руководящее начало уголовного процесса, обращенное к государственным органам и должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, а также иным участникам этого производства. И отступление от подобного требования недопустимо при любой процедуре и на любой стадии процесса.

Уголовный процесс выступает формой реализации судебной власти, значимость которой довольно четко отметил И.Л. Петрухин: «Судебная власть утверждена для защиты общества от произвольного поведения отдельных лиц и учреждений, охраны прав и свобод граждан, контроля за деятельностью других ветвей власти, обеспечивающих конституционность и законность их действий и решений» [4, с. 79].

Согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от нака-

зания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

«Для того, чтобы выполнить назначение уголовного судопроизводства, – писала профессор П.А. Лупинская, – необходимо: установить, имело ли место событие, по поводу которого было возбуждено уголовное дело; кто совершил преступные действия (бездействие); виновность обвиняемого и мотивы преступления, а также другие обстоятельства, характеризующие происшедшее событие и личность обвиняемого. В ходе производства по уголовному делу может быть установлено, что событие не имело место или обвиняемый не причастен к совершению преступления» [6, с. 124].

Назначение уголовного судопроизводства, на наш взгляд, нельзя отождествлять исключительно с вынесением приговора, достоверным установлением обстоятельств совершенного или готовящегося преступления, важно определить и такое направление, как ограждение невиновного от незаконного привлечения к уголовной ответственности и осуждения, ограничения прав и свобод. Подобного же положения можно достичь и без вынесения приговора.

Исследование законодательной новеллы – особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК), только начинается [2, с. 3], поэтому неизбежны определенные трудности и разночтения в определении соотношения этого порядка с общими процедурами и принципами уголовного судопроизводства, прежде всего с его назначением, которое, преломляясь через призму упрощенных, но в то же время законных процедур, наполняется качественно новым содержанием справедливости и гуманности.

Трудности в определении соотношения назначения уголовного судопроизводства и значимости особого порядка рассмотрения уголовных дел обусловлены отчасти тем, что многие авторы и практические работники рассматривают особый порядок как рычаг воздействия на процедуры уголовного судопроизводства с целью усилить нейтралитет и пассивность суда в принятии итогового решения, переложив инициативы и ответственность на стороны. Так, М. А. Торкунов считает, что особый порядок «развращает судей, которые не спешат воспользоваться правом, а воспринимают положения закона скорее, как обязанность рассмотреть дело в особом порядке, при наличии соответствующих условий» [5, с. 87].

С приведенным высказыванием вряд ли можно согласиться, поскольку за судом остается право принятия окончательного решения по вопросу при-

менения особых процедур, предусмотренных гл. 40 УПК РФ. Помимо прочего, суд не вправе применять особый порядок принятия решения без согласия потерпевшего, государственного обвинителя, частного обвинителя, потерпевшего, а также ходатайства обвиняемого. Если по делу проходит несколько обвиняемых, то ходатайство должен заявить каждый из них, причем наказание, которое может быть применено к этим обвиняемым, не может превышать 10 лет лишения свободы.

Диаметрально противоположное мнение высказано Х. Хупсергеновым: «... несмотря на эти и другие издержки, необходимо отметить, что процедура судебного разбирательства уголовных дел, регламентированная УПК РФ, в целом оправданна, направлена на решение задач уголовного судопроизводства, способствует соблюдению законности, справедливости, объективности и обоснованности принимаемых судом решений, обеспечению прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод» [7, с. 145].

Особый порядок не вступает в противоречие с назначением уголовного судопроизводства в ситуации, когда детерминирующим убеждением защиты является не смягчение наказания подзащитному, а полное его оправдание (невиновный не должен быть осужден) в этом случае есть способ не отступать от своей позиции и не нивелировать назначение уголовного судопроизводства, – отказаться от особой процедуры и согласиться с продолжением производства по уголовному делу в обычном порядке.

Производство в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, возможно, как было отмечено ранее, только при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при наличии ходатайства обвиняемого о постановлении приговора без судебного разбирательства. Подобный порядок не противоречит назначению ограждения от ответственности и наказания невиновному и привлечения к уголовной ответственности виновного.

Факт признания обвиняемым своей вины имеет значение и для принятия иных процессуальных решений, например при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). В ситуации особого порядка постановления судебного решения подобное признание влечет несколько иные процессуальные последствия.

Если рассматривать назначение уголовного судопроизводства через призму особого порядка судебного разбирательства, то социальное назначе-

ние этого порядка уже невозможно свести только к тому, чтобы упростить процедуру производства по уголовным делам о преступлениях, за которые максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы, оно заключается и в том, чтобы «стимулировать позитивное посткриминальное поведение виновного лица, реализовать общую и частную превенцию» [1, с. 38]. Значимость подобной превенции в свою очередь заключается в том, что особым порядком охватываются около 540 составов преступлений, предусмотренных УК РФ. Совершившим подобные деяния лицам предоставляется возможность осознать свою вину, загладить причиненный вред, возместить нанесенный ущерб и добровольно согласиться с предъявленным обвинением, при этом получив право на смягчение наказания.

Можно предположить, что, устанавливая в гл. 40 УПК РФ особый порядок принятия судебного решения по уголовному делу, законодатель имел целью расширение границ использования признания обвиняемого для разрешения уголовных дел определенной категории; при этом не остался без внимания и такой аспект назначения уголовного судопроизводства, как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, поскольку без согласия государственного и частного обвинителя, а также потерпевшего, рассматриваемое производство невозможно.

Список литературы

1. Двирник К.А. Проблемы назначения наказания при особом порядке судебного разбирательства и заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Будущее науки. – 2013. – Т. 2. – С. 38–40.
2. Ивенский А.И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 20 с.
3. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита личности в уголовном процессе России. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2015. – 322 с.
4. Петрухин И.Л. Понятие и формы реализации судебной власти // Судебная власть. – М.: Т. К. Велби, 2003. – 720 с.
5. Торкунов М.А. Общественная опасность преступления и личности преступника при рассмотрении уголовных дел в особом порядке законодателем не учтена // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 85–87.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / под ред. П.А. Лупинской. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.
7. Хупсергенов Х.Х. Особый порядок судебного разбирательства: социально-правовая характеристика // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 1. – С. 145–148.

**Использование результатов оперативно-розыскной
деятельности в уголовном судопроизводстве:
проблемы и пути их решения**

В статье формулируются положения, обосновывающие тот факт, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании является одной из наиболее актуальных проблем современного уголовного судопроизводства.

The provisions are formulated in the article to justify the fact that the use of the results of investigative activities in criminal procedure proving is one of the most pressing problems of the modern criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, уголовное дело, оперативно-розыскная деятельность (ОРД), оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), уголовно-процессуальные правоотношения, орган предварительного расследования, сведения оперативно-розыскного характера, уголовное дело.

Key words: criminal-procedural evidence, criminal proceedings, operatively-search activity (ORD), operational search measures (OMR), criminal-procedural relationship, body of preliminary investigation, details the use of advanced nature, criminal proceedings.

Проблемы уголовно-процессуального доказывания всегда находятся в центре внимания, как ученых процессуалистов, так и практиков. Институт уголовно-процессуального доказывания в силу своей важности и значимости для уголовного судопроизводства должен соответствовать объективной реальности.

Процесс доказывания является сердцевинной любого уголовного дела. В последние несколько лет в теории и практике настойчиво развивается идея о необходимости активного использования в уголовном процессе сведений, полученных при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), включая преобразование их в судебные доказательства.

Затронутая нами проблема в теории уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности имеет множество подходов. Так, Е.А. Доля указыва-

ет, что наличие различных точек зрения, дискуссии по данной проблеме следует рассматривать как этап на пути к ее правильному решению¹.

Назревшая необходимость совершенствования процедуры вхождения в уголовное судопроизводство сведений, полученных при выполнении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) требует законодательного вмешательства. Прежде всего, это связано с тем, что на практике в ходе судебного разбирательства результаты ОРД, либо производные от них доказательства, часто признаются недопустимыми.

При разрешении вопроса об использовании сведений, полученных оперативным путем в качестве доказательств, в первую очередь необходимо исходить из положений уголовно-процессуального законодательства, ибо порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается только УПК РФ, основанным на Конституции РФ². Таким образом, Закон об ОРД не может и не должен вмешиваться в работу института уголовно-процессуального доказывания, или противоречить его положениям. Оперативно-розыскное законодательство в данном случае является вспомогательным нормативно-правовым актом, который призван помогать органам предварительного расследования раскрывать преступления³. Согласимся с тем, что результаты ОРД должны содействовать и использоваться в доказывании по уголовному делу, так как они не могут подменять доказательства, поскольку лишены процессуальной доказательственной силы⁴.

Так, Конституционный суд Российской Федерации в определении от 23 июня 2015 г. № 1507-О указал, что нормы Закона об ОРД не регламентируют уголовно-процессуальные правоотношения, а потому и отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств⁵.

На сегодняшний день УПК РФ не запрещает использовать в процессе доказывания результаты ОРД, если они отвечают его требованиям (см. ст. 89 УПК РФ). Представляемые для использования в доказывании по уголовным делам результаты ОРД должны позволять формировать доказательства, удо-

---

¹ См.: Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Гос-во и право. 2013. № 5. С. 25.

² См.: ч. 1 ст. 1 УПК РФ.

³ См.: ст. 2 Закона об ОРД.

⁴ См.: Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб./под ред. Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2007. С. 186.

⁵ См.: Определение Конституционного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1507-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

влетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе⁶.

Результаты ОРД, документально оформленные до возбуждения уголовного дела, при направлении их следователю в соответствии со ст. 11 Закона об ОРД и п. 4 Приказа МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (далее – Межведомственная инструкция), на данном этапе доказательствами в уголовно-процессуальном смысле не являются, поскольку они не отвечают требованиям, предъявляемым к ним уголовно-процессуальным законодательством (см. ст. 74 УПК РФ).

Но при определенных условиях результаты ОРД могут стать содержанием доказательств. Такими условиями В.И. Зажицкий со ссылкой на В.Я. Дорохова называет следующие: 1) сведения оперативно-розыскного характера должны иметь отношение к уголовному делу и устанавливать наличие и отсутствие события преступления, виновность обвиняемого и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела; 2) относящиеся к уголовному делу сведения должны быть допущены в уголовный процесс в установленной законом форме. Такие сведения могут быть получены только из законных источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), перечень которых является исчерпывающим; 3) вступление в уголовный процесс относящихся к уголовному делу сведений должно осуществляться в установленном законом порядке для каждого вида доказательств⁷.

Таким образом, сведения, полученные в ходе выполнения ОРМ, могут стать доказательствами при соблюдении вышеуказанных условий и только по-

---

⁶ См.: п. 20 Приказа МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

⁷ Зажицкий В.И. Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Гос-во и право. 2010. № 7. С. 65.

сле выполнения следователем строго определенных процессуальных действий, которые регламентированы уголовно-процессуальным законодательством.

Так, следователь, руководствуясь соответствующими статьями УПК РФ, должен произвести осмотр представленных оперативным подразделением материалов (на бумажном или электронном носителе) с обязательным составлением протокола данного следственного действия в порядке ст. 166 УПК РФ.

Следующим обязательным процессуальным действием следователя должно быть приобщение результатов ОРД к уголовному делу в качестве доказательств, (перечень которых установлен в ст. 74 УПК РФ⁸) если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Для этого следователь выносит соответствующее постановление. И только после того, как результаты ОРД получили законный статус доказательств в уголовном деле, следователь или судья может произвести их проверку в соответствии со ст. 87–88 УПК РФ на предмет допустимости.

Из вышеизложенного следует, что результаты ОРД могут стать допустимыми доказательствами после производства следственных и иных процессуальных действий по возбужденному уголовному делу, и только после этого они могут быть переданы в суд, который положит их в основание обвинительного приговора.

Зачастую на практике органы следствия не выполняют необходимые процессуальные действия по введению и приобщению сведений, полученных оперативным путем, в качестве доказательств⁹. Получается, что результаты ОРД образует доказательственную базу по уголовному делу, но сами они не получили процессуальный статус доказательств на стадии предварительного расследования. Однако в дальнейшем они предоставляются в качестве доказательств на стадии судебного разбирательства, где суд, руководствуясь нормами УПК РФ, должен признать такие сведения недопустимыми доказательствами, следствием чего может стать освобождение подсудимого от уголовной ответственности.

---

⁸ Стоит отметить, что некоторые ученые отрицают возможность признавать оперативно-служебные материалы, полученные в ходе осуществления ОРД таким видом доказательств, как иные документы. К примеру: см. *Зажичкий В.И.* Указ. соч. С. 70.

Полагаем, что действующее законодательство не препятствует использованию документов, полученных оперативными подразделениями до возбуждения уголовного дела в доказывании по уголовным делам в процессуальном режиме такого вида доказательства – как иные документы (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Такого мнения придерживаются многие видные отечественные ученые.

⁹ См.: *Фомин М.А.* Результаты ОРД как доказательства: критерии допустимости // Уголовный процесс. 2011. № 1. С. 25, 26, 28, 29, 30.

Вместе с тем следует отметить, что правоприменительной практике известны случаи, когда суды при вынесении обвинительного приговора опирались на подобного рода «квази-доказательства»¹⁰. Считаем данное игнорирование требований закона недопустимым, а действия должностных лиц противоправными. Заметим, что подобного рода юридические ошибки могут привести к негативным последствиям в уголовном судопроизводстве.

Представляется интересным и важным рассмотреть вопрос о возможном использовании в качестве доказательств сведений, полученных при проведении ОРМ с нарушением закона, регулирующего ОРД.

При исследовании доказательств (в частности сведений, полученных при проведении ОРМ) с точки зрения их уголовно-процессуальной допустимости суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательства или допустимыми, или недопустимыми. В ст. 75 УПК РФ недопустимость доказательств связывается с нарушением самого названного Кодекса, поэтому при буквальном толковании указанной нормы нарушения законодательства об ОРД не подпадают под действие названной статьи.

Некоторые ученые-процессуалисты полагают, что если правила проведения ОРМ, предусмотренные Законом об ОРД, были нарушены (к примеру: отсутствие постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, о проведении проверочной закупки, либо судебного решения при проведении мероприятий, в значительной степени затрагивающих права и законные интересы граждан), их результаты после проверки процессуальным путем могут использоваться в доказывании по уголовному делу¹¹.

Свою позицию они обосновывают тем, что согласно ст. 74, 75, 81, 84 и 86, 89 УПК РФ нет препятствий для введения в уголовное дело сведений, закрепленных в узаконенных источниках доказательств, в том числе полученных с нарушением Закона об ОРД, с последующей их проверкой, оценкой и использованием процедуры, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством. Доказательства, полученные таким путем, в уголовном процессе будут проверяться и оцениваться, как и любые другие.

Представляется, что изложенные выше доводы не имеют под собой правового основания. А выводы, сделанные авторами, основываются на неправильном толковании норм законодательства. Добавим, что подобная ситуация априори невозможна в демократическом, правовом государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В свою очередь

---

¹⁰ См.: *Фомин М.А.* Указ. соч.

¹¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу / под ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М., 2004. С. 211.

признание, соблюдение и защита прав и свобод человека являются обязанностью государства¹².

Уголовно-процессуальная допустимость доказательств, в основе которых лежат результаты ОРМ, подразумевает соблюдение норм УПК РФ при собирании, проверке и оценке доказательств и одновременно соответствие порядка получения результатов ОРД оперативно-розыскным нормам (см. ст. 11 Закона об ОРД).

Так, В. Зникин отмечает, что отступление от предписаний законодательных актов, регулирующих основания и условия проведения ОРМ, ведет к тому, что результаты их осуществления в интересах уголовного судопроизводства использованы быть не могут¹³. Полагаем, что результаты ОРД, полученные с нарушением норм оперативно-розыскного законодательства¹⁴ не могут быть введены в уголовное дело как доказательства, поскольку доказательства остаются допустимыми только в том случае, если не нарушены нормы УПК РФ при их собирании и закреплении, а результаты ОРД были получены с соблюдением действующего законодательства¹⁵.

Как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации, результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами¹⁶. В противном случае, это противоречило бы ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, в которой недопустимость доказательств ставится в зависимость от нарушения при их получении любого федерального закона, в том числе и Закона об ОРД.

Например, А.А. Куприянов утверждает, что: «...результаты ОРМ, при проведении которых был нанесен ущерб здоровью объекта, должны в уста-

---

¹² См.: ст. 1, 2 Конституции Российской Федерации от 12 дек. 1993 г.

¹³ См.: *Зникин В.* Результаты ОРД в уголовном процессе // *Законность.* 2005. № 11.

¹⁴ К примеру: в отсутствие постановления суда о проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища (см. ст. 8–9 Закона об ОРД).

¹⁵ См.: *Уголовный процесс: учеб.* / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2008. С. 219; *Куприянов А.А.* Защита здоровья граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // *Уголовный процесс.* 2011. № 1. С. 17; *Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб.* / под ред. Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2007. С. 187.

¹⁶ См.: Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 года № 18-О, от 25 ноября 2010 года № 1487-О-О, от 25 января 2012 года № 167-О-О, от 19 июня 2012 года № 1112-О, от 20 февраля 2014 года № 286-О, от 29 мая 2014 года № 1198-О, от 20 ноября 2014 года № 2557-О.

новленном порядке признаваться недопустимыми доказательствами еще на стадии возбуждения уголовного дела или в ходе расследования как несоответствующие закону»¹⁷.

Однако мы не можем поддержать данную точку зрения, так как это может привести к «злоупотреблению правом». Предположим, что лицо в отношении которого проводились ОРМ, в результате чего были получены сведения, изобличающие его преступную деятельность и которые должны будут стать доказательствами в уголовном деле, заявит в суде, что при производстве ОРМ было подорвано его здоровье (нервные срывы, скачки артериального давления, различные сердечно-сосудистые заболевания и др.). Хотя статус подозреваемого или обвиняемого уже вводит лицо в стрессовую ситуацию, которая негативно может сказаться на его здоровье, это не должно быть препятствием к привлечению преступника к уголовной ответственности, в силу того что доказательства, полученные с причинением ущерба здоровью объекта, будут признаны недопустимыми.

Так, Закон об ОРД в ст. 16 закрепил, что «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам...»

Несмотря на множество различных и противоположных мнений касательно рассматриваемой нами проблематики, согласимся с В.И. Зажицким, который справедливо отметил, что успешно разрешить проблему использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам можно только руководствуясь действующим доказательственным правом, а не на основе отвлеченных и абстрактных представлений¹⁸.

Представляется, что действующее нормативно-правовое регулирование использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве имеет на наш взгляд, ряд существенных недостатков, которые были рассмотрены нами в данной работе.

Полагаем необходимым внести изменения в УПК РФ и Закон об ОРД, устранив тем самым те недостатки, которые делают возможным использование в уголовном судопроизводстве недопустимых доказательств, полученных в процессе проведения ОРМ:

1) Ст. 89 УПК РФ изложить в новой редакции: «Статья 89. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

---

¹⁷ См.: *Куприянов А.А.* Указ. соч. С. 19.

¹⁸ См.: *Зажицкий В.И.* Указ. соч. С. 65.

1. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с настоящим Кодексом.

2. В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если:

а) такие результаты не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом;

б) такие результаты получены с нарушением Федерального закона Об оперативно-розыскной деятельности.

II) В Закон об ОРД добавить новую статью 10¹ «Результаты оперативно – розыскной деятельности»¹⁹.

Список литературы

1. Агафонова Ю.А. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. / под ред. Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2007.

2. Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Гос-во и право. – 2013. – № 5. – С. 24–29.

3. Зажицкий В.И. Об использовании в доказывании результатов оперативно – розыскной деятельности // Гос-во и право. – 2010. – № 7. – С. 61–71.

4. Зникин В. Результаты ОРД в уголовном процессе // Законность. – 2005. – № 11.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.

6. Куприянов А.А. Защита здоровья граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Уголовный процесс. – 2011. – № 1. – С. 16–19.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

9. Уголовный процесс: учеб. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Кнорус, 2008.

---

¹⁹ Результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, документы, материалы и иные материальные носители информации, полученные в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Типология уголовно-процессуальных правоотношений с участием прокурора

В статье рассматриваются научные подходы к исследованию уголовно-процессуальных правоотношений с участием прокурора на основе деления на типы. Представлены основные критерии их классификации, обоснована необходимость их упорядочивания посредством совершенствования процессуального законодательства и практики его реализации.

The article describes scientific approaches to researching of the procedural criminal legal relationships with prosecutor's participation in the way of dividing them on types. Main criterions of their classification are offered. It is substantiated the necessity of arranging of them by improvement of the procedural legislation and practice of it's realization.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, прокурорский надзор, уголовное преследование, предварительное расследование, правовые отношения, типология.

Key words: criminal procedure, prosecutor, prosecutor's supervision, criminal prosecution, preliminary investigation, legal relationships, typology.

Большинство ученых видят сущность уголовного процесса не только в деятельности, системе действий, но и в системе правовых отношений всех участников уголовного судопроизводства [1, с. 5]. Такой подход вполне оправдан, поскольку исследование правоотношений открывает путь к познанию глубинных проблем науки и практики, позволяет выработать научно обоснованные подходы к их упорядочиванию.

К сожалению, приходится констатировать факт того, что в современной России развитие уголовно-процессуальных правоотношений происходит в условиях недопустимо высокого уровня конфликтности и неравномерности. Подтверждением такому выводу служат как данные судебной, прокурорской и следственной практики, так и официальные выступления руководителей следственных и прокурорских органов разного уровня, размещенные в средствах массовой информации и других источниках общего доступа. Сложившаяся ситуация всем хорошо известна, и многочисленные предложения о ее

разрешении находят свое отражение в трудах ученых, публикациях практиков, законопроектах.

Наиболее проблемными, как нам представляется, до сих пор остаются отношения, которые складываются в уголовно-процессуальной сфере по поводу участия прокурора. Все началось с того, что надзорные полномочия последнего по отношению к органам предварительного следствия были существенно урезаны поправками к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ) от июня 2007 г.¹. Произошло выделение следственного аппарата из органов прокуратуры, возникли сложности в отношениях прокуроров с работниками Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Вместе с тем нововведения не получили должного научного обоснования, что, собственно, уже становится характерным для современной законотворческой деятельности [5, с. 86].

В дальнейшем с целью исправить допущенные ошибки были предприняты некоторые шаги к усилению надзорных возможностей прокуратуры. 27 сентября 2010 г. Президентом России был издан Указ № 1182 «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации»², в котором предусматривалась необходимость создания самостоятельного государственного органа – Следственного комитета России. В нем же была отражена и необходимость усиления прокурорского надзора за следствием. Уже 28 декабря 2010 г. законодателем были приняты федеральные законы № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации»³ и № 404 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»⁴. В результате следствие было окончательно выведено из прокурорской системы и одновременно с этим произошло существенное расширение надзорных полномочий прокурора. В дальнейшем предпринимались попытки усиления влияния прокуратуры на него через механизмы статистического наблюдения, которые на практике так и не смогли реализовать заложенный в них потенциал.

Дискуссии о функциях и полномочиях прокуроров в уголовном процессе не прекращаются. В августе 2015 г. Коммунистическая партия России представила новый законопроект «О внесении изменений в Уголовно-

---

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87 // Рос. газета. 2007. № 122.

² СЗ РФ. 2010. № 40. Ст. 5043.

³ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

⁴ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)». Недавно в УПК РФ были внесены изменения, непосредственно касающиеся правовых связей, возникающих между прокурором и дознавателем⁵. Нет никаких сомнений в актуальности научных исследований уголовно-процессуальных отношений с участием прокурора, необходимости их переосмысления и внедрения в российское право продуманных и эффективных правовых установлений.

Следует обратить внимание на то, что фундаментальные основы участия прокурора в уголовном процессе должным образом законодательно не обеспечены. Анализ ч. 1 ст. 37 УПК РФ показывает, что прокурор осуществляет не только особого рода процессуальную деятельность, именуемую прокурорским надзором, но и уголовное преследование. Два этих феномена через призму правовых явлений и действий в досудебном производстве далеко не всегда сочетаются между собой, а в некоторых случаях даже могут входить в противоречие. Прокурор, как и было раньше (до упомянутых выше изменений УПК РФ), остается ключевой фигурой в уголовном процессе, вступает в различные типы связей с поднадзорными ему органами следствия и дознания, но результаты его деятельности не вполне соотносятся с возложенными на него обязанностями. Вместе с тем, как видим, подход законодателя к регламентации функций прокурора вызывает много вопросов, в частности о необходимости разработки полноценного понятия уголовного преследования, а также конкретизации в УПК РФ задач прокурорского надзора [6].

Уголовно-процессуальные правоотношения представляют собой совокупность урегулированных уголовно-процессуальным законом общественных отношений (или связей) между участниками уголовного процесса, проявляющихся в их взаимных правах и обязанностях [2, с. 7]. Они многосубъектны, динамично развиваются, переходят из одной стадии в другую, из одного этапа в другой. Эти характеристики опосредуют существование различных типов правовых связей, которые возникают между прокурором и другими участниками уголовного судопроизводства. Для выяснения их юридической сущности и содержания могут быть использованы научные подходы, которые представлены типологией, представляющей собой

---

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части надления дознавателя правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением: федер. закон от 14 декабря 2015 г. № 380 // Рос. газета. 2015. № 284.

классификацию, отражающую соотношение между разными типами предметов, явлений внутри их системы в целом [4, с. 573].

В учении о прокурорско-надзорных правоотношениях типология имеет большое познавательное значение, поскольку позволяет внести дифференциацию в те процессы и явления, которые возникают в ходе их реализации, а также выявить некоторые фундаментальные проблемы правового регулирования, теории и практики [3, с. 31–45]. Это в полной мере относится к исследованию и тех правовых связей, которые возникают между прокурором и участниками уголовного судопроизводства и в своей совокупности создают специфические разновидности уголовно-процессуальных правовых отношений.

Основным критерием подразделения последних на типы является функциональный, предполагающий существование следующих групп правовых связей:

1) отношения между прокурором и поднадзорными ему объектами, т. е. органами и должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование;

2) отношения между прокурором и другими участниками досудебного уголовного судопроизводства;

3) отношения между прокурором и вовлекаемыми в уголовное судопроизводство органами, организациями и лицами.

На первый взгляд, такое деление очевидно и не представляет особого научного интереса. Но, с другой стороны, в каждом из приведенных типов отношений реализуются принципиально разные задачи. В первом случае имеют место в основном правовые связи, которые обусловлены осуществлением прокурорского надзора, а также уголовного преследования. Их объектом выступает законность и обоснованность действий и решений в рамках процессуальной деятельности поднадзорных прокурору субъектов, соблюдение ими прав и свобод личности. Они нацелены на выявление, устранение и предупреждение нарушений закона. При этом проявляется и функция уголовного преследования: опосредованно – через прокурорское руководство дознанием; непосредственно путем решения некоторых надзорных задач (требование о постановке на учет незарегистрированных сообщений о преступлениях, отмена постановлений о возбуждении уголовного дела и приостановлении предварительного расследования, утверждение обвинительного документа и направление уголовного дела в суд и др.).

Второй тип правовых отношений специфичен в связи с тем, что прокурор хоть и наделен законом функцией уголовного преследования, но в собственном производстве не может иметь ни материалов проверок сообщений о

преступлениях, ни уголовных дел. Правом возбуждать уголовные дела и производить предварительное расследование российский прокурор не наделен уже более восьми лет. Но данное обстоятельство не означает, что он не вступает в правовые отношения с такими участниками уголовного процесса, как потерпевший, подозреваемый, гражданские истец и ответчик, защитник, законный представитель, другими имеющими интерес в результатах расследования и судебного рассмотрения лицами⁶. Все они находятся под защитой прокурора, поскольку этого требует фундаментальная основа уголовного судопроизводства – его назначение (ст. 6 УПК РФ). Соответственно и возникают правовые связи, содержанием которых является право названных лиц обращаться к прокурору с жалобой на действия (бездействие) и решения поднадзорных ему должностных лиц, а также нижестоящего прокурора (ст. 123 и 124 УПК РФ). Прокурор, в свою очередь, в установленные законом сроки обязан рассмотреть поступившую жалобу и принять решение в форме постановления о ее удовлетворении (полном или частичном) либо об отказе в ее удовлетворении на основе анализа и оценки приведенных в ней доводов⁷ в ходе полной и всесторонней проверки⁸, а также уведомить заявителя в случае продления сроков рассмотрения жалобы. Прокурорская проверка по жалобе осуществляется в рамках правовых отношений первого типа, но все же предполагает наличие возможности при необходимости вызвать заявителя в прокуратуру для предоставления прокурору дополнительных сведений. Однако, и право прокурора на такой вызов, и обязанность явки заявителя не регламентированы уголовно-процессуальным законодательством, и соответственно не образуют каких-либо правовых связей.

---

⁶ Круг лиц, имеющих право обжалования, обозначен в ст. 124 УПК РФ. К ним относятся любые лица, интересы которых затрагиваются производимыми процессуальными действиями или принимаемыми процессуальными решениями. См., также: По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна: постановление Конституционного суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁷ См.: По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 25 янв. 2005 г. № 42-О // Вестн. Конституционного суда Российской Федерации. 2005. № 4.

⁸ Порядок рассмотрения жалоб прокурором регламентирован также организационно распорядительным актом Генеральной прокуратуры РФ: см. О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора: приказ от 1 ноября 2011 г. № 373 // Законность. 2012. № 1.

Специфической разновидностью правовых отношений второго типа является заключение прокурором с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Данное полномочие предусмотрено ст. 21 УПК РФ, в силу чего можно сделать вывод, что оно охватывается функцией уголовного преследования. По сути, происходит вмешательство прокурора в складывающиеся между следователем, с одной стороны, и подозреваемым (обвиняемым), с другой стороны, отношения в рамках производства по возбужденному уголовному делу. Прокурором рассматривается поданное на его имя ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановление следователя о его возбуждении, согласованное с руководителем следственного органа. Заключение соглашения представляет собой юридический факт, который влечет существенное изменение правовых отношений между следователем и подозреваемым (обвиняемым) на досудебном производстве, обусловленное применением особого порядка, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ. Однако, как видим, решение об этом принимается именно прокурором.

Теоретически оправдано существование также и третьего типа правовых связей, которые образуются на основе ч. 4 ст. 21 УПК РФ, предусматривающей, что требования, поручения и запросы прокурора, предъявленные в пределах его полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Однако механизм реализации данных правовых отношений уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует, а полномочия прокурора в досудебном производстве предусмотрены не только и не столько для осуществления уголовного преследования, как для выполнения основной его функции – прокурорского надзора за законностью процессуальной деятельности органов и должностных лиц следствия и дознания, соблюдением ими прав и свобод личности. В связи с этим практика в регионах складывается по-разному, и нередко для получения необходимых сведений прокуроры используют общенадзорные полномочия.

Другим критерием классификации уголовно-процессуальных правоотношений на типы является поднадзорный объект. Дело в том, что полномочия прокурора по надзору за следствием значительно уже, чем полномочия по надзору за дознанием, процессуальным руководителем которого он является. Сложившаяся ситуация выглядит весьма странно, и на это обстоятельство обращают внимание многие представители науки и практики [7]. Ведь именно в производстве следователя находятся наиболее важные и сложные уголовные дела и именно по ним применяются наиболее строгие меры госу-

дарственного принуждения. Так или иначе, формы предварительного расследования не могут не оказывать влияния на типологию уголовно-процессуальных правоотношений с участием прокурора. Но вряд ли обоснованным является такая существенная разница в характере прокурорского надзора за следствием и за дознанием.

Важно обратить внимание на то, что динамика правовых отношений, складывающихся в досудебном производстве, обусловлена сменой не только стадий, но и отдельных этапов уголовного процесса в рамках каждой из них. Неудивительно, что это оказывает существенное влияние на характер и содержание тех правовых связей, которые возникают между прокурором и другими участниками правоотношений. Меняется сама процессуальная деятельность и сообразно с ней происходят изменения в прокурорском надзоре, в составе взаимных прав прокурора и поднадзорных органов и должностных лиц. На каждом этапе досудебного производства можно выделить особые средства прокурорского надзора, направленные на решение задач, таких как выявление нарушений законности, их устранение и предупреждение, восстановление нарушенных прав и свобод личности.

Наибольшей спецификой обладает этап окончания предварительного расследования, начинающийся после направления уголовного дела с обвинительным документом на утверждение прокурору. Процессуальная деятельность следователя (дознателя) прерывается, и прокурор оказывается «наедине» с результатами расследования преступной деятельности. В установленные сроки он проверяет законность и обоснованность обвинения, наличие нарушений закона, препятствующих судебному рассмотрению дела. Ему предоставлено право обращения с ходатайством в суд для продления сроков содержания под стражей или домашнего ареста. Но до принятия прокурором решения о возвращении уголовного дела, поступившего с обвинительным документом, какие-либо его отношения со следователем или дознавателем процессуальным законом не регламентируются. При направлении же дела в суд они так и не возобновляются. Поэтому рассматриваемый этап обладает целым рядом признаков самостоятельности, которые выработаны теорией для характеристики стадий уголовного процесса.

В заключение сделаем вывод, что типология уголовно-процессуальных правоотношений с участием прокурора может рассматриваться в качестве надежного научного инструментария для исследования их юридической сущности и содержания, упорядочивания их посредством выработки новых предложений, направленных на совершенствование законодательства и практики его применения.

В настоящее время следует констатировать существование серьезных проблем правовой регламентации функций прокурора в уголовном процессе. Как нам представляется, в УПК РФ необходимо уточнить понятие уголовного преследования и форм его осуществления прокурором, сформулировать уголовно-процессуальное понятие прокурорского надзора. На этой основе могут быть реализованы научно обоснованные подходы к пересмотру полномочий прокурора и поднадзорных ему должностных лиц органов следствия и дознания.

Список литературы

1. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие для студ. / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2014. – 287 с.
2. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учеб. – М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. – 470 с.
3. Макаренко М.А. Юридическая сущность и содержание прокурорско-надзорных правоотношений: моногр. – Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2012. – 256 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
5. Петров К.В. Нестабильность российского права (2008–2013 гг.) // Ленингр. юрид. журн. – 2014. – № 1 (35). – С. 86.
6. Пиюк А. Процессуальный статус прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. – 2012. – № 6.
7. Якимович Ю. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // Законность. – 2015. – № 8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.17

А. А. Дорская

Формирование правовых традиций государств – участников СНГ и ЕАЭС¹

В статье рассматривается процесс формирования правовых традиций в рамках Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза. Показано, что в деятельности международных организаций сочетаются национальных правовые традиции стран-участниц и новые традиции, базирующиеся на гармонизации подходов к правовому регулированию.

The article discusses the process of formation of legal traditions within the framework of the Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union. It is shown that the activities of international organizations combined national legal traditions of member countries and new traditions, based on the harmonization of approaches to the legal regulation.

Ключевые слова: правовая традиция, Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, интеграция, международная организация, постсоветское пространство, международно-правовые стандарты.

Key words: legal tradition, Commonwealth of Independent States, Eurasian Economic Union, integration, international organization, post-Soviet space, international legal standards.

Государства и народы постсоветского пространства связаны друг с другом многолетними, а иногда даже многовековыми связями, которые сложились ещё в период взаимодействия в рамках одного государства – Российской империи или СССР. В связи с тем, что период юридизации общественных отношений начался в Российском государстве достаточно поздно, не раньше XVIII в., и особенно был характерен для XIX – начала XX в., многие совре-

---

© Дорская А. А., 2016

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

менные страны, входящие в Содружество Независимых Государств или Евразийский экономический союз, проходили данный этап вместе, а поэтому имеют многие схожие правовые традиции.

Правовые традиции представляют собой сложный феномен, а поэтому не утихают дискуссии относительно содержания данного понятия. На наш взгляд, под правовыми традициями следует понимать совокупность сознательно поддерживаемых обществом, а иногда и государственными органами, правовых установок и ценностей, которые проявляются в повседневной жизни, и могут играть как новаторскую, так и сдерживающую роль.

Изучение правовых традиций различных народов, проживающих сейчас на территории государств – участников СНГ и ЕАЭС, началось ещё в имперский период. Как отмечает М.В. Игнатьева, «антропологический подход в изучении правовых традиций имеет в России продолжительную историю. В Российской империи исследование юридического быта было санкционировано государственной властью, т.к., с одной стороны, одним из главных вопросов XIX века был аграрный вопрос, и уклад русской общины не мог не учитываться при принятии законов, с другой стороны – Россия являлась многонациональной и многоконфессиональной страной, народы которой имели свои правовые особенности жизнедеятельности... Исследование юридического быта включало в себя изучение как правовых обычаев, так и правовых традиций» [4, с. 1].

Российское государство в дореволюционный период в целом пыталось поддерживать сложившиеся правовые обычаи и традиции различных народов. Например, указом Святейшего синода от 17 декабря 1774 г. в России жениху разрешено было вступать в брак с 15, а невесте – с 13 лет. Эти возрастные нормы соответствовали тому, что предписывала еще Эклога в VIII в. [5, с. 435]. 19 июля 1830 г. брачный возраст был повышен: соответственно до 18 и 16 лет. Но местным жителям Закавказского края разрешено было вступать в брак в соответствии со старыми нормами – 15 и 13 лет [18, с. 1], которые соответствовали сложившимся в этом регионе традициям.

В советский период был взят новый курс на преодоление сложившихся национальных правовых традиций и формирование советской правовой традиции. Д.А. Пашенцев так характеризует этот процесс: «Нация, осознав себя именно нацией, если она живет не в мононациональном государстве, может увидеть свои национальные интересы вовне, вне рамок своего нынешнего государства. И тогда она вполне способна взять курс на выход из состава империи. Именно поэтому советское правительство и стремилось всячески конструировать миф о едином советском народе – новой, наднациональной

общности. В то же время, поддерживалось сохранение национальных культур, вкладывались деньги в развитие экономики национальных республик, выращивались национальные кадры. Одним словом, предпринимались усилия, чтобы обеспечить нациям комфортное существование в рамках многонационального государства и дать им возможность реализации именно в его рамках. Но стоило государству ослабнуть, как нации разбежались по своим национальным домам, вернулись к своим национальным мифам и начали усиленно создавать новые» [13, с.3]. Однако практически все исследователи отмечают и отмечают, что уничтожить традицию, в том числе правовую, невозможно, но она может исчезнуть сама. Именно поэтому, например, практически во всех республиках бывшего Советского Союза в 1980-е гг. началось возрождение религиозной правовой традиции, но при этом ни одна республика не вернулась к провозглашению государственной религии и к отходу от принципа светского государства. Иными словами, произошло соединение до-революционных и советских правовых традиций.

После распада Советского Союза возникла парадоксальная ситуация. С одной стороны, общая история, единообразное правовое регулирование различных общественных отношений в советский период способствуют сохранению сложившихся правовых традиций. Так, например, Л.В. Саенко, анализируя семейное законодательство государств – участников СНГ, показывает, что советская правовая традиция охраны семьи государством привела к тому, что во всех странах сейчас закреплено право на брак [17, с. 79]. С другой стороны, поиск государственной и национальной идентичности, распад традиционных связей, вызванный тяжелой экономической ситуацией 1990-х гг., противоречивые глобализационные и глокализационные процессы привели к тому, что республики бывшего Советского Союза стали иметь не так уж много точек соприкосновения.

Некоторое смягчение данной ситуации произошло за счёт образовательной сферы. Например, В.И. Стымковский В.И. и Н.И. Шевченко отмечают, что «несмотря на некоторые трудности, препятствующие ускорению возможности получить образование людям, независимо от места их пребывания, организационно-педагогические и экономические механизмы взаимодействия образовательных учреждений, находящихся на территориях разных государств, интенсивно совершенствуются. Дистанционное образование, преодолевая огромные пространства и таможенные границы, сближает страны Содружества Независимых Государств, устанавливая между ними тесное сотрудничество» [19, с. 18–19].

Определённым ответом на данный вызов стало также модельное законодотворчество в рамках СНГ.

Так, например, согласно перспективному плану модельного законодотворчества в Содружестве Независимых Государств на 2011–2015 гг. основными направлениями сотрудничества были: 1) совместные меры борьбы с преступностью; 2) борьба с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма; 3) совместная борьба с торговлей людьми; 4) борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействие наркомании; 5) обеспечение информационной безопасности; 6) согласованная пограничная политика; 7) противодействие незаконной миграции; 8) стратегическое экономическое развитие; 9) развитие железнодорожного транспорта; 10) развитие информационного общества [14].

Сейчас принят новый Перспективный план модельного законодотворчества в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 гг. Основные направления работы остались прежними, но намечена конкретизация наиболее значимых вопросов. Так, например, в рамках мер по борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма предполагается разработать Рекомендации по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ по вопросам отношения организаций к террористическим и экстремистским, а также по вопросам регулирования ответственности за нарушения в сфере пограничной безопасности, Комментарии к модельным законам «О государственной границе», «О пограничных ведомствах (силах)» [15]. Совместная работа по правовому обеспечению борьбы с террористической деятельностью имеет огромное значение для СНГ, так как, по справедливому замечанию И.С. Кокорина и В.И. Перфилова, «терроризм – это прежде всего идеология насилия и способ воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанный с устрашением населения» [7, с. 42]. Причём именно в этом направлении формирование правовых традиций происходит достаточно быстрыми темпами. Как отмечает З.Ш. Матчанова, в сфере борьбы с терроризмом «многое из того, что еще недавно являлось правовой новацией, со временем приобретет значение национальной традиции обеспечения общественной безопасности» [11, с. 7].

Вырабатывая положения модельных законов, государства Содружества Независимых Государств не только опираются на сложившиеся ранее в рамках единого государства правовые традиции, но и закладывают основу фор-

мирования новых правовых традиций международной организации. Проследить этот процесс можно на примере модельного законодательства о свободе совести.

К началу XX в. в Российской империи сложились две позиции: либо приравнивание свободы совести к свободе вероисповеданий, либо выделение трёх степеней: 1) свободы внутренних убеждений каждого лица (свобода веры); 2) свободы вероисповедания (коллективные права единоверцев); 3) свободы совести (признание не только свободы вероисповедания, но и права на атеистические воззрения). В советский период были найдены юридические конструкции нейтрального отношения государства к религиозным организациям. Например, в ст. 52 Конституции СССР 1977 г. было закреплено: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, т.е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа – от церкви» [9, с. 333]. Таким образом, в России сложилась традиция чёткого законодательного определения содержания понятия «свобода совести», которая сильно отличалась от международно-правовых стандартов, в которых возобладавал «неюридический» подход. Во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. перечисление через запятое свободы мысли, совести и религии позволило исследователям заявить, что свобода совести – это «феномен семантически многоплановый, а следовательно, контекстуально зависимый» [1, с.8], и сделать вывод о том, что это – концентрация идей гуманизма, толерантности и свободы мировоззренческого выбора [16, с. 6].

Пытаясь привести нормативно-правовую базу в соответствие международно-правовым нормам, российские законодатели пошли по пути преодоления сложившейся традиции. Так, в ст. 28 Конституции Российской Федерации 1993 г. было закреплено, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [10]. Таким образом, указание в Конституции Российской Федерации на свободу совести и свободу вероисповеданий как однопорядковые понятия стало новаторством, нарушившим преемственность включать в свободу совести свободу вероисповеданий, а также право на атеистические воззрения.

В ст. 10 Конвенции Содружество Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. было закреплено, что «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и вероисповедания. Это право включает свободу выбирать свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию и убеждения как индивидуально, так и совместно с другими, отправлять религиозный культ, следовать и выполнять религиозные и ритуальные обряды и действовать в соответствии с ними. 2. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, предусмотренным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или для защиты прав и свобод других лиц» [8]. Как видно из текста, возобладал международно-правовой подход.

В связи с тем, что государствам постсоветского пространства пришлось заново выстраивать отношения с религиозными организациями, искать механизмы установления партнёрства, а также в связи с разнообразием исторической конфессиональной картины, в рамках Содружества Независимых Государств было решено разработать модельный закон о свободе совести.

Сначала за основу был взят текст Федерального закона Российской Федерации № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г., но постепенно формулировки модельного закона всё больше приобретали «усреднённый» характер. Постоянная комиссия Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ по культуре, информации, туризму и спорту, отвечавшая за разработку модельного закона, неоднократно меняла текст. Комиссия столкнулась с теми же трудностями, что и все современные международные организации и государства: государства и религиозные организации ищут новые возможности для взаимодействия в условиях «постсекулярного мира» [20, с. 102–109]. Только 28 ноября 2014 г. тяжёлая многолетняя работа по созданию модельного закона «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)» была завершена.

Отличительной чертой данного модельного закона является то, что стороны договорились об основной терминологии. В законе раскрываются такие понятия, как «вероисповедание», «миссионерская деятельность», «свобода вероисповедания», «секта» и др.

Также необходимо отметить, что в модельном законе отражена формула соотношения международного и внутригосударственного права, закреплённая в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации: если национальное

законодательство противоречит нормам международного договора, закреплённого и ратифицированного данным государством, то применяются нормы международного договора.

Но есть и отличия. Например, в российском законе о свободе совести применяется термин «религиозные объединения», которые в свою очередь делятся на религиозные группы (не зарегистрированные в качестве юридического лица) и религиозные организации (имеющие статус юридического лица) [12]. Модельный же закон предусматривает только религиозные организации (объединения), т. е. добровольные объединения граждан, и (или) иностранцев, и (или) лиц без гражданства, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории государства, в установленном законом порядке объединившихся для совместного исповедания и распространения веры, зарегистрированное в качестве юридического лица.

Таким образом, в модельном законе государств – участников СНГ «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)» 2014 г. произошло сочетание российских правовых традиций и международно-правовых стандартов.

В последние годы начался новый интеграционный этап в развитии отношений бывших республик Советского Союза. Как отмечает К.К. Койше, «создание Таможенного союза в 2010 году ускорило темпы интеграции на постсоветском пространстве... Идея Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, получила свое оформление в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Таким образом, к 2012 году была сформирована правовая база ЕЭП и план реализации Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Таможенный союз явился буферной зоной затягивания в интеграционный процесс государств, входящих в СНГ, и дальнейшему переходу к более сложной интеграционной структуре... Мировой кризис показал, что либеральная глобализация сменяется так называемой локализацией. Страны начинают формировать вокруг себя свои экономические пространства, стремятся создать региональные зоны устойчивости» [6, с.638]. С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе – новой международной организации региональной экономической интеграции. Согласно ст. 4 данного договора одной из его целей является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза [3]. Таким образом, развитие ЕАЭС будет способствовать усилению миграционных потоков, что неизбежно поставит вопрос о необходимости гармонизации или даже унификации правового регулирования не только экономических отно-

шений, а также учёте правовых традиций, сложившихся в странах-участницах.

Однако для развития Евразийского экономического союза необходимо преодоление сложившейся этатистской правовой традиции в экономической сфере. Наоборот, как справедливо отмечает В.Г. Анненкова, «важным фактором, имеющим значение для формирования единства экономического пространства, является свобода экономической деятельности, которую можно трактовать как право гражданина на экономическую самостоятельность во всех ее формах» [2, с.53], а поэтому ЕАЭС может стать главной институциональной основой формирования новой правовой традиции государств постсоветского пространства.

Таким образом, в связи с тем, что многие государства постсоветского пространства имеют схожие правовые традиции, что обусловлено долголетним совместным проживанием народов в рамках одного государства, этот фактор активно используется международными интеграционными организациями и является основой для гармонизации правовых систем. Вместе с тем параллельно идёт другой процесс: формируются правовые традиции самих международных организаций, что постепенно начинает отражаться в регулировании различных общественных отношений.

Список литературы

1. Акопян Г.А. Свобода совести: философско-антропологическое измерение: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2009. – 27 с.
2. Анненкова В.Г. Новая российская экономика - основа федерализма страны // Ленингр. юрид. журн. – 2014. – № 3. – С. 47–60.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (2014) // Правовой портал Евразийского экономического союза. – URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s={bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f}&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328ebef3&l={540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169}&EntityID=3610> (дата обр. 03.03.2016 г.).
4. Игнатъева М.В. Антропологический подход в изучении правовых традиций России // Правозащитник. – 2015. – № 3. – С. 1.
5. Избранные законы – Эклога: текст (отрывок) и комментарий // Памятники рос. права: в 35 т. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – Т. 1. – С. 431–452.
6. Койше К.К. Динамика правовых процессов: результаты научных исследований // Совр. проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 638.
7. Кокорин И.С., Перфилов В.И. К вопросу о возмещении вреда жертвам террористических актов в России // Вестн. С.-Петербурга. юрид. акад. – 2013. – Т. 20. – № 3. – С. 42–47.

8. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // Бюл. междунар. договоров. – 1999. – № 6.
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. – М.: Политиздат, 1987. – С. 315–365.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 21.07.2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обр. 03.03.2016 г.).
11. Матчанова З.Ш. Формирование национальных правовых традиций обеспечения общественной безопасности на примере противодействия терроризму в современной России // Правозащитник. – 2015. – № 2. – С. 7.
12. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон Российской Федерации № 125-ФЗ от 26 сент. 1997 г. (в ред. от 28.11.2015 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обр. 03.03.2016 г.).
13. Пашенцев Д.А. Право наций на самоопределение и о особенности его реализации при распаде империй // Правозащитник. – 2015. – № 4. – С. 3.
14. Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2011–2015 годы // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – URL: http://www.iacis.ru/activities/long_term_plan/perspektivnyu_plan_na_2011_2015/ (дата обр. 03.03.2016 г.).
15. Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 годы // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – URL: http://www.iacis.ru/activities/long_term_plan/perspektivnyu_plan_modelnogo_zakonotvorchestva_v_sodruzhestve_nezavisimyh_gosudarstv_na_2016_2020_g/ (дата обр. 03.03.2016 г.).
16. Савельев В.Н. Свобода совести: теория и история. – М.: Высш. шк., 1991. – 144 с.
17. Саенко Л.В. Культурно-правовые традиции регулирования семейных отношений в странах Содружества Независимых Государств: теоретические аспекты // Правовая культура. – 2014. – № 2 (17). – С. 75–82.
18. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. – СПб., 1832. – Т. 10. – Ч. 1.
19. Стымковский В.И., Шевченко Н.И. Принципы толерантности и демократизации как необходимый компонент функционирования и развития национальных систем образования и воспитания // Вестн. Тамбовск. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2014. – № 12 (140). – С. 18–22.
20. Федюнина С.М. Толерантность в поликультурном обществе XXI века: миф или возможность сохранения цивилизации? // Вестн. Поволжск. акад. гос. службы. – 2015. – № 2 (47). – С. 102–109.

**Международные договоры межведомственного характера:
некоторые коллизии в российском законодательстве**

В статье исследуется проблематика международных договоров межведомственного характера в Российской Федерации. Рассматриваются процедурные коллизии между внутренними актами различного уровня. Актуальность затрагиваемой проблематики обусловлена большим количеством заключаемых международных межведомственных договоров. Автор рассмотрел Венскую конвенцию о праве международных договоров и внутренние акты государства по данному вопросу.

The article deals with the problems of international interagency agreements in Russia. The procedural contradictions between internal legal acts of different levels are examined in this work. The actuality of the problem is based on the large number of concluded agreements of this kind. The author researched Vienna Convention on the Law of Treaties and laws and regulations of the state on this issue.

Ключевые слова: Венская конвенция, международные договоры, межведомственные договоры, заключение договоров, коллизии законодательства.

Key words: Vienna Convention, international treaties, interagency agreements, conclusion of the treaties, conflicts of laws.

Всеобщая глобализация и необходимость взаимодействия государств в специальных областях знаний повлекли за собой заключение большого количества международных межведомственных договоров. Резкому увеличению количества межведомственных договоров способствуют несколько аспектов современной международной действительности, такие как постоянный научно-технический прогресс, расширяющий области совместного регулирования между государствами, количества самих государств, а также возрастание роли министерств и ведомств в международных правоотношениях. Международные договоры, в том числе межведомственные, имеют особую важность для функционирования правового государства, составной частью правовой системы которого они являются. Международные межведомственные договоры образуют специализированную юридическую основу межгосударствен-

ных отношений и представляют собой существенный элемент развития взаимосвязей между государствами по вопросам компетенции соответствующих министерств и ведомств.

Практика складывается так, что по кругу участников международные межведомственные договоры являются в основном двусторонними, однако это не исключает заключения таких договоров и на многосторонней основе под эгидой международных организаций или конференций. В подтверждение этого скажем, что в рамках СНГ было заключено Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, где стороны определили: «В целях реализации настоящего Соглашения заинтересованные компетентные органы Сторон заключают при необходимости соглашения межведомственного характера»¹.

Межведомственные договоры также могут заключаться в целях конкретного развития межгосударственных или межправительственных договоров, конкретизируя или уточняя отдельные положения последних. Например, в Соглашении между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности говорится, что: «В целях создания правовых и организационных основ сотрудничества по конкретным направлениям компетентные органы государств Сторон могут заключать соответствующие договоры межведомственного характера»². Точно такую же норму мы найдем и в других подобных договорах³.

Проблематику международных межведомственных договоров анализировали в разное время как советские⁴, так и российские ученые и практики⁵. Но

---

¹ Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 2000 г. // Бюл. междунар. договоров. № 7. 2002. Ст. 17.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2015 г. // Консультант+ : справ.-правовая система. П. 2. Ст. 5.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2013г. // Бюллетень международных договоров. № 7. 2015. П.4 ст.5; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2014 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.01.2015. П.4 Ст.5.

⁴ См.: *Миронов Н.В.* Правовые формы социалистической интеграции (международные межведомственные соглашения). М., 1977; *Усенко Е.Т.* Правовая природа межведомственных связей стран-членов СЭВ // Сов. гос-во и право. 1972. № 6; *Талалаев А.Н.* Право международных договоров. М., 1980 и т. д.

⁵ *Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н.* Международные межведомственные договоры Российской Федерации. М., 2008; *Лукашук И.И.* Современное право международных

стоит отметить, что сегодня международным межведомственным договорам сквозь призму коллизионной проблемы практически не уделяется внимания.

Законодательство Российской Федерации представляет собой достаточно развитый, а поэтому многоуровневый и сложный механизм со своими противоречиями и нестыковками. Большое количество министерств, ведомств и специальных уполномоченных организаций порождает значительное количество несоответствий между нормативными актами в различных областях правоотношений, к тому же зачастую положения о соответствующих государственных органах не содержат в себе необходимого правового регулирования, что также повышает актуальность исследований в области юридических коллизий.

Причин возникновения правовых противоречий достаточно много. Это непоследовательная систематизация нормативной базы, изменение правоприменительной практики, развитие общественных отношений. Коллизии могут возникать из-за нарушения законодательной техники, например, когда законодатели не берут во внимание, как нормы принимаемого акта соотносятся с уже действующими актами, в том числе с так называемыми статутными законами, бывают и технические ошибки, приводящие к правовым противоречиям. Коллизии между нормативными актами могут снижать эффективность практического регулирования, создавать неудобства в применении и значительно усложнять пользование действующим законодательством.

Понимая всю значимость права международных договоров как одной из основополагающих составных частей международного права, в Российской Федерации был разработан и принят соответствующий акт. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» утвердил процедуру по подготовке, заключению, исполнению и прекращению международных договоров, определил полномочия и компетенцию государственных органов и высших должностных лиц в отношении таких договоров, а также установил трехуровневую систему международных соглашений. Данную систему составляют межгосударственные и межправительственные договоры, а также договоры межведомственного характера⁶. Данная норма позволяет нам говорить о тождественной правовой природе всех трех видов

договоров. Т. 1. Заключение международных договоров. М., 2004; Морозов А.Н. Международные межведомственные договоры СССР: опыт и современная практика Российской Федерации // Журн. рос. права. 2008. № 2; Игнатюк Н.А. Компетенция федеральных министерств Российской Федерации. М., 2003 и т. д.

⁶ О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 15.07.1995. № 101-ФЗ (с изм. от 12.03.2014) // СЗ РФ. № 29. 1995. П. 2. Ст. 3.

международных договоров. Подобная точка зрения широко поддерживается в отечественной науке международного права. Например, И.И. Лукашук, на наш взгляд, справедливо пишет: «Как международная практика, так и право рассматривают межведомственные соглашения в качестве международно-правовых договоров»⁷. На аналогичной позиции стоит А.Н. Морозов, который в свою очередь говорит: «Юридическая природа международных договоров межведомственного характера зиждется на соглашении государств как способе создания норм международного права, что идентично природе международных договоров, заключаемых на межгосударственном и межправительственном уровнях»⁸. Значительное внимание уделено данному вопросу и у других авторов⁹.

Если закон о международных договорах определяет общую внутригосударственную процедуру в отношении международных договоров, то компетенция конкретного министерства или ведомства закреплена на уровне соответствующих подзаконных актов.

Например, в п. 5.13. Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации говорится, что Министерство в установленном порядке «взаимодействует с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в установленной сфере деятельности, включая представление по поручению Правительства Российской Федерации интересов Российской Федерации в Международной организации труда, Международной ассоциации инспекций труда, Детском фонде ООН, Фонде ООН в области народонаселения, Международной ассоциации социального обеспечения и других международных организациях»¹⁰.

В п. 5.10. Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации сказано, что Министерство «взаимодействует в установленном порядке с

---

⁷ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. Заключение международных договоров. М., 2004. С. 375.

⁸ Морозов А.Н. Международные межведомственные договоры Российской Федерации в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10.

⁹ См.: Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации. М., 2008.

¹⁰ Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19.06.2012. № 610 (с изм. от 11.04.2015) // СЗ РФ. № 26. 2012.

органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в установленной сфере деятельности»¹¹.

Аналогичные нормы закреплены в целом ряде положений о других министерствах и ведомствах Российской Федерации¹².

К сожалению, многие из положений о министерствах и ведомствах в Российской Федерации прямо не отразили возможности заключения международных межведомственных договоров. А если возможность заключения международных договоров все же предусмотрена, то формулировки соответствующих пунктов носят общий рамочный и неконкретный характер. Данный аспект не мог остаться незамеченным, и в российской науке международного права существует мнение о том, что правовые акты, определяющие функции государственных органов, недостаточно четко предусматривают их соответствующие полномочия в отношении договоров¹³.

Полагаем, что с большой долей вероятности, такое положение вещей сохранится и в ближайшем будущем. В обоснование позиции приведем пример. В принятом относительно недавно Федеральном законе «О стандартизации в Российской Федерации» (вступил в силу 29.09.2015 г., за исключением отдельных положений), также в общих чертах сказано, что федеральный орган исполнительной власти в сфере стандартизации в рамках своей компетенции: «заключает в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации межведомственного характера в установленной сфере деятельности, в том числе по информационному обмену, применению и распространению международных стандартов...»¹⁴. Бóльшей конкретики по заключению и исполнению международных договоров в нормативном акте не содержится.

На основании вышесказанного выразим мнение о необходимости усиления роли федеральных органов исполнительной власти и уполномоченных организаций по вопросам международных договоров в целом и договоров

---

¹¹ Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2004. № 395 (с изм. от 11.05.2015) // СЗ РФ. № 32. 2004.

¹² О Министерстве культуры Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 20.07.2011. № 590 (с изм. от 08.05.2015) // СЗ РФ. № 31. 2011. П. 5.30; О Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008. № 404 (с изм. от 13.02.2015) // СЗ РФ. № 22. 2008. П. 5.12.

¹³ Лукашук *И.И.* Полномочия на заключение международных договоров // Журн. рос. права. 2004. № 4. С. 85.

¹⁴ О стандартизации в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 29.06.2015. № 162-ФЗ // СЗ РФ. № 27. 2015. П. 20. Ст. 9.

межведомственного характера в частности. Например, было бы оправданным наделить подобные органы и организации дополнительными функциями по мониторингу за выполнением положений международных договоров другими участниками, с последующей отчетностью перед МИД РФ в целях передачи информации, ее систематизации и последующего реагирования.

При рассмотрении правовых положений о международных договорах межведомственного характера хотелось бы обратить внимание на ряд противоречий в российском законодательстве, которые носят двухуровневый характер. С одной стороны, положения внутригосударственных правовых актов могут противоречить нормам международно-правовых актов; с другой стороны – нормативные акты государства как законы, так и подзаконные акты, могут не соотноситься между собой.

В подтверждение своих слов приведем следующий пример. В соответствии с Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» федеральный министр, руководитель иного органа исполнительной власти в пределах своей компетенции вправе вести переговоры и подписывать международные договоры межведомственного характера без предъявления полномочий¹⁵. При этом необходимо сказать, что Венская конвенция 1969 г. не дает права осуществлять действия по заключению международных договоров какому-либо из министров, кроме министра иностранных дел без предъявления полномочий¹⁶.

Налицо явное противоречие процедурного характера при заключении международных межведомственных договоров между конвенционным и национальным актами.

Неоднозначно обстоит дело и во внутреннем законодательстве. Для достижения наибольшей эффективности в работе системы действующего законодательства необходимо обеспечить ее отраслевую координацию и слаженность. Однако в современной практике мы часто обнаруживаем правовые коллизии между актами различных отраслей, которые с высокой степенью уверенности могут повлечь за собой неблагоприятные последствия в правоприменении.

Например, министерства и ведомства Российской Федерации наделены правом выходить с предложениями по заключению международных договоров. Закон по данному вопросу в отношении международных межведомственных

---

¹⁵ О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 15.07.1995. № 101-ФЗ (с изм. от 12.03.2014) // СЗ РФ. № 29. 1995. П. 3. Ст. 12.

¹⁶ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Действующее междунар. право: в 3 т. М., 1996. Т. 1. Ст. 7.

договоров гласит, что предложения о заключении международных договоров Российской Федерации межведомственного характера представляются в *правительство Российской Федерации* [курсив наш – А.К.] федеральными органами исполнительной власти или уполномоченными организациями по вопросам, входящим в их компетенцию, совместно с Министерством иностранных дел Российской Федерации или по согласованию с ним¹⁷.

Государственно-правовое управление президента РФ совместно с МИДом РФ в своем официальном разъяснении также исходит из того, что предложения о заключении международных договоров Российской Федерации межведомственного характера представляются в правительство Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти по вопросам, входящим в их компетенцию, совместно с МИД России или по согласованию с ним, а также по согласованию с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти¹⁸.

Такое положение дел вписывается в установленную Конституцией иерархию органов государственной власти Российской Федерации. Правительство осуществляет исполнительную власть в стране, а федеральные органы исполнительной власти подотчетны ему в своей деятельности. И вполне логично, что право внесения предложений по заключению международных договоров межведомственного характера закреплено за соответствующими министерствами и ведомствами как за федеральными органами специальной компетенции, которая, в свою очередь, воплощается в самых различных областях государственного управления и осуществляется такими органами в пределах установленных правовых границ.

Однако если мы обратимся к Федеральному закону «О внешней разведке», то увидим, что президент Российской Федерации «принимает в пределах полномочий, определяемых федеральными законами, решения по вопросам, связанным с внешней разведкой Российской Федерации, в том числе по вопросам целесообразности заключения договоров межведомственного характера между органами внешней разведки Российской Федерации и

---

¹⁷ О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации ... П. 4. Ст. 9.

¹⁸ Официальные разъяснения по вопросам, касающимся порядка заключения международных договоров Российской Федерации межведомственного характера. Утверждено ГПУ Президента РФ 18.05.1994. № А19-1-1009, МИД РФ 26.05.1994. № 11788/ИС // Рос. газета. 1994. № 156. П. 1.

разведывательными и контрразведывательными службами иностранных государств»¹⁹.

Вполне возможно предположить, что президент РФ, как глава государства, осуществляющий внешнюю политику страны, обладает соответствующими полномочиями в рамках Конституции, а вышеназванное положение в первую очередь касается федеральных органов власти подведомственных именно президенту. Но считаем важным подчеркнуть, что закон о международных договорах какого-либо исключения из п. 4 ст. 9 не делает и требует подавать предложения по заключению международных межведомственных договоров именно правительству РФ, которое в свою очередь принимает соответствующее решение, важно и то, что закон о внешней разведке п. 3 ч. 2 ст. 12 в дальнейшем не развивает.

В данном случае мы опять сталкиваемся с противоречием процедурного характера при заключении международных межведомственных договоров, но уже на внутригосударственном уровне.

Отметим, что при рассмотрении заявленной темы, нами были обнаружены и противоположные примеры в действующем законодательстве, что лишний раз свидетельствует о непоследовательных действиях законодателя по данной проблематике. На наш взгляд, федеральный закон, касающийся военно-технического сотрудничества Российской Федерации, логично решает проблему, затронутую выше. В соответствии с его положениями: «Президент Российской Федерации принимает решения о проведении переговоров о заключении международных договоров Российской Федерации в области военно-технического сотрудничества по представлению Правительства Российской Федерации.

Решения о подписании международных договоров Российской Федерации в области военно-технического сотрудничества принимаются *Правительством Российской Федерации* [курсив наш – А.К.]»²⁰.

Несмотря на то что сфера военно-технического сотрудничества относится к компетенции главы государства, в данном случае вышеназванные положения определяют законное место правительства Российской Федерации в процессе заключения международных договоров межведомственного харак-

---

¹⁹ О внешней разведке: федер. закон Российской Федерации от 10.01.1996. № 5-ФЗ (с изм. от 23.06.2014) // СЗ РФ. № 3. 1996. П. 3. Ч. 2. Ст. 12.

²⁰ О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами: федер. закон Российской Федерации от 19.07.1998. № 114-ФЗ (с изм. от 21.07.2014) // СЗ РФ. № 30. 1998. П. 1. Ст. 14.

тера, снимая тем самым возможные противоречия между нормами двух федеральных актов.

В законе «О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом"», по нашему мнению, содержится неполная формулировка, которая также может привести к нарушению процедуры заключения международных договоров, а именно: «Корпорация является уполномоченной организацией, представляет Президенту Российской Федерации или в Правительство Российской Федерации предложения о заключении, выполнении и прекращении международных договоров Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации"». Корпорация заключает международные договоры межведомственного характера по вопросам, входящим в ее компетенцию, в соответствии с указанным Федеральным законом»²¹.

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», опираясь на принцип координирующей роли МИД РФ в проведении внешней политики государства, исходит из того, что федеральные органы власти и уполномоченные организации представляют президенту или правительству предложения о заключении международных договоров от имени Российской Федерации или правительства страны по вопросам, входящим в их компетенцию, совместно с Министерством иностранных дел Российской Федерации или по согласованию с ним²². Заметим, что в соответствующей норме о Корпорации «Росатом» упоминание МИД РФ вовсе отсутствует.

Подводя итог сказанному, отметим, что, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. для разрешения вопросов нарушения процедуры заключения международных договоров предусмотрела определенный порядок.

В случае нарушения нормы международного права, касающегося компетенции заключать договоры, в ст. 8 Конвенции указывается, что «акт ... совершенный лицом, которое не может на основании статьи 7 [Конвенции] считаться уполномоченным представлять государство с этой целью, не имеет юридического значения, если он впоследствии не подтвержден данным государством». Подтверждение является необходимым условием для последующего вступления договора в силу, хотя не ясен механизм такого подтверждения.

---

²¹ О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом": федер. закон Российской Федерации от 01.12.2007. № 317-ФЗ (с изм. от 31.12.2014) // СЗ РФ. № 49. 2007. Ч. 2. Ст. 14.

²² О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации ... Абз. 2 п. 2 и абз. 2 п. 3 ст. 9.

К тому же, в ст. 27 и 46 Венской конвенции отмечается, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора, и государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения. Под нормами особо важного значения следует в первую очередь понимать Конституцию, а также императивные нормы, которые имеют особенное значение и содержат в себе указание на это. Таким образом, государства определяют пути и методы обязательной реализации международных договоров исходя из принципа *parata sunt servanda*.

Также данный вопрос был частично разрешен в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. В соответствии с его положениями «Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор»²³.

Что касается разрешения коллизий во внутреннем законодательстве, то на практике это возможно несколькими способами: принятием нового акта, изменением действующего акта, отменой старого акта, судебным толкованием, аутентичным толкованием и пр.

Необходимость в преодолении правовых несоответствий возникает в том случае, когда выясняется, что фактические обстоятельства регулируются двумя противоречивыми нормами. В подобном случае правоприменителю необходимо выбрать одну из двух соответствующих норм и обосновать ее применение.

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» является основополагающим актом, регулирующим заключение, испол-

---

²³ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003. № 5 // Бюл. Верховного суда РФ. № 12. 2003. П. 8.

нение и прекращение международных договоров, в том числе и межведомственного характера. В ст. 1 данного закона определено, что «международные договоры Российской Федерации заключаются, выполняются и прекращаются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями самого договора, Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом»²⁴. Налицо определенная иерархическая структура, где упомянутому закону отведено главное, если не сказать единственное, место среди других федеральных законов и тем более подзаконных актов. Соответственно нормы закона «О международных договорах Российской Федерации» должны иметь приоритет применения при возникновении соответствующих правовых коллизий по отношению к другим федеральным законам и подзаконным актам.

Также полагаем, что при дефиците специально установленных в самих нормативных актах правил разрешений противоречий и упущений такие проблемы должны разрешаться по общим правилам преодоления юридических коллизий.

Список литературы

1. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Действующее междунар. право: в 3 т. – М., 1996. – Т. 1.
2. Игнатюк Н.А. Компетенция федеральных министерств Российской Федерации. – М., 2003.
3. Лукашук И.И. Полномочия на заключение международных договоров // Журн. рос. права. – 2004. – № 4. – С. 85.
4. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. Заключение международных договоров. – М., 2004.
5. Миронов Н.В. Правовые формы социалистической интеграции (международные межведомственные соглашения). – М., 1977.
6. Морозов А.Н. Международные межведомственные договоры Российской Федерации в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
7. Морозов А.Н. Международные межведомственные договоры СССР: опыт и современная практика Российской Федерации // Журн. рос. права. – 2008. – № 2.
8. О внешней разведке: федер. закон Российской Федерации от 10.01.1996 № 5-ФЗ (с изм. от 23.06.2014) // СЗ РФ. – № 3. – 1996.

---

²⁴ О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации ... Абз. 2 п. 1. Ст. 1.

9. О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами: федер. закон Российской Федерации от 19.07.1998 № 114-ФЗ (с изм. от 21.07.2014) // СЗ РФ. – № 30. – 1998.
10. О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: федер. закон Российской Федерации от 01.12.2007 № 317-ФЗ (с изм. от 31.12.2014) // СЗ РФ. – № 49. – 2007.
11. О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 15.07.1995 № 101-ФЗ (с изм. от 12.03.2014) // СЗ РФ. – № 29. – 1995.
12. О Министерстве культуры Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 20.07.2011. № 590 (с изм. от 08.05.2015) // СЗ РФ. – № 31. – 2011.
13. О Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008. № 404 (с изм. от 13.02.2015) // СЗ РФ. – № 22. – 2008.
14. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003. № 5 // Бюл. Верховного суда РФ. – № 12. – 2003.
15. О стандартизации в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 29.06.2015 № 162-ФЗ // СЗ РФ. – № 27. – 2015.
16. Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2004. № 395 (с изм. от 11.05.2015) // СЗ РФ. – № 32. – 2004.
17. Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19.06.2012 № 610 (с изм. от 11.04.2015) // СЗ РФ. – № 26. – 2012.
18. Официальные разъяснения по вопросам, касающимся порядка заключения международных договоров Российской Федерации межведомственного характера. Утверждено ГПУ Президента РФ 18.05.1994 № А19-1-1009, МИД РФ 26.05.1994 № 11788/ИС // Рос. газета. – 1994. – № 156.
19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2013 г. // Бюл. междунар. договоров. – № 7. – 2015.
20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2015 г. // Консультант+: справ.-правовая система.
21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2014. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.01.2015
22. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 2000 г. // Бюл. междунар. договоров. – № 7. – 2002.

23. Талалаев А.Н. Право международных договоров. – М., 1980.
24. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международные межведомственные договоры Российской Федерации. – М., 2008.
25. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации. – М., 2008.
26. Усенко Е.Т. Правовая природа межведомственных связей стран – членов СЭВ // Сов. гос-во и право. – 1972. – № 6.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 342.536.5

В. В. Бехер

Особенности федерального бюджета на 2016 год: перспективы экономического и правового роста

В статье речь идет об особенностях федерального бюджета на 2016 г. Особое место в законе о бюджете должно быть уделено технологическому и кадровому развитию государства. В рамках этой части расходов бюджета важное место занимает реализация Национальной технологической инициативы.

The article is devoted to the peculiarities of the federal budget for 2016. A special place in the budget law should be given to technological and human development of the state. As part of this part of the budget spending occupies an important place implementation of the National Technology Initiative.

Ключевые слова: федеральный бюджет, экономический рост, национальная технологическая инициатива, бюджетная реформа.

Key words: federal budget, economic growth, the national technology initiative, budget reform.

Более двадцати лет в России ведется бюджетная реформа, результатами которой на разных этапах были принятие Бюджетного кодекса, установление базовых правил, регулирующих функционирование бюджетной системы РФ, организацию бюджетного процесса, включая переход от казначейской системы исполнения бюджета к кассовому исполнению, основы формирования и реализации межбюджетных отношений, проведение государственного (муниципального) финансового контроля. В настоящее время осуществляются различные мероприятия, касающиеся полноценного перехода от управления по результатам и среднесрочному бюджетированию, ориентированному на результат. Еще два года назад можно было говорить о попытках создания «идеального бюджета», предполагающего решение важных политических, стратегических задач, которое соотносится с выполнением экономических и социальных планов в перспективе, меру ответственности за целевое и эффек-

тивное использование выделенных денежных средств, мобильность перераспределения бюджетных ресурсов, исходя их приоритетных направлений госрасходов, создание «Гражданского бюджета», который был доступен и прозрачен для общества.

Однако геополитическая ситуация в мире внесла свои коррективы в развитие финансовой системы нашего государства. 1 сентября 2015 г. правительство РФ дало указание финансовым органам разработать закон о бюджете только на 2016 г., т.е. отказаться от трехлетнего планирования, действовавшего ранее. Причинами возврата к однолетнему бюджету стали нестабильность механизмов мировой и внутренней торговли, изменение курса рубля, падение цены за баррель нефти (в разрабатываемом проекте заложены 50 долл. за баррель), невозможность проведения адекватного импортозамещения и т. д.

Более того, в ходе исполнения бюджета 2016 г. принято решение отказаться от соблюдения бюджетного правила, действовавшего с 2004 г. с момента создания Стабилизационного фонда и по содержанию представляло собой отсечение и последующее накопление сверхнефтяных доходов. Итогом изменений норм главы 13.2 «Использование нефтегазовых доходов федерального бюджета» от 25.12.2012 г. стало следующее содержание бюджетного правила – расчет цены отсечения производится на основе финансовых данных за прошлые периоды и «используется ограничение предельного объема расходов федерального бюджета суммой доходов федерального бюджета при “базовой” цене на нефть и “расчетного дефицита” в размере, не превышающем 1 % прогнозируемого на соответствующий год ВВП» [5, с. 26].

Отмена бюджетного правила обсуждалась с момента его введения. По мнению одних ученых и ведущих специалистов, применение бюджетного правила позволяет перспективно развиваться экономической и налоговой политике государства [4], оно «является шагом в правильном направлении, поскольку ориентировано в первую очередь на снижение чувствительности бюджета к колебаниям цен на нефть» [7, с.12]; другие же, напротив, говорят о том, что сверхдоходы следует направлять на развитие и оптимизацию экономики, промышленности, производства, сельского хозяйства «здесь и сейчас» [11]. Правило требует немедленной модификации, ранее «оно было механизмом проведения контрциклической государственной политики, которое сегодня не удовлетворяет потребностям экономического развития» [9]. В настоящее время в целях экономии внутренних бюджетных резервов

и исполнения социальных обязательств государства действие данного правила временно приостановлено.

Вместе с тем сам федеральный закон о бюджете на 2016 г. не должен восприниматься как «экстраординарный». Принятие и исполнение однолетнего бюджета уже известно российской бюджетной политике – это бюджет 2008 г., ставший результатом глобального финансового кризиса, в то время как с 2006 г. применялся трехлетний цикл.

Финансово-плановые акты, принимаемые в период кризисных явлений в экономике, должны способствовать пересмотру и принципам экономической деятельности государства, и совершенствованию финансового законодательства. Введенные против России экономические санкции также следует рассматривать как явление, побуждающее к переходу на новые уровни финансового развития; это подчеркивает Президент России В.В. Путин в интервью американскому журналисту Ч. Роузу для телеканалов CBS и PBS в преддверии своего участия в юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке: «есть здесь даже определеннный плюс. Он заключается в том, что многое – особенно это касается высокотехнологичных сфер – мы раньше предпочитали просто покупать, используя нефтедоллары. Сегодня, поскольку введены санкции, мы или уже не можем купить, либо опасаясь того, что нам что-то будет закрыто, мы вынуждены были развернуть целые программы развития своей собственной высокотехнологичной экономики, промышленности, производства и научной сферы» [6].

Так, специфика Закона о бюджете заключается в том, что в нем прописано снижение нефтяной зависимости бюджета, и здесь хотелось бы привести данные Института энергетической стратегии. Нейромоделирование в 2015 г. представило минимальный среднемесячный уровень в 47 долл. за баррель в начале текущего года и максимальный – 90 долл. за баррель в конце 2017 г. Прогнозируемая среднегодовая цена на 2015 г. – 60 долл. за баррель, на 2016 г. – 71 долл. за баррель, на 2017 г. – 82 долл. за баррель [8]. Увы, эти показатели претерпели негативные изменения, что потребовало трансформации содержательной основы федерального бюджета.

Указанные процессы отразились на доходной части бюджета, в 2016 г. необходимо усилить процессы их администрирования. Неоднократно при разработках и исполнении бюджетов, особенно если речь идет о предполагаемом дефиците, законодворцы применяют систему активизации собираемости налогов, однако назвать это оптимизацией структуры бюджета не вполне возможно. Налоговая система РФ при перманентном ее реформировании все-таки выполняет больше фискальную функцию, чем регулирующую и сорие-

тирована на пополнение бюджета в максимально быстрые сроки, в то время как более глубокое изучение возможностей регулирующей составляющей налоговых отношений способствовало бы инновационному развитию финансовой системы государства.

Безусловно, расходная часть бюджета в этом периоде направляется на исполнение заявленных социальных обязательств, важными из которых являются вопросы образования, здравоохранения, науки. Надо отметить, что данный вид обязательств можно назвать «проблемным» на стадии исполнения бюджета. Исключив из норм Бюджетного кодекса понятие «минимальные государственные социальные стандарты», государство в определенной степени нивелировало их финансово-правовое обеспечение. Сформированной системы социальных стандартов в России пока нет, несмотря на наличие ряда норм, содержащихся в различных нормативно-правовых актах: Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «О минимальном размере оплаты труда», Федеральный закон от 07.08.2000 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации», Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 22.12.2014) «О занятости населения в Российской Федерации», Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2013, с изм. от 04.06.2014) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и другие.

Справедливо отмечает Е.Г. Беликов, что, «требуя значительного финансирования, они нередко перераспределяются государством по разным уровням публичного управления, не всегда получая надлежащее финансовое обеспечение в форме субвенций для исполнения передаваемых полномочий, что подтверждается многочисленными судебными спорами» [3, с. 15].

Таким образом, закон о бюджете выступает чуть ли не единственным проводником проведения результативной и финансово-обоснованной социальной политики. К сожалению, вместо осуществления структурных изменений в экономике, позволяющих избежать дефицита бюджета по причине нефтяных скачков, пока так называемые бюджетные «дыры» закрываются с помощью проведения бессистемной и непоследовательной пенсионной реформы (например, императивное включение в пенсионную систему негосударственных пенсионных фондов, увеличение пенсионного возраста,

введение ограничений по досрочному выходу на пенсию и т. д.). Более того, если рассматривать финансирование социальных вопросов, то оно, прежде всего, требует открытости, прозрачности и понятности бюджетных норм в первую очередь для самих граждан.

В законе о бюджете требует проработки вопрос о стимулировании экономического роста при помощи инвестиционной активности. Современная Россия в инвестиционных отношениях имеет двойственное положение. С одной стороны, российский рынок привлекателен для инвестирования, с другой стороны слишком велики предпринимательские, политические, социальные, климатические риски. К тому же действующее в инвестиционной сфере законодательство не отражает в полной мере современного уровня развития рыночных отношений.

Следует признать верной позицию И.Ю. Целовальниковой, которая считает, что «важнейшим направлением в работе по привлечению инвестиций является правовое обеспечение всего инвестиционного процесса, в том числе четкое определение понятия “инвестиции” и круга лиц, осуществляющих инвестиционную деятельность, закрепление благоприятных условий хозяйственной деятельности инвесторов, более четкая регламентация договорных форм осуществления инвестиций, а также решение целого ряда других правовых вопросов» [10, с. 3].

Несмотря на то что вмешательство государства в эти процессы должно осуществляться очень умеренно, только от него зависят базовые принципы и эперные положения для начальных этапов вливания инвестиционных средств, и здесь очень важно применение эффективных методов бюджетного, налогового, таможенного регулирования. Уже более 5 лет действует Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», однако в нем четко не прописаны режимы для инвесторов, не определена система гарантий при осуществлении данной деятельности практика правоприменения характеризуется довольно частым неисполнением судебных актов.

Особое место в законе о бюджете уделено технологическому и кадровому развитию государства. В рамках этой части расходов бюджета важное место занимает реализация Национальной технологической инициативы. Впервые об этом масштабном проекте было заявлено в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г.: «на основе долгосрочного прогнозирования необходимо понять, с какими задачами столкнется Россия через 10–15 лет, какие передовые решения потребуются для того, чтобы обеспечить национальную безопасность, высокое качество жизни людей,

развитие отраслей нового технологического уклада. Нужно объединить усилия проектных, творческих команд и динамично развивающихся компаний, которые готовы впитывать передовые разработки, подключить ведущие университеты, исследовательские центры, Российскую академию наук, крупные деловые объединения страны. И конечно, пригласить наших соотечественников, которые трудятся за рубежом в науке и в высокотехнологичных отраслях, но, разумеется, тех из них, кто действительно может что-то дать» [1].

Национальная технологическая инициатива позиционируется как определенный прорыв в области бизнеса, технологий, науки и образования, это компиляция фундаментальных и прикладных коммерциализируемых результатов. Данная программа включает в себя следующие системообразующие мероприятия:

1. Формирование рынков «би-ту-си» (Business-to-consumer (B2C) – «Бизнес для потребителя»). Основное требование к рынку – это его востребованность у потребителей, при этом «на рынке не должно быть общепринятых технологических стандартов. ... если стандарты сложились, значит, рынок зрелый» [2]. Сюда включаются механизмы по усилению позиций российских компаний на площадке мировых рынков, по продвижению новых и передовых технологий.

2. Генерирование соответствующей нормативно-правовой базы. Прежде всего, весь ход проекта сопровождается наличием «дорожных карт», в которых отражаются обоснованный выбор рынков, систематизация требуемых технологий, их содержательный формат на перспективу (15–20 лет), создание сильной кадровой базы, технологического и инфраструктурного обеспечения, разработка институциональных преобразований в экономике, и основные результаты проекта (поэтапные достижения, их сроки, отчетная документация ответственных субъектов).

Также в этом сегменте следует прописать механизмы стимулирования внедрения научных и технических разработок, упрощение процедур патентования и сертификации новых продуктов.

3. Модернизация образовательных технологий, результатом которой является появление кадрового состава, который имеет набор современных компетенций, удовлетворяющих потребностям развивающихся бизнес-структур.

Ответственность за исполнение данных этапов возложена на Агентство по стратегическим инициативам.

С учетом норм Федерального закона от 30.09.2015 № 273-ФЗ «Об особенностях составления и утверждения проектов бюджетов бюджетной систе-

мы Российской Федерации на 2016 год, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу статьи 3 Федерального закона “О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации”, Федерального закона от 14.12.2015 № 359-ФЗ “О федеральном бюджете на 2016 год”» на основе проведенного выше анализа можно выявить следующие основные особенности исполнения бюджета на 2016 г.:

- не разработаны бюджетные показатели на плановый период;
- приостановлено действие бюджетного правила, т. е. сверхдоходы направляются на текущие расходы;
- акцент функционирования налоговой системы смещен в пользу осуществления регулятивной функции (в настоящее время идут общественные обсуждения по вопросу отмены транспортного налога и путей его возможной трансформации в бюджете);
- применяется транспарентность исполнения социальных обязательств;
- усиление инвестиционной привлекательности государства;
- активизация инновационно-восприимчивой среды, путем реализации Национальной технологической инициативы.

Проанализировав основные параметры закона о бюджете на 2016 г., можно сделать вывод о том, что наступивший бюджетный год весьма нелегко, но именно он должен стать сильным толчком к масштабным преобразованиям российской экономики и технологических процессов. Требуется особое внимание и детальной проработки правовая база, регулирующая эти механизмы, многие законодательные акты и нормы, регулирующие социальные, инвестиционные, налоговые правоотношения следует признать устаревшими, а некоторые неработающими в практике правоприменения.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 // Вестн. образования России. – 2015. – № 1.
2. О разработке и реализации Национальной технологической инициативы, об инновационном развитии информационных технологий: заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России от 9 июня 2015 г. – URL: <http://government.ru/news/18433/>
3. Беликов Е.Г. Расходные обязательства публично-правовых образований в социальной сфере // Финанс. право. – 2015. – № 5. – С. 13.
4. Бюджетное правило – это стратегический выбор макроэкономической и фискальной политики: интервью с и. о. директора Департамента долгосрочного стра-

- тегического планирования Министерства финансов РФ Федоровой Р.Р. // Бюджет. – 2013. – № 3. – URL: bujet.ru/article/222620.php.
5. Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. – М.: Юстицинформ, 2014. – С. 26.
6. Интервью Президента России В. В. Путина американскому журналисту Ч. Роузу для телеканалов CBS и PBS. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50380>.
7. Пашук Е.И. Новое «бюджетное правило» и формирование резервов в федеральном бюджете // Вестн. Томск. гос. ун-та. Право. – 2013. – Вып. № 1(7). – С. 12.
8. Прогноз нефтяных цен на период с сентября 2015 г. по декабрь 2020 г. // Академия энергетики. авг. 2015.
9. Улюкаев А. Как потратить с умом // Ведомости. – 2014. – 25 авг.
10. Целовальникова И.Ю. Правовое регулирование инвестиционной деятельности. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2013. – С. 3.
11. Яковенко Д. Здесь уже ничего не исправишь // ЭкспертОнлайн. – № 18–19 (897). – 28 апр. 2014. – URL: <http://expert.ru/expert/2014/19>.

Некоторые новеллы представительства в административном судопроизводстве

В статье рассматриваются проблемы, связанные с закреплением в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации обязательного ведения административного дела через представителя, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, и требования о высшем юридическом образовании представителя.

С точки зрения автора, обязательное ведение дела через представителя в определенной степени ограничивает доступ к правосудию, а наличие у представителя высшего юридического образования не всегда может гарантировать оказание квалифицированной юридической помощи.

The problems related to fixing in Code of the administrative rule-making of Russian Federation of obligatory conduct of administrative business through a representative are examined in the article, in the cases envisaged by the real Code, and requirements about higher legal education of representative. Some short stories of representative office are in administrative rule-making.

From the point of view of author, the obligatory conduct of business through a representative up to a point limits access to the justice, and a presence for the representative of higher legal education not always can guarantee providing of skilled legal help.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административное дело, административный истец, административный ответчик, представительство, квалифицированная юридическая помощь.

Key words: administrative rule-making, administrative business, administrative plaintiff, administrative defendant, representative office, skilled legal help.

Административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также другие административные дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, с 15.09.2015 г. рассматриваются судами общей юрисдикции по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

Некоторые авторы¹, и с этим следует согласиться, отмечают, что КАС РФ в большинстве своем воспроизводит действующие нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). В то же время, в отличие от ГПК и АПК, КАС включает в себя достаточно большое количество процессуальных новелл, в том числе касающихся института представительства. Рассмотрим некоторые из таких новелл и первый опыт их применения.

1. Обязательное участие в деле через представителя. Обязанность вести дело в суде через представителя возложена на граждан, обладающих административной процессуальной дееспособностью, законных представителей недееспособных и ограниченных в дееспособности граждан, но не всех случаях, а только в тех случаях, которые прописаны в КАС РФ (ч. 1 ст. 54). Так, к примеру, при рассмотрении дел об оспаривании нормативных правовых актов в судах субъектов РФ, городах федерального значения, Верховном суде РФ, гражданин, являющийся лицом, участвующим в деле и не имеющий высшего юридического образования, обязан вести дело через представителя (ч. 9 ст. 208 КАС РФ). Следует заметить, что нормативные правовые акты могут предметом оспаривания в Конституционном суде Российской Федерации (далее – КС РФ). Однако сторона конституционного судопроизводства вправе представлять свои интересы самостоятельно или через представителя. Ограничения установлены лишь по количеству представителей. Их должно быть не более трех².

Какие плюсы и какие минусы рассматриваемой новеллы института представительства существуют? Безусловно, новелла скажется как на качестве документов, представляемых в суд, так и на сроках рассмотрения и разрешения дел. И применительно к такому участнику процесса, как суд, можно говорить о плюсах. А для административных же истцов – граждан, не имеющих высшего юридического образования, по нашему мнению, будут только минусы.

Необходимо обратить внимание, что еще задолго до принятия КАС РФ велась дискуссия по вопросу введения обязательного представительства в суде. В этой связи трудно не согласиться с А.Ф. Вороновым, полагающим, что введение обязательного участия представителя может ограничить доступ к

---

¹ *Иваненко Ю.Г.* Административное судопроизводство: новые основы правоприменения // Судья. 2015. № 6.

² О Конституционном суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1 ФКЗ с изм. и доп. (ст. 53).

правосудию³. В развитие этого тезиса дополним, что доступ к правосудию ограничивается на самой первой стадии административного процесса при решении вопроса о принятии административного искового заявления и возбуждении административного дела. Отсутствие в приложениях к административному исковому заявлению документа, подтверждающего наличие высшего юридического образования у гражданина, который является административным истцом и намерен лично вести административное дело, по которому КАС предусмотрено обязательное участие представителя (п.4 ч.1 ст. 126 КАС РФ), влечет за собой оставление административного искового заявления без движения (ст. 130 КАС РФ), а при неисpravлении недостатков – возвращение (п. 7 ч. 1 ст. 129 (КАС РФ)).

Есть и другой аспект проблемы доступности правосудия⁴ – оплата услуг представителя. Не каждый гражданин, особенно в период экономического кризиса, может себе позволить воспользоваться услугами представителя. Когда только начиналась работа по разработке проекта КАС РФ, вынашивались, на наш взгляд, неплохие идеи, например закрепление в КАС РФ нормы, предусматривающей, что гражданин при обращении в суд не будет предварительно оплачивать государственную пошлину. Предлагалось возлагать на гражданина судебные расходы только в случае необоснованности его обращения в суд. Также на суд предлагалось возложить обязанность обеспечения участия представителя – адвоката, если у гражданина возникли затруднения⁵.

В ч. 4 ст. 48 КАС РФ содержится норма, предписывающая суду назначить представителя-адвоката административному ответчику-гражданину, место жительства которого неизвестно, либо административному ответчику, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке, а также в других случаях, предусмотренных федеральным законом. Такие случаи предусмотрены федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Рос-

---

³ Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец, 2009. С. 380.

⁴ См.: Порохов М.Ю. Проблемы реализации отдельных принципов российского правосудия как конституционных гарантий судебной защиты // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2013. Т. 58. № 2. С. 96–102.

⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации / Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 года № 55 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

сийской Федерации». Норма ч. 1 ст. 26 названного Закона носит отсылочный характер, она отсылает к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Закон), одной из целей которого является создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение доступа к правосудию (п. 3 ч. 2 ст. 1).

Действительно, бесплатная юридическая помощь может оказываться в различных видах, в том числе и в рамках института представительства⁶.

Однако следует учитывать, что не все категории граждан имеют право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи (ст. 20 Закона). Кроме того, анализ категорий дел, по которым государственные юридические бюро и адвокаты, являющиеся основными участниками оказания бесплатной юридической помощи, вправе представлять интересы граждан в суде (п. 3 ст. 20 Закона) показывает, что такие дела рассматриваются в иной процессуальной форме – гражданской процессуальной форме, по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ, а не КАС РФ.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации наделены полномочиями по установлению дополнительных гарантий реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи, в том числе расширение перечня категорий граждан, имеющих право на ее получение, перечня случаев оказания бесплатной юридической помощи (ст. 12 Закона). Но, как правило, законы субъектов РФ «О бесплатной юридической помощи» ограничиваются теми случаями, которые установлены федеральным законом⁷. Министерство юстиции РФ постоянно занимается мониторингом организации бесплатной юридической помощи в субъектах РФ. Вот некоторые цифры статистики о работе государственных бюро и адвокатов в 2014 г.: из общего числа граждан, проживающих на территории РФ, только 17,88 % (26 491 701 чел.) имеют право на получение бесплатной юридической

---

⁶ По мнению Л.В. Тумановой, оказание квалифицированной юридической помощи требует специального процессуального регулирования и должно быть ее четкое разграничение от представительства. См.: *Туманова Л.В.* Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2010. № 3.

⁷ См. О бесплатной юридической помощи в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 11.10.2012 № 474-80 (ред. от 26.11.2015) (ст. 7); О гарантиях реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи на территории Ленинградской области: областной закон Ленингр. обл. от 28.05.2014 (ред. 09.06.2014 № 31-оз) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

помощи, из их 49,12 % (13 013 471 чел.) отнесены к категории малоимущих граждан.

Вместе с тем доступ к получению бесплатной юридической помощи связан со сложным механизмом получения статуса «малоимущего». По этой причине ставится вопрос об упрощении порядка оформления документов, подтверждающих статус малоимущего. Решение этого вопроса относится к компетенции органов исполнительной власти субъектов РФ⁸.

Таким образом, нынешнее состояние дел с предоставлением бесплатной юридической помощи, а также сама процедура возбуждения административного дела не могут в полной мере гарантировать доступность правосудия.

2. Высшее юридическое образование как одно из требований, предъявляемых к представителю. В соответствии с ч. 1 ст. 55 КАС РФ представителем в административном судопроизводстве может быть лицо, обладающее полной дееспособностью, не состоящее под опекой или попечительством и имеющее высшее юридическое образование. Наличие у представителя высшего образования должно быть подтверждено соответствующими документами (ч. 3 ст. 55 КАС РФ). Такими документами могут быть диплом бакалавра, диплом специалиста, диплом магистра либо диплом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) по юридической специальности⁹.

Как видим, законодатель пошел по пути сужения субъектного состава лиц, которые могут быть представителем в суде. На появление такой новеллы во многом сыграла правовая позиция Конституционного суда РФ, изложенная в одном из своих постановлений, вынесенном почти 20 лет назад¹⁰. Конституционный суд РФ тогда указал, что, гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии.

---

⁸ Доклад и приложение о деятельности Министерства юстиции Российской Федерации в сфере обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной юридической помощью за 2014 г. от 4 апреля 2014 г. URL: <http://minjust.ru/ru/node/6179> (дата обр. 20.02.2016).

⁹ Со ссылками на Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (п.п. 2-5 ч.7 ст. 60) даны разъяснения в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25.11.2015) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

¹⁰ По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гиттиса и С.В. Абрамова: постановление от 28.01.1997 № 2-П // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

Поэтому установление в КАС РФ требования к представителю о наличии высшего юридического образования, несомненно, скажется на качестве юридической помощи. Установление требований к субъекту оказания юридической помощи с позиций Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ, как пишет Г.С. Шереметова, является «некоторой гарантией качества помощи, одним из путей обеспечения надлежащего характера предоставляемой юридической помощи»¹¹.

Известный адвокат Г.М. Резник, со своей стороны, полагает, что «Квалифицированной в соответствии с мировой практикой может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву – как минимум лицами, имеющими высшее образование...»¹².

И все же, как представляется, законодатель не совсем последователен в решении проблемы оказания квалифицированной юридической помощи. Предъявляя повышенные требования к квалификации представителя, на наш взгляд, следовало учесть и уровень высшего образования¹³.

Известно, что на должность судьи не может претендовать лицо, имеющее высшее юридическое образование с дипломом бакалавра. Одним из требований, предъявляемых к кандидатам на должность судьи, является наличие высшего юридического образования по специальности «Юриспруденция» или высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»¹⁴.

Действующее законодательство об образовании в РФ допускает возможность обучения в магистратуре лиц, не получивших первый уровень образования (не имеющих диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»). Вряд ли за два года обучения в магистратуре, даже в престижном вузе, можно будет подготовить высококвалифицированного юриста.

В связи с этим уместно сослаться на мнение Л.В. Тумановой, что наличие высшего юридического образования есть не что иное, как «чисто фор-

---

¹¹ Шереметова Г.С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе. М.: Статут, 2015.

¹² Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. С. 25–27.

¹³ Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

¹⁴ П. 1 ч. 1 ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 (с изм. от 14.05.2015 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

мальный критерий, не дающий реальной гарантии оказания квалифицированной юридической помощи»¹⁵.

Дать оценку юридической помощи можно только по факту ее осуществления¹⁶, а для этого на законодательном уровне должны быть закреплены критерии определения квалифицированной юридической помощи.

В монографии Г.С. Шереметовой «Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе» указано, что определенная работа в этом направлении уже ведется. На Петербургском международном юридическом форуме в мае 2015 г. прошла церемония открытия Программы Министерства юстиции РФ и Совета Европы «Оказание бесплатной юридической помощи социально незащищенным категориям граждан». Программа включает в себя и мероприятия по разработке критериев оценки и механизмов обеспечения качества бесплатной юридической помощи¹⁷.

3. *Первый опыт применения судами норм ст. 55 КАС РФ.* На практике уже возникал вопрос о том, а во всех ли случаях представителю необходимо представлять в суд документ, подтверждающий наличие высшего юридического образования? Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного суда РФ от 25.11.2015) дал разъяснения относительно таких субъектов представительства, как прокурор и адвокат. В частности, Верховный суд РФ обратил внимание судов, что в случае участия прокурора в административном судопроизводстве в качестве представителя органа прокуратуры, он не обязан представлять суду документы о своем образовании, поскольку в силу п. 1 ст. 40.1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорами могут быть граждане РФ, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе. Учитывая, что в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дано легальное определение адвокатской деятельности как квалифицированной юридической помощи, оказываемой на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, аналогичные разъяснения Верховный суд РФ дал и в отношении адвокатов.

---

¹⁵ Туманова Л.В. Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3.

¹⁶ Ботнев В.К. Квалифицированная юридическая помощь личности в системе конституционных гарантий (сравнительно-сопоставительный анализ в российской и зарубежной литературе // Омбудсмен. 2013. № 2.

¹⁷ Шереметова Г.С. Указ. соч.

Актуален и вопрос с участием в процессе органов юридического лица.

Классическая теория цивилистического процесса всегда стояла на позиции разграничения представительства и участия в процессе органов юридического лица¹⁸. Принятие Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» послужило толчком для продолжения дискуссии о том, является ли руководитель юридического лица его представителем или нет¹⁹. В юридической литературе по этому вопросу можно встретить самые различные суждения²⁰.

Полагаем, что точку в споре поставил КАС РФ, который был принят после внесения изменений в ГК РФ. Согласно ч. 5 ст. 54 КАС РФ административные дела организации могут вести в суде единоличный орган управления этой организацией или уполномоченные ею лица, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или учредительными документами организации, либо представители организации. По справедливому замечанию Н.А. Чудиновской, наличие союза «“либо” позволяет вывести орган юридического лица из числа его представителей и расценивать директора юридического лица именно как его орган, а не как представителя»²¹. По такому пути начинает складываться и судебная практика. Так, ООО «Липецкий региональный центр судебной экспертизы» обратилось в суд с административным иском о признании незаконным бездействия судебного пристава-исполнителя Октябрьского районного отдела службы судебных приставов УУФССП России по Липецкой области. Определением судьи административное исковое заявление вначале было оставлено без движения, а потом возвращено. Одним из недостатков административного искового заявления, по

---

¹⁸ Чудиновская Н.А. Институт представительства в современном цивилистическом процессе: некоторые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 10.

¹⁹ Суворов Е.Д. О правовой природе полномочий юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6.

²⁰ Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10; Тычинская Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / под ред. Л.Ю. Михеевой. М.: Статут, 2012. С. 57; Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002; Егоров А.В. Директор является представителем компании. Что это значит для оборота? // Арбитражная практика. 2015. № 1. Папченкова Е.А. Новый статус директора юридического лица. Как аналогичный вопрос решается в Германии // Арбитражная практика. 2015. № 1.

²¹ Чудиновская Н.А. Указ. соч.

мнению судьи, являлось неуказание сведений о высшем юридическом образовании директора общества. Такие сведения должны быть указаны в административном исковом заявлении, если административным истцом является гражданин (п. 2 ч. 2 ст. 125 КАС РФ).

Липецкий областной суд отменил определение суда первой инстанции и в апелляционном определении²² указал, что «требования к административному истцу представить сведения о высшем юридическом образовании директора ООО «Липецкий региональный центр судебной экспертизы» не основаны на законе. Директор общества с ограниченной ответственностью, являющийся единоличным исполнительным органом, в соответствии с решением единственного учредителя вправе вести административные дела организации от ее имени. Требования ч. 3 ст. 55 КАС РФ на единоличный орган управления этой организацией не распространяются». Таким образом, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что директор не является представителем общества с ограниченной ответственностью.

В деле по иску ООО «Липецкий региональный центр судебной экспертизы» имело место и другое нарушение процессуальных норм. Административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя не относятся к той категории административных дел, по которым КАС РФ предусмотрено обязательное участие представителя.

В заключение отметим, что автор не претендует на бесспорность своих выводов и полагает, что они послужат продолжению научной дискуссии по рассматриваемой проблематике.

Список литературы

1. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Городец, 2009.
2. Егоров А.В. Директор является представителем компании. Что это значит для оборота? // Арбитражная практика. – 2015. – № 1 // Консультант Плюс: справ. правовая система.
3. Иваненко Ю.Г. Административное судопроизводство: новые основы правоприменения // Судья. – 2015. – № 6.
4. Папченкова Е.А. Новый статус директора юридического лица. Как аналогичный вопрос решается в Германии // Арбитражная практика. – 2015. – № 1 // Консультант Плюс: справ.-правовая система.
5. Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «Квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. – 2007. – С. 25–27.

---

²² Апелляционное определение Липецкого областного суда от 16 декабря 2015 г. по делу № 33-а 3654 а / 2015 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

6. Суворов Е.Д. О правовой природе полномочий юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 6 // Консультант Плюс: справ.-правовая система.

7. Туманова Л.В. Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве// Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 3 // Консультант Плюс: справ.-правовая система.

8. Чудиновская Н.А. Институт представительства в современном цивилистическом процессе: некоторые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 10 // Консультант Плюс: справ.-правовая система.

9. Шереметова Г.С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе. – М.: Статут, 2015.

**Медиация в налоговом праве: вопросы правильности
и эффективности использования терминологии**

Исследованы особенности научного толкования понятия «налоговая медиация». Посредством сравнительного анализа институтов налоговой медиации и налогового мониторинга сформулирован вывод об ошибочности теоретического и практического использования данного понятия.

Features of scientific interpretation of the concept «tax mediations» are investigated. By means of the comparative analysis of institutes of tax mediation and tax monitoring a conclusion about an inaccuracy of theoretical and practical use of the concept «tax mediation» is formulated.

Ключевые слова: медиация, досудебное урегулирование споров, налоговый мониторинг, налоговые отношения, налогообложение.

Key words: mediation, pre-judicial settlement of disputes, tax monitoring, tax relations, taxation.

Динамичное развитие экономических отношений, влекущее за собой реформирование основ налогообложения, его правового регулирования, порождает необходимость создания и применения нового терминологического аппарата. Данное обстоятельство обуславливает анализ правильности его использования, оценки степени эффективности его применения.

В настоящее время в рамках научных исследований и практического применения активно используется понятие «налоговая медиация». Учеными обосновывается наличие подобного института в системе налогового права, доказываются необходимость его признания в целях оптимизации отношений между налогоплательщиком и государством, созданий равных условий для участия указанных субъектов в них [1, с. 29–34]. Многие из них опираются на опыт зарубежных государств, которые применяют медиацию для разрешения налоговых споров достаточно давно и успешно [6, с. 39–40].

Итак, медиация, закрепленная Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием

посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации), в общем смысле представляет собой досудебное урегулирование споров, применяемое в рамках гражданских, трудовых, семейных либо арбитражно-процессуальных отношений. Основными субъектами медиативных отношений являются спорящие стороны и лицо, в обязанности которого входит объективное разрешение спора, принятие взаимоприемлемого решения, именуемое медиатором.

Основной задачей медиации является принятие решения, удовлетворяющего интересы двух сторон спора без ущемления какой-либо из них.

Стороны обладают самостоятельностью в проведении процедуры, выборе медиатора, определении процессуальных правил, заключении медиативного соглашения и совершении иных действий. В рамках медиации спор урегулируется сторонами, и ответственность за итоговое решение также возлагается на них [3, с. 39]. Следовательно, основным принципом медиации следует признать равенство сторон и их самостоятельности.

Для признания института налоговой медиации необходимо ответить на вопрос о возможности проекции обозначенных общих правил медиации в плоскость налоговых отношений. Налоговый кодекс РФ закрепляет так называемую процедуру досудебного урегулирования споров, возникающих между государством и налогоплательщиком. В ч. 2 ст. 138 устанавливается возможность судебного обжалования актов налоговых органов ненормативного характера, действий или бездействий их должностных лиц (за исключением актов ненормативного характера, принятых по итогам рассмотрения жалоб, апелляционных жалоб, актов ненормативного характера федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, действий или бездействия его должностных лиц) исключительно после их обжалования в вышестоящий налоговый орган.

Подобное урегулирование нарушает обозначенный ранее принцип равенства, поскольку сама процедура осуществляется налоговыми органами, представляющими интересы государства. В рамках осуществления деятельности налоговых органов создается самостоятельное структурное подразделение – отдел досудебного урегулирования, т. е. решение принимает сторона, участвующая в налоговых отношениях, в рамках которых и возник спор, а не профессиональный посредник – третий субъект, не имеющий заинтересованности в результате процедуры.

Дискутируя о возможности становления института налоговой медиации, не следует забывать и о ч. 3 ст. 1 Закона о медиации, в которой прямо указывается на необходимость закрепления в отраслевом федеральном зако-

нодательстве (в данном случае – Налоговом кодексе РФ) возможности распространения положений Закона о медиации на сферу налогообложения. В настоящее время такая оговорка в законодательстве о налогах и сборах отсутствует, что можно рассматривать как правовое основание невозможности применения института медиации для разрешения налоговых споров. Доказывает полученный вывод и ч. 5 указанной статьи Закона о медиации, прямо запрещающая применение института медиации для разрешения споров, затрагивающих публичные интересы, обеспечение которых и есть цель налогообложения.

В то же время налоговая медиация в зарубежных государствах осуществляется профессиональными посредниками. Так, в Нидерландах в качестве медиаторов выступают специалисты Нидерландского института медиации, задачей которого является составление и поддержание официального реестра медиаторов [6, с. 40].

Достаточно богатый опыт альтернативного регулирования налоговых споров имеется в странах Северной Америки. Так, в США альтернативные способы разрешения налоговых споров достаточно разнообразны. Они дифференцированы внутри периода после подачи декларации по времени их осуществления: во время налоговой проверки; в период взимания налогов; постапелляционные процедуры [5, с. 32].

Следовательно, обозначать закрепленное в налоговом законодательстве досудебное урегулирование споров как налоговую медиацию крайне ошибочно как в теоретическом, так и практическом смысле. Применение подобного терминологического инструментария способно породить в налогоплательщике ошибочную уверенность в разрешении возникшего спора с налоговыми органами посредником, не имеющим заинтересованности в сущности результата разрешения спора, сформировать в его сознании позиции о синонимичности закрепленной в Налоговом кодексе РФ процедуры досудебного урегулирования споров с институтом альтернативного их разрешения.

Однако возможность применения процедуры, которая обеспечит интересы налогоплательщика до применения относительно него государственно-властных действий, законодательно установлена. Речь в данном случае идет о налоговом мониторинге, который в самом общем смысле следует рассматривать как процедуру, чье применение ориентировано на создание обоюдовыгодных условий и обстоятельств как для государства, так и для налогоплательщика в будущем.

Налоговый мониторинг рассматривается разд. V.2 Налогового кодекса РФ как форма налогового контроля. Согласно действующему законодательству налоговый мониторинг ориентирован на предварительную проверку деятельности налогоплательщика в целях выявления его потенциальных действий, которые повлекут нарушение законодательства о налогах и сборах. Говоря о значении налогового мониторинга, следует отметить позицию профессора Н.А. Саттаровой, приводящей следующие слова представителя Министерства финансов Нидерландов: «горизонтальный мониторинг совершенно не означает исчезновения вертикального надзора. Однако это значит, что вертикальный надзор применяется совместно с другими видами контроля, с более классическими методами... горизонтальный мониторинг – это не чудотворное лекарство. Горизонтальный мониторинг подходит для определенной группы налогоплательщиков. Другие налогоплательщики не заслуживают горизонтального мониторинга... Большинство налогоплательщиков хотят исполнить свои налоговые обязательства. Однако общество без грязных денег – сказка. Несколько предприятий будут совершать мошенничество. Такие налогоплательщики заслуживают вертикального контроля. Для них принудительные меры остаются необходимостью. Горизонтальный мониторинг является следствием изменения в обществе, при котором граждане принимают личную ответственность. У граждан растет сознание значения соблюдения закона. Горизонтальный мониторинг означает брать на себя ответственность и ожидать того же от других, создание культуры консультирования, сотрудничества, участия и, прежде всего, доверия. Взаимная транспарентность, взаимное понимание и взаимное доверие» [4, с. 23].

Особенность данной формы налогового контроля заключается в возможности его применения в отношении строго ограниченного круга субъектов, которые соответствуют требованиям, закрепленным в ч. 3 ст. 105.26 Налогового кодекса РФ. Данные требования касаются объемов уплаченных налогов, совокупного дохода и суммы активов. Следует отметить также достаточно большой срок его проведения – 21 месяц.

Основная цель введения в 2104 г. нового института заключается в создании партнерских отношений между налоговым органом и налогоплательщиком, формирование взаимовыгодной среды для сотрудничества государства и хозяйствующих субъектов. Ее достижение обеспечено, в том числе, и Приказом ФНС России от 7 мая 2015 г. № ММВ-7-15/184@ «Об утверждении форм документов, используемых при проведении налогового мониторинга, и требований к ним», регламентирующим информационного взаимодействие в рамках налогового мониторинга.

Результатом проведения процедуры налогового мониторинга является мотивированное мнение, составляемое в порядке, закрепленном в ст. 105.30 Налогового кодекса РФ, составляемое как по решению налогового органа, так и по запросу организации, относительно которой проводится процедура налогового мониторинга. Оно должно отражать позицию налогового органа по вопросам правильности исчисления (удержания), полноты и своевременности уплаты (перечисления) налогов и сборов.

Думается, что постановке многими учеными знака равенства между понятиями «налоговая медиация», «альтернативное разрешение налоговых споров», «налоговый мониторинг» способствует название ст. 105.31 Налогового кодекса РФ «Взаимосогласительная процедура». Поскольку основной целью медиации в целом признается принятие сторонним субъектом решения, удовлетворяющего интересы всех спорящих сторон, то и словосочетание «взаимосогласительная процедура» ошибочно рассматривается как обоюдое выгодное разрешение споров. В данном случае следует отметить отсутствие самого факта спора между налогоплательщиком и налоговым органом в случае применения налогового мониторинга.

Возможно, что применение процедуры налогового мониторинга позволит предотвратить возникновения спора, но нельзя исключать ситуацию, в рамках которой налогоплательщик будет осуществлять деятельность в строгом соответствии с действующим законодательством о налогах и сборах, вследствие чего спор не возникнет вовсе.

Проведенный анализ также доказывает, что признавать налоговый мониторинг аналогом медиативных процедур не представляется возможным. Можно считать, что налоговый мониторинг – инструмент эффективного взаимодействия между налоговым органом и налогоплательщиком, ориентированном на предотвращение совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, воспитание в налогоплательщике правовой культуры. Иначе говоря, данный институт представляет собой превентивную меру в системе становления налоговой дисциплины.

В завершение необходимо отметить, что вольное использование юридической терминологии, искажение ее трактования в рамках налоговых отношений влекут за собой ошибки правоприменительного характера, негативно сказывающиеся на оптимизации налоговой системы, объективно являющейся базовым элементом национальной экономики и ведущим условием ее дальнейшего реформирования. Следует констатировать, что налогообложение, взаимоотношения между налогоплательщиком и государством – область, в которой применение примирительных процедур посредством неза-

висимого посредничества фактически невозможно в силу повышенной заинтересованности государства в реализации фискальной функции налога, ориентированности в кризисных условиях на повышение уровня собираемости налогов в бюджеты всех уровней бюджетной системы РФ.

Формулу «о налогах не договариваются» следует рассматривать в качестве концентрированного выражения сущности вопроса [5, с. 31]. Требование налогового органа и налоговое обязательство, как неоднократно указывал Конституционный суд РФ, следуют не из договора, а из закона. Налоговые правоотношения основаны на властном подчинении одной стороны другой: «...они предполагают субординацию сторон, одной из которых – налоговому органу, действующему от имени государства, – принадлежит властное полномочие, а другой – налогоплательщику – обязанность повиновения» [3].

Но если же и допускать появление возможности разрешения споров, возникающих между налогоплательщиком и государством, исключаящей императивное начало, то это должен быть качественно новый налогово-правовой институт, который получит дополнительное закрепление в Налоговом кодексе Российской Федерации.

Список литературы

1. Аракелова М.В. Медиация как способ урегулирования налоговых споров // Финансовое право. – 2015. – № 6.
2. Понасюк А.М. Медиация как альтернатива и дополнение к судопроизводству // Мировой судья. – 2012. – № 10.
3. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного суда РФ от 17 дек. 1996 г. № 20-П
4. Саттарова Н.А. Горизонтальный мониторинг как фактор эффективности налогового администрирования // Финансовое право. – 2014. – № 10.
5. Хаванова И.А. К вопросу об альтернативных способах разрешения налоговых споров в США и Канаде // Финансовое право. – 2015. – № 9.
6. Шередко Е.В. Медиация в налоговом споре: опыт зарубежных стран // Финансовое право. – 2012. – № 8.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.91/95

М. Ю. Порохов, А. Н. Порохова

Отдельные проблемы, возникающие при реализации права на судебную защиту

В настоящей статье рассматриваются проблемы правового регулирования досудебного порядка урегулирования спора как обязательного условия принятия искового заявления к производству суда. Исследуется вопрос недостаточной конкретизации норм процессуального законодательства, предлагается устранение недостатков путем внесения ряда изменений.

The problems of the legal adjusting of pre-trial order of settlement of dispute are examined in the real article, as an obligatory condition of acceptance of point of claim to the production of court. Authors are investigate the question of insufficient specification of norms of judicial legislation and the removal of defects is offered by bringing of row of changes.

Ключевые слова: досудебный порядок, оставление без движения, оставление без рассмотрения, обжалование определения.

Key words: pre-trial order, abandonment without motion, abandonment without consideration, appeal of determination.

В качестве одного из условий для реализации права на обращение с иском заявлением в суд с целью разрешения конфликтной ситуации и решения вопроса о восстановлении своего нарушенного права в ряде случаев процессуальным законодательством предусмотрена обязанность досудебного урегулирования спора. Данный тезис подтверждает закрепление в АПК РФ и ГПК РФ неблагоприятных процессуальных последствий за несоблюдение досудебного порядка.

АПК РФ устанавливает обязанность суда по оставлению искового заявления без движения на стадии рассмотрения вопроса о его принятии к производству, в случае выявления отсутствия среди приложенных документов подтверждения соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, с

предоставлением заявителю возможности устранения допущенных нарушений путем представления соответствующих документов в определенный срок. Только в случае невыполнения возложенной на заявителя обязанности арбитражный суд может возвратить исковое заявление с вынесением соответствующего определения. Таким образом, заявителю предоставлена возможность избежать возвращения искового заявления, к примеру путем направления им соответствующего требования другой стороне в срок, обеспечивающий получение ответа до момента истечения срока определенного судом, и представления суду соответствующего документального подтверждения либо разъяснений относительно формы и порядка соблюдения досудебного порядка урегулирования спора в конкретном случае. Следует отметить, что оставление искового заявления без движения по основаниям отсутствия сведений о соблюдении обязательного досудебного порядка урегулирования спора имеет льготный характер и направлено на скорейшее рассмотрение дела судом, так как представление указанных подтверждающих документов вместе с исковым заявлением может существенно ускорить процедуру подготовки дела к судебному разбирательству.

Гражданским процессуальным законодательством также закреплены требования, предъявляемые к форме и содержанию искового заявления, а также к документам его приложения, несоблюдение которых влечет оставление искового заявления без движения. Так, ст. 131 ГПК РФ устанавливает, что в текст искового заявления надлежит включить сведения о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это установлено федеральным законом или предусмотрено договором сторон, а ст. 132 ГПК РФ обязывает предоставить документ, подтверждающий изложенные в исковом заявлении такие сведения. Однако законодателем предусмотрены и иные последствия непредставления заявителем указанных сведений и документов при подаче искового заявления.

При получении искового заявления, суд обязан разрешить вопрос о его принятии к производству при наличии на то достаточных оснований, а в случае установления нарушений, предусмотренных ст. 135 ГПК РФ, должен возвратить исковое заявление заявителю, указав основания возвращения и разъяснив право повторного обращения с соответствующим исковым заявлением при условии устранения допущенных нарушений. При этом следует обратить внимание на выделение в качестве отдельного основания для возвращения иска установление нарушения заявителем досудебного порядка урегулирования спора. Тем самым законодателем предоставлена возможность суду на стадии оценки искового заявления разрешить вопрос о его воз-

вращении по причине отсутствия указаний в исковом заявлении на досудебное урегулирование спора, не предоставляя возможности заявителю устранить такого рода нарушение.

Вследствие изложенного становится непонятно, каким именно образом должен поступить суд при получении искового заявления, не содержащего в себе указание на досудебное урегулирование сторонами спорного вопроса. С одной стороны, отсутствие необходимых сведений должно послужить причиной для оставления заявления без движения, с другой же стороны, суд вправе, минуя эту стадию, сразу вынести определение о возвращении искового заявления. Указанная двойственность последствий одного и того же нарушения влечет нарушение судами принципа единообразия правоприменения, что недопустимо в силу основополагающих начал судопроизводства.

Как справедливо было отмечено Т.В. Соловьевой: «оставление искового заявления без движения – это промежуточный этап между подачей искового заявления и возвращением искового заявления. При этом под промежуточным этапом стоит понимать одну из подстадий реализации права на судебную защиту» [7]. С целью урегулирования данного вопроса необходимо четкое закрепление алгоритма действий суда в случае обнаружения указанных нарушений.

Так, для предотвращения ограничения прав заявителя на устранение допущенных формальных нарушений оформления искового заявления путем возвращения такого искового заявления судом, по результатам рассмотрения возможности его принятия к производству, с указанием на пп. 1 п. 1 ст. 135 ГПК РФ, а также с целью последовательного разрешения судом вопроса о надлежащем соблюдении заявителем предусмотренных законодательством досудебных процедур полагается необходимым исключение из указанной нормы положения: «истцом не соблюден установленный федеральным законом для данной категории споров или предусмотренный договором сторон досудебный порядок урегулирования спора» и изложения в редакции: «1. если истец не представил документы, запрошенные судом, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком, если это предусмотрено федеральным законом для данной категории споров или договором».

Таким образом, при изложении пп. 1 п. 1 ст. 135 ГПК РФ в указанной редакции положения данной нормы будут полностью согласованы с п. 2 ст. 136 ГПК РФ, устанавливающим последствия неустранения допущенных нарушений, на которые ранее было указано судом заявителю при оставлении искового заявления без движения.

В связи с многообразием судебной практики и различием в подходах к рассмотрению судами вопроса о надлежащем оформлении исковых заявлений, процессуальным законодательством предусмотрены случаи, когда выявление невыполнения обязательного досудебного порядка имеет место уже после принятия искового заявления и возбуждения производства по делу. Так, АПК РФ и ГПК РФ закрепляют обязанность суда по оставлению искового заявления без рассмотрения (абз. 2 ст. 222 ГПК РФ; п. 2 ст. 148 АПК РФ) путем вынесения соответствующего определения. Однако, в случае принятия искового заявления к рассмотрению, прежде чем прекратить производство по заявлению со ссылкой на допущенные нарушения заявителем, суду надлежит определить обязательный характер претензионного урегулирования спора.

Необходимость соблюдения досудебного порядка согласно ст. 222 ГПК РФ должна быть установлена действующим федеральным законом или посредством закрепления такой необходимости условиями договора. При этом досудебный порядок урегулирования спора можно признать установленным только в случае, если в нормативных документах либо договорах определены конкретные требования к форме требования разрешения разногласий, а также порядку и срокам его предъявления и рассмотрения. Иной досудебный порядок можно признать установленным, если нормативные документы либо договор содержат четкую запись об установлении такого порядка. Установление претензионного порядка предполагает формулирование определенной процедуры, т. е. порядка совершения конкретных действий до обращения в суд, и должно содержать указание на то, в какие сроки, кем и кому (в какое подразделение, службу) должна направляться претензия, с приложением каких документов, каким органом должна рассматриваться.

Обращаясь к судебной практике, видно, что судами различных уровней не всегда правильно определяется императивность требования о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора. Так, в одних случаях судебные органы признают обязательный характер досудебного урегулирования сложившейся спорной ситуации, когда такового не предусмотрено ни соглашением сторон, ни нормами действующего законодательства, в иных же случаях, напротив, рассматривают споры при отсутствии соблюдения сторонами установленной процедуры разрешения конфликта.

Например, по спорам о взыскании в пользу государства ущерба, причиненного лесному фонду, обязательный досудебный порядок урегулирования спора не предусмотрен. В то же время, оставляя без рассмотрения исковое заявление Росприроднадзора по Астраханской области к муниципальному учреждению арбитражным судом указано, что «Истец не предло-

жил возместить вред в добровольном порядке», на основании чего сделан вывод о несоблюдении истцом порядка досудебного (претензионного) урегулирования спора. Законность постановления апелляционной инстанции была проверена арбитражным судом кассационной инстанции, и по результатам постановления признано подлежащим отмене, вследствие чего указано, что на основании п. 1 ст. 100 Лесного кодекса РФ лица, причинившие вред лесам, возмещают его добровольно или в судебном порядке [6]. Таким образом, вышестоящим судом указано на законодательное закрепление альтернативного способа процедуры восстановления нарушенного права истца, что соответственно исключает обязательный характер досудебного урегулирования.

Раменский городской суд Московской области, оставляя исковое заявление кредитной организации без рассмотрения, пришел к выводу о несоблюдении истцом претензионного досудебного порядка при подаче искового заявления, предусмотренного положениями условий предоставления и обслуживания кредитов, в соответствии с которыми между сторонами был заключен кредитный договор. Между тем судебная коллегия с данным выводом не согласилась, в обоснование чего было указано, что положения документа действительно указывают на то, что при возникновении задолженности кредитор вправе потребовать возврата клиентом сумм такой задолженности и штрафных санкций в судебном порядке, однако наличие данного условия не свидетельствует о достижении сторонами соглашения о порядке досудебного урегулирования спора, обязательного к исполнению до обращения в суд, поскольку порядок действий является правом финансовой организации, а не его обязанностью. Также коллегией указано, что ГК РФ не предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования споров о взыскании кредитной задолженности по кредитным договорам, в связи с чем такие требования не могут быть оставлены судом без рассмотрения в соответствии с абз. 2 ст. 222 ГПК РФ.

Кроме досудебного претензионного порядка урегулирования спора, законом может быть установлена обязательная последовательность обращения за защитой в определенные юрисдикционные органы. Несоблюдение этой последовательности ведет к нарушению правил императивной подведомственности, ввиду чего заявление должно быть оставлено без рассмотрения, независимо от того, утрачена или нет возможность истца на соблюдение претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком [8, с. 17–25].

Безусловно, досудебное урегулирование как способ устранения разногласий главным образом предусмотрено для сферы финансовых отношений и

сферы оказания услуг, однако должное внимание следовало бы уделить и спорам, касающимся сферы семейных правоотношений как наиболее значимой для каждого субъекта общества.

Семейным законодательством предусмотрено право ребенка на общение с родителями и близкими родственниками, производным от которого также является право родственников на поддержание семейных отношений с несовершеннолетним. Реализация указанных прав зачастую становится затруднительной, а нередко и совсем невозможной из-за разрыва семейных отношений родителей в случаях расторжения ими брака, признания его недействительным или прекращения фактических семейных отношений. Так, например, судебная практика содержит немало дел, связанных с определением порядка общения родителя, проживающего отдельно после расторжения брака, с ребенком вследствие создания препятствий со стороны второго родителя к такому общению. Семейное законодательство при этом указывает на возможность обращения в суд за защитой своих прав без каких-либо дополнительных досудебных процедур. Таким образом, судебными органами принимаются иски о признании к производству, а фактические обстоятельства гражданских дел выясняются судом уже в процессе судебного разбирательства.

В свою очередь, если препятствия в общении создаются со стороны родителей (родителя) родственникам ребенка, то обращение последних в суд по смыслу ст. 67 СК РФ возможно только для тех, кто относится к категории «близких» и связано с необходимостью соблюдения предварительного внесудебного порядка [9, с. 72–77].

Исходя из смысла ст. 67 СК РФ следует, что закрепленное в статье право на общение с ребенком его дедушки, бабушки, братьев, сестер и других родственников направлено на защиту их взаимных интересов. В случае если родители препятствуют дедушке или бабушке видеть своих внуков, полномочиями по разрешению подобных спорных ситуаций наделен орган опеки и попечительства, который может обязать родителей не препятствовать общению близких родственников с ребенком. Порядок их общения (время, место, продолжительность и т. п.) в таких случаях определяется решением (распоряжением) органа опеки и попечительства. Для вынесения решения о нечинении препятствий общению орган опеки и попечительства должен установить тот факт, что родители (родитель) не создают родственникам условий для общения с ребенком, т. е. необходимо установить факт нарушения субъективного права заявителя [1, с. 2–4].

В случае если родители не подчинятся решению, близкие родственники или орган опеки и попечительства вправе обратиться в суд с иском об уст-

нении препятствий к общению с ребенком. Таким образом, законодателем установлена возможность рассмотрения судами дел, касающихся требований об обязанности родителей не чинить препятствия близким родственникам в общении с несовершеннолетними, а не требований об установлении порядка такого общения.

Представляется, что данный механизм восстановления нарушенного права наиболее правильный и связан с исполнением своей функции органа опеки и попечительства, одним из полномочий которых является представление законных интересов несовершеннолетних граждан в отношениях с любыми лицами, если действия опекунов или попечителей по представлению законных интересов противоречат законодательству Российской Федерации и (или) законодательству субъектов Российской Федерации, или интересам подопечных, либо если опекуны или попечители не осуществляют защиту законных интересов подопечных.

Исходя из судебной практики видно, что указанная категория дел принимается к рассмотрению судами с двойственным трактованием предписаний ст. 67 СК РФ. Так, принимаются к рассмотрению иски о заявлении об определении порядка общения с ребенком, доводы заявителя по которым сводятся к установлению порядка, времени и места общения бабушек и дедушек с несовершеннолетними. При этом в исковых заявлениях указывается на обращение истца в орган опеки и попечительства, однако не представляются доказательства установления порядка общения членов семьи и факта нарушения такого порядка ответчиками, т. е. родителями несовершеннолетних.

К примеру, определением Октябрьского районного суда г. Рязани от 15 мая 2009 г. по результатам изучения искового заявления и доводов истца, обосновывающих необходимость установления порядка общения с несовершеннолетними, исковое заявление оставлено без рассмотрения, в обоснование чего указано на несоблюдение обязательного досудебного порядка разрешения вопроса. При этом апелляционным судом при оставлении определения в силе указано на верное истолкование судом первой инстанции положений семейного законодательства и сделан вывод о необходимости досудебного урегулирования путем обращения заявителя за разрешением вопроса в органы опеки и попечительства [4].

Вместе с тем апелляционным определением Московского городского суда от 18.11.2014 по делу № 33-45691/14 было отменено определение суда первой инстанции об оставлении искового заявления без рассмотрения по аналогичному делу, в обоснование чего судом указано на отсутствие обязанности заявителя в досудебном порядке урегулировать спор, кроме того, раз-

яснено, что приведенная норма ст. 67 СК РФ не является по своему содержанию императивной и не препятствует обращению заявителя в суд за судебной защитой.

Отсутствие единого подхода к разрешению вопроса соответствия исковых заявлений требованиям процессуального и семейного законодательства служит основанием обжалования определений судов первой инстанции. При этом процессуальным законодательством установлены отличия судебных определений от решений, которые раскрываются возможностью обжалования данных актов. Обжалование определений отдельно от решений возможно в случаях, прямо предусмотренных законом, или когда определения преграждают дальнейшее движение дела.

В приведенных случаях правоприменительной практики обжалование соответствующих определений суда первой инстанции было возможно в силу ч. 1 ст. 331 ГПК РФ, так как определения суда исключали возможность дальнейшего движения дела.

Указанной статьей процессуального закона установлено, что на остальные определения суда первой инстанции частные жалобы не подаются, но возражения относительно них могут быть включены в апелляционную жалобу (ч. 3 ст. 331 ГПК) [2, с. 25–30].

Таким образом, при возникновении ситуации, когда ответчик по делу приводит доводы о несоответствии искового заявления предъявляемым законом требованиям, в частности о несоблюдении истцом обязательного досудебного порядка урегулирования спора, и заявляет ходатайство об оставлении искового заявления без рассмотрения, в случае отказа в его удовлетворении судом лишен возможности оспорить соответствующее определение путем подачи частной жалобы, так как оно не подпадает под требования ст. 331 ГПК РФ. Обжалование же решения суда с указанием на нарушение норм процессуального права, выразившемся в неприменении или неправильном применении положений процессуального законодательства, которое при подаче и рассмотрении частной жалобы могло бы быть устранено, видится неэффективным в силу временных рамок устранения соответствующих нарушений.

Указанное ограничение возможности обжалования отказа суда в удовлетворении ходатайства может послужить причиной нарушения принципа процессуального равноправия сторон, что недопустимо ввиду его закрепления гарантией справедливого судебного разбирательства. Как было указано в постановлении Пленума Верховного суда РФ, в силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) каж-

дому делу должно быть обеспечено равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств [5]. При существующем закреплении права на обжалование отдельных судебных определений в равной правовой ситуации сторона, в пользу которой вынесено определение об отказе в удовлетворении ходатайства другой стороны, находится в более выигрышном, «безапелляционном» положении.

Кроме того, по причине нечеткого правового закрепления возможности обжалования определений суда первой инстанции, зачастую допускаются ошибки в разъяснении права на обжалование указанных судебных постановлений. Так, Кировским районным судом Санкт-Петербурга было вынесено определение об отказе ответчику по делу в удовлетворении ходатайства об оставлении искового заявления без рассмотрения, со ссылкой на несостоятельность доводов заявителя, при этом судом разъяснено право на обжалование указанного определения отдельно от решения суда с установлением срока на подачу частной жалобы, предусмотренного ст. 332 ГПК РФ [3].

При этом, руководствуясь ст. 334 ГПК РФ при рассмотрении частной жалобы, апелляционным судом указанные нарушения процессуального права должны быть устранены путем отмены только части определения суда первой инстанции, что не разрешает предмет ходатайства по существу.

На основании вышеизложенного необходимо урегулировать вопрос о возможности обжалования текущих определений, которыми судом отказано в удовлетворении ходатайства об оставлении искового заявления без рассмотрения, по причине несоблюдения истцом досудебного порядка урегулирования спора.

Список литературы

1. Букшина С.В. Право ребенка на общение и механизм его осуществления // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 2. – С. 2–4.
2. Нагайцев В.Г. Определение суда как процессуальный акт мирового судьи: приглашение к дискуссии // Мировой судья. – 2015. – № 8. – С. 25–30.
3. Определение Кировского районного суда Санкт-Петербурга от 27.10.2015 по делу № 2-6382/2015 // Архив Кировск. районного суда Санкт-Петербурга.
4. Определение Рязанского областного суда от 17.06.2009 № 33-978 // Консультант Плюс: справ.-правовая система (дата обр.: 01.11.2015).
5. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) // Рос. газета. – № 247, 28.12.1995.

6. Постановление ФАС Поволжского округа от 10.01.2008 по делу № А06-2326/07-7 // Консультант Плюс: справ.-правовая система (дата обр.: 01.11.2015).
7. Соловьева Т.В. Институт возвращения искового заявления: сравнит.-ист. аспект // Юрид. образование и наука. – 2009. – № 1.
8. Степанян Ш.У. Некоторые вопросы судебной практики оставления заявления без рассмотрения // Мировой судья. – 2015. – № 5. – С. 17–25.
9. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. К вопросу о субъектном составе споров об определении порядка общения с ребенком // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 7. – С. 72–77.

**Проблемы имплементации Европейской конвенции
о защите прав человека и основных свобод
в российскую правовую систему в условиях активизма
Европейского суда по правам человека**

Имплементация Европейской конвенции в национальный правовой порядок должна происходить исходя из принципа верховенства Конституции РФ. С учетом особой значимости правоотношений, складывающихся в процессе реализации ЕКПЧ, обосновывается необходимость выработки законодательного акта, регламентирующего процесс имплементации ЕКПЧ в российскую правовую систему.

Implementation of the European Convention in the national legal order should be based on the principle of supremacy of the Constitution of the Russian Federation. In view of the special significance of relations emerging in the process of implementing the Convention, justified the need for a creating of a legislative act for regulating the implementation process of the European Convention in the Russian legal system.

Ключевые слова: Европейская конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека, имплементация ЕКПЧ, исполнение постановлений ЕСПЧ, активизм, консультативные заключения, закон об исполнении актов ЕСПЧ.

Key words: European Convention on Human Rights, European Court of Human Rights, implementation of the ECHR, execution of judgments of the ECtHR, activism, advisory opinions, the law on execution of the ECtHR acts.

Одной из актуальнейших и наиболее остро обсуждаемых проблем, связанных с имплементацией положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ (далее – ЕКПЧ) в национальные правовые системы, а также с реализацией актов Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), на сегодняшний день является феномен активизма Европейского суда или так называемый «судейский активизм». Использование термина «судейский активизм» применительно к деятельности ЕСПЧ прочно

© Федосеева Е. С., 2016

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

вошло в практику обсуждения процесса толкования судом положений Конвенции, реализуемого в процессе разрешения споров.

Как известно из истории создания ЕКПЧ утвержденный в 1951 г. по результатам дебатов текст Конвенции стал результатом определенных компромиссов, достигнутых странами – участницами ЕКПЧ, приемлемых для всех подписавших, в частности перечень прав, гарантируемых Конвенцией, представлял собой простое перечисление данных прав без детализации и раскрытия содержания каждого. В дальнейшем указанный перечень прав неоднократно дополнялся путем принятия протоколов. Таким образом, ЕКПЧ исторически присуще такое своеобразие, как ее содержательная подвижность, проявляющаяся в том, что на протяжении всего времени существования Конвенции ее текст неоднократно дополнялся путем принятия протоколов, а гарантированные ЕКПЧ права и свободы сформулированы таким образом, что требуют толкования в целях их применения к конкретным ситуациям, изложенным в жалобах, и адаптации к правовой действительности, существующей в тот или иной временной отрезок. Сам ЕСПЧ в своей прецедентной практике характеризует Конвенцию, как «живой инструмент», который должен толковаться в свете условий сегодняшнего дня². В этой связи Европейский суд в процессе правоприменительной деятельности наполняет емко сформулированные положения ЕКПЧ широким содержанием, на которое суд сам ориентируется при разрешении спора, проявляя тем самым определенный судейский активизм, который определенно имеет как негативные, так и положительные последствия.

В то время как ЕСПЧ рассматривает свою активность в качестве необходимого инструмента адаптации конвенционных гарантий к правовой и социальной действительности, не все государства-участники готовы согласиться с таким толкованием прав, гарантированных ЕКПЧ и имплементированных в их правовые системы, которое идет вразрез с конституционным смыслом, придаваемым этим правам. Как замечено А.И. Ковлером, «функция новаторского толкования положений Конвенции, составленной в 1950 г., придает Суду определенные функции нормотворчества, но эти функции

---

² См., напр.: По делу «Тайгер против Соединенного Королевства» (Tyger v. United Kingdom, № 5856/72): постановление ЕСПЧ от 25.04.1978 г. URL: <http://hudoc.echr.coe.int>. Дата обр. 02.12.2015, По делу «О'Киф против Ирландии» (O'Keefe v. Ireland, № 35810/09): постановление ЕСПЧ от 20.02.2014 г. URL: <http://hudoc.echr.coe.int>. Дата обр.: 02.12.2015.

рискуют превысить пределы компетенции Суда, которыми его наделили Высокие Договаривающиеся Стороны»³.

Российская Федерация уже не единожды столкнулась с проблемой различного понимания прав и свобод, представленного в практике ЕСПЧ и в том виде, как эти права представлены в национальном законодательстве. Примерами выявления подобной коллизии толкования прав, гарантированных ЕКПЧ, относительно РФ являются постановления ЕСПЧ по делам «Маркина против России»⁴ и «Анчугова и Гладкова против России»⁵. Реакцией со стороны РФ на данные постановления ЕСПЧ явилось вынесение Конституционным судом Российской Федерации (далее – КС РФ) постановлений от 06.12.2013 № 27-П⁶ и от 14.07.2015 № 21-П⁷.

Как известно, в постановлении от 14.07.2015 № 21-П КС РФ признал наличие неисполнимых решений ЕСПЧ – если постановление суда, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений ЕКПЧ, приводящем к их противоречию с Конституцией РФ, такое постановление не может быть исполнено.

Указанная позиция обосновывается тем, что с целью эффективной реализации гарантированных Конвенцией прав во избежание необоснованного вторжения международного органа в конституционную идентичность государства, толковать ЕКПЧ необходимо не только в свете современных право-

---

³ *Ковлер А.И.* Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы // Рос. ежегодн. Европейской конвенции по правам человека. М.: Статут, 2015. Вып. 1: Европейская конвенция: новые «старые» права. URL: <http://base.consultant.ru>. Дата обр.: 02.12.2015.

⁴ По делу «Маркин против России» (Konstantin Markin v. Russia, № 30078/06): постановление ЕСПЧ от 07.10.2010 г. URL: <http://hudoc.echr.coe.int>. Дата обр. 02.12.2015.

⁵ По делу «Анчуглов и Гладков против Российской Федерации» (Anchugov and Gladckov v. Russia, № 11157/04, 15162/05): постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 г. // URL: <http://base.consultant.ru>. Дата обр. 02.12.2015.

⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного суда РФ от 06.12.2013 № 27-П // СЗ РФ. 16.12.2013. № 50. Ст. 6670.

⁷ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СЗ РФ. 27.07.2015. № 30. Ст. 4658.

вых и социальных реалий, но и с учетом национальных правовых и социокультурных особенностей того или иного государства-участника. Закрепленное в Конституции РФ правило приоритетности норм международного договора над нормами национального законодательства не исключает основополагающее значение Конституции для национально правовой системы как акта, устанавливающего основы политической, правовой и экономической систем государства и сам статус международных договоров. Безусловно, ЕСПЧ должен с особой осторожностью подходить к вопросам толкования, к примеру, таких прав, как избирательные, регулирующие порядок избрания электоратом политиков, предопределяя тем самым курс развития своей страны.

Вместе с тем следует заметить, что из текста постановления по делу «Анчугов и Гладков против России» следует, что в рассматриваемом случае ЕСПЧ усматривается нарушение норм ЕКПЧ ввиду непропорционального подхода российского законодателя к лишению своих граждан избирательного права, а не ввиду наличия в Конституции РФ положения, запрещающего избирать лицам, находящимся в местах лишения свободы по приговору, как такового. Кроме того, суд указал возможные способы преодоления выявленной непропорциональности к подходу ограничения избирательных прав в РФ, отметив особую роль Конституционного суда в этом вопросе.

В целях осуществления эффективного конституционного контроля КС РФ уполномочен на толкование Конституции, обеспечивая тем самым, с одной стороны, стабильность конституционных положений, а с другой стороны – динамизм правового регулирования Основного закона страны. Безусловно, проявление КС РФ законодательной инициативы в процессе толкования Основного закона противоречит принципу разделения властей. Вместе с тем суть конституционных норм того или иного государства состоит в том, что они есть результат отражения социальной реальности с присущими ей историко-политическими особенностями. Присущее социальной реальности свойство прогрессивной изменчивости может потребовать модернизации основ правовой государственности с целью их адаптации к современным условиям. В этой связи справедливо замечание Н.В. Витрука о том, что толкование отдельных положений Конституции РФ практически невозможно осуществить, не формулируя новых положений нормативного характера, имеющих юридическую силу, равную юридической силе самой Конституции⁸.

---

⁸ См.: *Витрук Н.В.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ: понятие, правовая природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сб. докл. М., 1999. С. 100.

Следует заметить, что по своей инициативе толковать Основной закон КС РФ не вправе. В этой связи, возвращаясь к вопросу исполнения актов ЕСПЧ, необходимо заметить, что реализация актов суда – это обязанность государства в лице всех его органов власти.

Помимо сказанного, хотелось бы упомянуть, что для устранения противоречий в толковании норм ЕКПЧ о защите прав человека и основных свобод необходим хорошо налаженный механизм коммуникации государств – участников Конвенции и ЕСПЧ. По нашему мнению, предусмотренная Протоколом № 16 к ЕКПЧ возможность обратиться в суд за заключением по вопросам толкования принципов ЕКПЧ является целесообразным шагом на пути устранения разночтений в толковании прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Представляется, что такой подход в случае его добросовестной реализации позволит превентивно реагировать на возможные нарушения положений Конвенции.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что активизм ЕСПЧ – явление объективно обусловленное правовым положением данного международного судебного органа как единственно уполномоченного давать официальное толкование ЕКПЧ. Положительным итогом проявления активизма суда является адаптация имеющих долговременную историю правовых гарантий Конвенции к правовой действительности значительного числа государств, отличных друг от друга своими правовыми системами, историей и социокультурными традициями, путем эволюционного толкования ЕКПЧ. Присущее прецедентному характеру деятельности суда правотворчество обеспечивает динамичность Европейской конвенции как источника международного права прав человека, которая объединила 47 независимых государств общей целью – защитой прав и свобод человека и гражданина. По нашему мнению, активизм ЕСПЧ это естественный положительный результат предоставленных ему Конвенцией полномочий. Однако, безусловно, такой активизм не должен наносить ущерб суверенитету Высокой Договаривающейся Стороны.

Имплементация положений Конвенции в национальную правовую систему неразрывно связана с процессом реализации актов ЕСПЧ.

Пунктом 4 ч. 2 ст. 311 АПК РФ⁹, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ¹⁰ с целью реализации актов ЕСПЧ предусмотрен механизма пересмотра дел по новым обстоятельствам.

---

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

При пересмотре дел по новым обстоятельствам в связи с вынесением акта Европейским судом, российским судьям следует иметь в виду постановление КС РФ от 06.12.2013 № 27-П, которым разъяснен порядок действий суда общей юрисдикции в случае, если суд придет к выводу о невозможности рассмотреть дело без признания несоответствующими Конституции РФ законоположений, относительно которых ранее КС РФ констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле. Кроме того, необходимо учитывать постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П в соответствии с которым, если постановление ЕСПЧ, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции, приводящем к их противоречию с Конституцией РФ, такое постановление не может быть исполнено.

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 21¹¹ разъяснено, что основанием для пересмотра судебного акта ввиду новых обстоятельств является не всякое, установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции или протоколов к ней и приведен перечень оснований, наличие которых обуславливает необходимость пересмотра дела.

Трудно недооценить значимость данных постановлений высших судов с точки зрения процессуального регулирования порядка исполнения постановлений ЕСПЧ. Таким образом, правовые положения, регулирующие порядок имплементации положений ЕКПЧ, находятся в разных актах, что свидетельствует о разрозненности правового регулирования данного процесса. Более того, в случае присоединения РФ к Протоколу № 16 к ЕКПЧ потребуются разъяснение порядка действий высших российских судов при обращении за запросом в Европейский суд. Очевидно, такое разъяснение также пополнит ряд правовых позиций, регулирующих отношения, связанные с реализацией Российской Федерацией норм Конвенции.

Для законодательного и организационного обеспечения исполнения решений Европейского суда И.В. Рехтиной, А.Р. Султановым высказано предположение о необходимости принятия федерального закона об исполнении постановлений Европейского суда, вынесенных в отношении России¹².

---

¹⁰ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

¹¹ О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 21 // РГ. 05.07.2013. № 145.

¹² См.: *Рехтина И.В.* Постановление Европейского суда по правам человека – новое обстоятельство для пересмотра судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Со-

Д.Т. Караманукяном в качестве альтернативы принятию федерального закона об исполнении актов суда, в частности предлагалось внести соответствующие изменения в Федеральный закон «Об исполнительном производстве»¹³.

Неопределенность правового статуса актов ЕСПЧ для правовой системы РФ, разброс правовых позиций, регламентирующих процедуру пересмотра дел по новым обстоятельствам в связи с установлением судом нарушения конвенционных норм, влечет затруднительность реализации мер индивидуального и общего характера, требуемых от государства, нарушившего положения ЕКПЧ. Указанная проблематика актуальна как с точки зрения процессуального реагирования судебной власти в ходе реализации мер индивидуального характера, так и в применении мер общего характера уполномоченными органами.

Кроме того, отсутствие четкой и детальной регламентации процедуры возобновления производства по делу на основании постановления ЕСПЧ, с учетом правовых позиций высших судебных инстанций по данному вопросу, обременительно для граждан, формирующих позицию и обращающихся в суд для пересмотра дела, в результате разрешения которого российским судом допущено нарушение норм ЕКПЧ, зафиксированное судом.

Поскольку порядок имплементации ЕКПЧ представляет собой сферу регулирования наиболее важных аспектов общественных отношений, в целях реализации изложенного выше предложения, по нашему мнению, лучшим образом, подойдет издание специального федерального закона. В таком федеральном законе, представляется, надлежит сконцентрировать не только наиболее важные нормативные положения о регулировании порядка пересмотра дел ввиду выявления ЕСПЧ нарушений Россией положений Конвенции, с учетом разъяснений КС РФ, направленных на обеспечение принципа верховенства Конституции, и Верховного суда о наличии или об отсутствии предпосылок для такого пересмотра, но и решить такие частные вопросы, как, например, опубликование переведенных актов ЕСПЧ, применимых для дальнейшего цитирования российскими судами в ходе правоприменительной практики.

В связи с изложенным регламентация процедуры возобновления производства по делу, судебным актом по которому нарушены нормы ЕКПЧ и процедуры реализации мер общего характера, произведенная в соответствии

временное право. 2012. № 8; Султанов А.Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // Рос. юстиция. 2014. № 1.

¹³ См.: Караманукян Д.Т. Акты Европейского суда по правам человека в российской правовой системе: учеб. пособие. Омск: Омская юрид. акад. 2013.

с позициями, выработанными судебной практикой высших судебных инстанций Российской Федерации, по нашему мнению, стала бы целесообразным шагом на пути решения проблем имплементации положений Конвенции в российскую правовую систему.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: понятие, правовая природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сб. докл. – М., 1999.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Караманукян Д.Т. Акты Европейского суда по правам человека в российской правовой системе: учеб. пособие. – Омск: Омск. юрид. акад., 2013.
5. Ковлер А.И. Соотношение европейского конвенционного и национального конституционного права – обострение проблемы // Рос. ежегодн. Европейской конвенции по правам человека (Russian year book of the European convention on human rights). – М.: Статут, 2015. Вып. 1: Европейская конвенция: новые «старые» права.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
7. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 21 // РГ. – 05.07.2013. – № 145.
8. По делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» (Anchugov and Gladckov v. Russia, № 11157/04, 15162/05): постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 г.
9. По делу «Маркин против России» (Konstantin Markin v. Russia, № 30078/06): постановление ЕСПЧ от 07.10.2010 г.
10. По делу «Маркс против Бельгии» (Marckx v. Belgium, № 6833/74): постановление ЕСПЧ от 13.06.1979 г.
11. По делу «Тайрер против Соединенного Королевства» (Tyrer v. United Kingdom, № 5856/72): постановление ЕСПЧ от 25.04.1978 г.
12. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СЗ РФ. – 27.07.2015. – № 30. – Ст. 4658.

13. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного суда РФ от 06.12.2013 № 27-П // СЗ РФ. – 16.12.2013. – № 50. – Ст. 6670.

14. Рехтина И.В. Постановление Европейского суда по правам человека – новое обстоятельство для пересмотра судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Совр. право. – 2012. – № 8.

Сведения об авторах

Бехер Вероника Виссарионовна – кандидат юридических наук, завкафедрой публичного права ССЭИ (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: bekher@mail.ru

Бялт Виктор Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: victorkwr@mail.ru

Васильчикова Нина Александровна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. E-mail: nivasil@mail.ru

Виткова Лидия Андреева – аспирант кафедры защищенных систем связи, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. E-mail: Lidia@iskin.spb.ru

Волков Павел Анатольевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: pavel77782@inbox.ru

Воскресенская Елена Владимировна – доктор юридических наук, доцент, завкафедрой трудового права и права социального обеспечения, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: elenvoskr@mail.ru

Горковенко Александр Яковлевич – адвокат, коллегия адвокатов «Юникс», аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. E-mail: advokat375@gmail.com

Гутиева Ирина Генриховна – кандидат юридических наук, подполковник полиции, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского института МВД России. E-mail: Lel4993@rambler.ru

Демченко Николай Викторович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: Nvdemchenko@yandex.ru

Дорская Александра Андреевна – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой международного права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. E-mail: adorskaya@yandex.ru

Земцов Борис Николаевич – доктор исторических наук, завкафедрой истории, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Иванов Иван Анатольевич – юрист, выпускник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. E-mail: ivanov-ia@bk.ru

Иванова Карина Викторовна – магистрант юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: Karinich0007@mail.ru

Кабанов Андрей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры прикладной математики и информационных технологий, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. E-mail: akabanov@inbox.ru

Карпов Андрей Александрович – соискатель кафедры теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия, оперуполномоченный отдела уголовного розыска Приволжского линейного управления МВД России на транспорте. E-mail: reuykarпов@mail.ru

Курашвили Автандил Юрьевич – кандидат юридических наук, главный юрисконсульт Дирекции по юридическим вопросам ОАО "Силловые машины – ЗТЛ, ЛМЗ, Электросила, Энергомашэкспорт". E-mail: avtand-reserv@yandex.ru

Лайченкова Наталия Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: NATA800@yandex.ru

Лодыженская Ирина Игоревна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, председатель Ленинградского областного суда в отставке. E-mail: Lodzhenskaya.I@jurfak.spb.ru

Макаренко Максим Анатольевич – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: lawonda@yandex.ru

Максимов Виталий Алексеевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: maximovva@mail.ru

Меркулова Мария Сергеевна – магистрант юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: 4189983@mail.ru

Младшев Борис Евгеньевич – магистрант юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Мышевская Карина Владимировна – магистрант юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: karina91@inbox.ru

Науменко Ксения Андреевна – магистрант кафедры теории государства и права, Ленинградский государственный университет. E-mail: ksn@glorystory.ru

Низамов Вячеслав Юрьевич – кандидат юридических наук, завкафедрой уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). E-mail: advocab@yandex.ru

Панфилов Глеб Павлович – студент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: panfilovgleb@gmail.com

Петров Константин Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: 1petrov_kv@mail.ru

Порохов Михаил Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: more03@inbox.ru

Порохова Анна Николаевна – кандидат политических наук, эксперт, Общественная палата Вологодской области. E-mail: more03@inbox.ru

Саюшкина Елена Владимировна – аспирант кафедры уголовного права и процесса, Оренбургский государственный аграрный университет. E-mail: elena.zrb@mail.ru

Свистунова Людмила Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Сейтумеров Айдар Серверович – адвокат адвокатской палаты Республики Татарстан, старший преподаватель, Академия социального образования, Казань. E-mail: S30102012@gmail.com

Семенович Кристина Сергеевна – аспирант юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: Kristinakt@yandex.ru

Стремоухов Алексей Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: stre mouhov@pisem.net

Федоринова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: fedorinovi@mail.ru

Федосеева Екатерина Сергеевна – соискатель кафедры гражданского, арбитражного и административного процессуального права, Российский государственный университет правосудия. E-mail: ekaterina.asp@yandex.ru

Чех Артур Олегович – магистрант юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Чижов Сергей Владимирович – кандидат технических наук, председатель Совета СРО НПП «Союзпетрострой-Проект». E-mail: sergchizh@yandex.ru

Шубников Юрий Борисович – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. E-mail: shubnikovub@mail.ru

Ягодин Роман Сергеевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: Romanyagodin@yandex.ru

АВТОРАМ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ

К публикации в Ленинградском юридическом журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр вопросов современной юриспруденции.

Необходимым условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя. Рецензирование поступивших в редакцию материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Материалы, направляемые в редакцию по электронной почте lenjournal@yandex.ru, должны быть представлены тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Фамилия автора помещается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

Ссылки на литературу оформляются постранично, нумерация сквозная.

В конце статьи приводится список литературы (не менее 5–7 позиций).

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить стилистическую и корректорскую правку (не меняющую смысл) авторского текста.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

*196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское ш., 10
тел. 8 (812) 470-56-74, 8 (812) 451-83-49*

Для заметок

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2016
№ 1 (43)

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Е. Ю. Березина*
Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 16.03.2016. Формат 70х90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17. Тираж 300 экз. Заказ № 1237

Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10